

ЩОРС

В. Карпенко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Владимир Карпенко
ЩОРС

Москва
Издательство «Молодая гвардия»
1974

Книга В. Карпенко рассказывает о жизни легендарного начдива, героя гражданской войны Н. Щорса. О том, как он со сформированным им же Богунским полком устанавливал Советскую власть в освобожденных от петлюровцев районах Украины. Автор использует в своей книге архивные материалы и воспоминания соратников Щорса. Книга рассчитана на массового читателя.

Этот вихрь,
от мысли до курка,
и постройку,
и пожара дым
прибирала
партия
к рукам,
направляла,
строила в ряды.

В. Маяковский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Всю жизнь собирался Микола Щорс, сын Ивана, бросить бедные солонцеватые земли Полесья. Слышал, что где-то больше света и солнца, а под ним нежится сухая, без болот и лесов, земля, жирная и щедрая, парующая по весне. Скудный надел его не вознаграждал за труд. Смолоду рвался туда, а с годами желание угасало. Прослышит, что в Сибири пустуют плодородные земли, гниют на корню двухсотлетние деревья, замлеет сердце.

– А может, поедем, Александр, – напоминал старшему. – Деваться надо куда-нибудь, не проживем мы на этом клочке.

Остужали разгоряченную голову трезвые, не по годам расчетливые слова сына:

– Нет, тятя, земля в Сибири спокон веков не троганная плугом. Зубами ее грызть? Нужны волы или лошади. А у нас с тобой по одной рубашке...

Так и не собрался Микола Щорс с духом, не кинул свои края. Все силы до остатка вложил в безжалостно скупую белорусскую землю; нестарым еще лег в нее и сам.

Александр не в отца. Такой же щуплый, сухокостный, ростом мал, но не в пример отцу замкнут, чуждался людей. Уважения к земле не обрел, а тянулся к верстаку. В 19 лет он покинул отчий кров. Латаный ватный пиджак да дощатый сундучок со слесарным немудрящим инструментом – вот и все, что мог Микола выделить сыну от своего хозяйства. Смахивая украдкой слезу, напутствовал:

– Может, ты найдешь свою долю...

За порог не провожал. Недобрая примета: тоска заест сына по родной хате.

Из Минска Александр выехал чугункой. Всего полторы сотни верст отмахал – сошел на маленькой станции Сновск. Выбрал не случайно. В рождественскую слякоть в вокзальном буфете его внимание привлек сухопарый, с чахлой соломенной бородкой мужик. Свистки паровозов мешали Александру слушать. Из обрывков понял: свежесколоченная артель правится на Черниговщину, в казачье село Носовку. Село большое, на реке Снов; земли супесные, леса сосновые, сухие, без болот, много солнца. Но обольститель брал за душу другим – недавно там пролегла чугунка. Расстраивается пристанционный поселок, закладывается крупное депо. Рабочим рукам есть дело. Рубль длинный, а дорога к нему короткая...

Так и прибился Александр Щорс к Табельчуку Михайле в подручные. Лето ставили срубы домов, сараи, клуни. Заработки шли немалые. На покров день расстался со Сновском. Из Минска пришла бумага – предстояла солдатчина. Михайло не скупился на добрые напутственные слова, звал вернуться после службы:

– Срубишь дом, введешь в него молодую хозяйку... И заживешь припеваючи. Заработков на скоки годы тут хватит.

Сдержал Александр Щорс слово. Годы прошли – вернулся.

Поселок Сновск возник в последней четверти прошлого века. В 1871 году у сел Носовка, Коржовка и Гвоздиковка пролегла железная дорога, связавшая Белоруссию с

Украиной. Тихий, полноводный Снов – приток Десны – перешагнул ажурный на каменных быках мост. Через тот мост и повалил безземельный и безлошадный люд из гнилых болот Полесья на сухие, здоровые места Черниговщины. Вокруг станции и депо бурно шла застройка.

Пришлые лепились ближе к станции; они-то и давали рабочую силу депо и железной дороге.

К концу века Сновск обрел облик пристанционного поселка. Станция внесла большие перемены в жизнь села. Батраки, а за ними и беднейшие селяне прибывались к дороге. Применения своим натруженным рукам находили в избытке – вместо вил, кос брались за молотки, кирки, топоры. Бурно развивались ремесла, торговля. В Сновске появились целыми семьями жестянщики, сапожники, веревочники, портные, плотники, кровельщики, гончары. Все мастеровщина, кустари. Добрую половину работных рук взяли кирпичные мастерские, депо и стрелочные будки.

Кроме белорусов-умельцев, из Гомеля и других мест в Сновск переселилось немало еврейских семей. Многодетные евреи строили длинные деревянные флигеля на два отдельных входа, с крытыми крылечками на улицу, непременно дощатый пристрой – лавочку. Торговали всем – от марафет, иголок до тульских самоваров и николаевской водки. Мясные лавки, булочные и галантерейные магазины обступали привокзальную площадь.

Осенью воскресными днями кишел базар. Селяне прибывали на возах; везли битую и живую птицу, сало, вели скот. Среди них располагались бондари, гончары и прочие мастеровые со своим товаром. Шел извечный торг, обмен продуктов на товары. Тут же удачную покупку, да и неудачную, обмывали – ставили магарычи. Колокольный звон собирал сырых, калек, юродивых; таборами к реке сворачивали цыгане. Разряженные, в цветных лохмотьях, серебряных монетах, цыганки со стаями голопузых цыганят назойливо околпачивали простодушных селян; пока цыганка гадает по ладоням, на зеркальце, цыганята обчистят весь воз, что достанут на вытянутую детскую руку. А их мужья, бородатые, горластые, в добрых сапогах и картузах с лакированным козырьком, в рубахах и штанах, исполосованных в ленточки, сбывали с рук пятнистых кляч; сивобородые раскладывали прямо на земле поковки из железа – ножи, топоры, печные принадлежности; иные водили на цепи серого от пыли медведя. Вечерами в таборе устраивали пьянки с плясками, песнями и драками. Сновцы толпами собирались на цыганском берегу. Манила, вызывала любопытство чужая бездомная, кочевая жизнь...

С легкой душой приживался Александр Щорс в Сновске. Слесарным делом под острым глазом Михайлы Табельчука, овладел скоро, получил в депо самостоятельный верстак с тисками.

Семья Табельчуков с годами делалась роднее. На глазах у него подрастала детвора; со старшими, Петром, Николаем и Казимиром, дружил. Разница в годах немалая, но это не мешало подросткам делиться своими сердечными, уличными делами с отставным солдатом, усатым и малоразговорчивым. Привязанностью отличался Казимир, Казя, так звали его в семье, – худой, долговязый, с пытливым взглядом серых, как у отца, глаз. Его интересовало все, одолевал вопросами. Почему тонет человек в реке? Не умеет держаться на воде. Такой ответ еще больше озадачивал мальчишку. А что оно такое... «держаться»? Этот вопрос уже ставил в тупик и самого отца Михайлу. Отмахивался от назойливого, делал сердитый вид.

– Отцепись ты, репьях. К батюшке ступай Николаю. Али к своим богомазам... Те втолкуют.

Смалу Казимиром владела страсть. Уже какой год, каждую весну перед пасхой, в церкви появлялся длинноволосый старец богомаз с юнцом помощником. Как звали старца, откуда он родом, никто в поселке не знал – Богомаз и Богомаз. Подновлял иконы, а помощник освежал голубой краской паперть, двери, окна. Днями пропадал Казя возле них. В зимние короткие дни рисует плотницким карандашом на листах из конторской книги; бумаги не хватало – на подоконниках, на стенах. Сестра Александра не успевала забеливать. Летом

орудовал хворостиной на песчаной дороге. Так, узоры не узоры, ни люди, ни звери. На вопрос – что это? – он силком отрывался от своих каких-то дум, густо бледнел, и на серые глаза наворачивались слезы.

Пришлось Михайле разориться. Знакомый машинист привез из Гомеля щетинных кистей и красок масляных в цинковых обертках. Мазал теперь напропалую. По стеклу ладно получается. Но где его набраться? В дело пошли дощатые и фанерные кухонные покрышки. Мать за голову хваталась. Все стены увешали. Домашние и соседи близко подступали к фанеркам, пожимая плечами, с недоумением переглядывались, кривили губы. Мазня! Художник снисходительно попрекал:

– Масляную картину глядят издали.

Чудно! Облака, хаты, деревья... Что-то знакомое, виденное. Да, мост через Снов. Ребятче место... Ловко! Все как есть. И ребятишки барахтаются в воде.

Секрет масляной живописи открыл Казе Богомаз. Сам-то он, старец, писал иконы иной манерой – гладкописью. Лики святых, богородиц не должно исказить. Гляди издали или вблизи. Светское письмо не нуждается в строгости. Краску можно класть на грунтовое «поле» посвободнее, с избытком. Близо – коряво, зато отойдешь – краски оживают. Пытливый мальчонка перенял тот секрет, проникся.

По окончании церковноприходской школы Казимир уехал в Вильно, в железнодорожное училище.

Нежданно-негаданно оборвалась холостяцкая жизнь у Александра Щорса. Окидывал все поодаль. А тут – на тебе. Судьба. А судьбу, как говорили старики, не обойдешь. Рядом, у Табельчука, подросла старшая, Александра.

С троицы все и началось. До того обращался с ней как с девчонкой. Давал шлепков, пряников по праздничным дням, не скупился и на поучения. И вдруг обнаружилось... она выше его ростом. И совсем взрослая. Потерял голову. Утром и вечером тер руки с мылом, брился каждый день; раньше сам подстригал усы – нынче прибежал к помощи еврея-цирюльника. Справил пиджачную пару из недорогой шерсти, белую рубаху, полуботинки; в довершение обзавелся тростью и гамашами бежевого цвета. Зачастил к Табельчукам. Каждый вечер! Засиживался до ночи; норовил ближе к Александре.

Не ждали свадебной поры – покрова. Отгуляли на спаса, по теплу.

С год молодые жили у Табельчуков. Александр с осени еще приглядел пустырь на Новобазарной улице, меж базаром и депо, зиму завозил кругляк, тес, кирпич; с появлением тепла зазвенели лопаты, засверкали топоры. В артель кликнули соседей. Верховодил Михайло.

К вознесенью красовался сруб, желтый, нарядный, звено к звену; выставился на улицу свежеструганный часток. Александр навтыкал яблоневых саженцев, вдоль ограды – кустов красной и черной смородины. Вырыл колодец.

Вскоре родился первенец – сын!

На другой день нового сновца понесли в церковь. С вечера всем семейством выбирали новорожденному имя. Сошлись на одном – Николай. С кумовьями таскался и дед Михайло. Заглядывая через плечо попа в толстую книгу записей, подсказывал:

– Мая двадцать пятого дня одна тысяча восемьсот девяносто пятого... Рабочий родитель-то.

Поп хмуро свел клочковатые брови.

– Нет в России такого сословия. Из крестьян младенец. Крестьянство – опора царю и отечеству. Да и столп духовному престолу, – захлопнув книгу, смилоствивился: – Расти внука, Михайло Антонович.

К зиме Щорсы вселились в собственный дом. Сбылась у Александра давняя мечта. Обрел кров, семью. Четвертый десяток разменял. Иным за всю жизнь того не иметь. Осталось еще заветное...

За кои годы сросся, казалось, со слесарным верстаком, зажмурки выточил бы иную

деталь. Ан нет. Руки с ножовкой делали свое, а глазом косил на паровоз. С тайной завистью провожал взглядом машинистов в черной суконной форме, проходивших двором депо с жестяными сундучками. Какое с тестем – с женой не делился своим сокровенным. С годами мечта – водить паровозы – укоренялась. Глушил ее в своем подворье. До работы и после копался в саду, достраивался. Выкраивал время и сыну-первенцу. Пилил, строгал, сбивал деревянные игрушки. Только-только успел Николай спуститься на пол, а его место в подвесной люльке занял братишка Константин. Этот не в старшего – горластый, с норовом, требовал к себе повышенного внимания всех живущих в доме.

Со вторым ребенком забот у Александры прибавилось. Идя под венец, сохраняла много от девчонки – угловатость, неловкость; теперь она мать, налилась сочной женской силой. Сгладилось лицо, белявое, с мягким овалом; яснее проглянули голубые веселые глаза. Голову украшала охапка русых с рыжинкой волос; как все молодые женщины, чаще наворачивала их на затылке узлом. Проявился и табельчуковский характер – легкий, уравновешенный, спокойный. Любила кухню, стряпанье; часто и подолгу возилась с тестом. Престольные праздники, воскресные дни никогда не обходились без печеного и жареного.

Братья, Николай и Константин, росли вместе. Разные по характеру, они крепко держались друг друга. Десять месяцев, разделявшие их, сравнялись где-то на третьем, четвертом году. Николай хрупкий, на остром худеньком личике выделялись глаза – внимательные, иссера-синие. Малоразговорчив, малоподвижен. Во всем противоположность старшему – Константин. Крепыш, плечист, веселый открытый нрав не мешал ему на улице пускать в дело и без дела кулаки. Любил Константин петь. Горланил в доме, на улице.

После долгой зимней поры, с первыми весенними днями братья перебирались во двор, в сад. Сперва сад казался им обширным миром, полным таинственных шорохов. Шорохи те вселяли страх. В два-три лота мир двора был изведен, покорен. Потянуло за калитку. Улица полна жизни. Она не только увлекательнее, но и опаснее. Копыта лошадей, колеса, пьяные, соседские собаки, а хлестче – мальчишки. Тут-то нашлось дело для зудящих кулаков Константина. Дрался отчаянно. Постоянно ходил в свежих синяках. Отец смирял его буйный нрав осуждающим взглядом, мать – подзатыльником, ставила в пример старшего. Не задира, без синяков, рубашка всегда с пуговицами, целыми плечами. Николая пример не обольщал. Он-то знал, половина братниных синяков, дыр на рубашке – из-за него. Раз, два промолчал. После ходил сам не свой: стыдно перед братом. Не вытерпел пытки:

– Мама, Костей невиноватый! В меня пулял грудками Никитка Воробьев, сапожников.

В драках завязывалась уличная дружба. Несчетно раз на дню подерутся и помирятся. Не поделят лавочку у дома, клочок пыльной дороги, гайку, вынутую из песка, кусок проволоки. Крики, слезы. Разбегутся по дворам. А погода – мирные пересвисты, отодвигаются железные засовы.

Постепенно в округе дома Щорсов сложился свой край. Напротив, наискосок – подворье Воробьевых; за садом – Плющ Митька, Глушенко Сергей, Науменко Вася. Поддерживали их Мороз Сашка, Ермоленко Степка, Прокопович Николка.

Пришла пора, когда тесно стало на улицах. Манила река. Первое время не рисковали: преграждало дорогу кладбище. Даже клятвенные заверения Степки Ермоленко, жившего у самых могил, – мертвяки, мол, среди бела дня не бродят меж крестов, – не помогали. Пробили обходную тропку – за болотом, железнодорожной насыпью. Долгий, неудобный путь. А решилось просто. Как-то напали гвоздиковские, переплыв на самодельных плотках; отступая, самые отчаянные, среди них и Константин, закрепились на могилках. С того боя и обжили самую короткую дорогу к реке.

Семья Щорсов неизменно росла. Каждые два года в доме появлялся новый жилец. Кулюша, Акулина по метрикам, за ней Екатерина; последней нашлась Ольга.

Год 1904-й ознаменовался для Александра Николаевича немаловажным событием – сдал на машиниста. Достиг заветного. В самостоятельный рейс шел как на праздник. Новая тужурка с белыми железными пуговицами, фуражка с зеленым кантом; тайком купил и

белые нитяные перчатки. Взять их постеснялся, да того и не требовалось. Не пассажирский – товарняк. Состав попался сборный, расхлябанный. Старенький и паровоз, весь в латках, будто худое корыто. Какие уж перчатки! Покуда одолел за ночь свой перегон – на вершок покрылся копотью.

Александр Николаевич жил только домом, семьей. Читал газеты, как и все мало-мальски грамотные; знал, есть и запрещенные книжки. Появлялись тайные листовки в мастерских; читали их тесными кучками, вполголоса. В понятии дорожного начальства и поселковых стражников люди те назывались «смутьянами». Что в тех листках, к чему они звали, его не волновало. Не знал бы вовсе, не будь разговоров в семье тестя. Исходили они от шурина.

Давно Казимир Табельчук окончил техническое училище в Вильно. Таскался по дальним местам, нигде надолго не приживаясь; с полгода как вернулся и состоял при депо. Жил бобылем, занимая у отца светелку. Остальные дети Михайлы Табельчука были на отделе, имели семьи. На престольные праздники по заведенному Порядку собирались все в родительском доме. Тут-то и начинались разговоры. И, как всегда, затевал старый Табельчук. Александр Николаевич видел, что тесть, вызывая сына на спор, вовсе не отрицал его мыслей, откровенно крамольных слов; казалось, он втайне любит сына, похвально и в то же время исподволь предупреждает, желая оградить от опасности.

– Ныне опять наши котельщики, смутьяны, бузу заварили, – улучив момент, заговорил Михайло, явно провоцируя сына. – Стражники являлись, шарили по рундучкам... И чего человеку надобно? Есть работа, есть кусок хлеба... Загудят в острог али еще подальше, в Сибирь. Сдается, инженер у котельщиков потакает им. Вежливый такой, руку тянет нашему брату черномазому. А возле него вьется щенок, мой подручный Сашка Васильченко.

– Выходит, зазорно интеллигенту первому подать руку рабочему человеку, – поддается Казимир на провокацию.

– Так то не по правилам...

– Извиняюсь! Кто, спрашивается, писал те самые *правила*, а? Не народ. Определенно. И служат они небольшой сравнительно кучке. Кому? Вот вопрос. А что касается инженера Полтавцева, не обессудьте, тятя, большой души он человек, высокой культуры. Кстати, без состояния. Старуха мать всю жизнь провела в селе, учительствовала.

Казалось, разговор иссяк. Но Михайло, подняв рюмку, исподволь пробивался к запретному.

– Коль так, за хорошего человека не грех и выпить. С праздником покровом, дети, и ты, жена...

Потрудившись возле холодца, он напоминал:

– Так кому же служат те правила, а?

Лицо у Казимира и без того бескровное, а после выпитого и вовсе белеет. Отвечать отцу ему явно не хочется: знает истинную цену этим расспросам. Родителя давно он раскусил, не придает значения его кажущейся строгости и приверженности ко всему старому. Понимал, держится он за старое по привычке. Видит вокруг себя назревающие события, душой принимает. Сашку Васильченко, своего подручного, осуждает только в семье, а там, на миру, величает по имени-отчеству.

– Вы, тятя, завсегда первый задираетесь за столом, – вступилась за брата Александра, воспринимавшая все эти разговоры по своему бабьему разумению. – Жениться тебе, Казя, край надо. Детишки свои пойдут...

Теплым прищуром окинул Казимир сестру, сидевшую напротив, возле мужа. Он видел ее довольную замужеством, детьми, любил бывать у них, возиться с детворой. Из многочисленных племянников – от братьев и сестер – отличал ее старшего, Николая. Не детский ум, ранняя серьезность; находил в нем свое – привычку уединяться. Думы у Николая-ребенка какие-то свои, но определенно земные. Сестра не нахвалится помощником. Именно в этом и чувствовал Казимир разницу между собой и им. Свои детские думы он помнит: скорее то были мечтания, полет воображения. А вырос – мир тот погас, лопнул, как

мыльный пузырь; ощутил себя одиноким, ничем не связанным с окружающим, похоже, рыба, выброшенная на песок. Понимал, теперь расплачивается за свою непригодность. Сестра не однажды уже заговаривала о женитьбе, желая ему добра, но она и не подозревала, что ее простые человеческие слова так больно бьют близкого человека. Оставалось Казимиру только отшучиваться:

– Какой уж я жених, Шура... Опоздал. Невесты мои уж сыновей своих на службу цареву провожают.

Нашелся старый Табельчук: поднял рюмку за внуков, смену свою.

Александр Николаевич замечал взаимную привязанность сына и шурина. Не вдумывался, что их может тянуть друг к другу. Само собой, кровь, родство. К Казимиру сам он с давних пор питал необъяснимую тягу, душевное расположение. Стоял тот особняком среди молодых Табельчуков, больше всех нуждался в помощи, в чьей-то твердой руке. Как мог, помогал. Тот отвечал доверием. Сейчас чувствовалось – заросла тропинка взаимности. Казимир уже не нуждался в его помощи. Теперь у него своя жизнь, правда малопонятная. Знался с новым инженером, котельщиками, отлучался в воскресные дни на какие-то сходки в лес, на реку, посещал вечерами дом колбасника и пекаря Шица, обрусевшего австрийца. По слухам, режутся в карты, поют песни. Одно в диковину – возвращался трезвым. Этими новостями делилась жена, передавая тревогу матери. И что с того? Молодежь, бессемейные. Наверяд ли Казимир держит тесную связь с деповскими. Да и особый он, не такой, как все, – отреченный мечтатель. К ящику с красками заметно поостыл, зато другая страсть его одолела – тщится построить летательный аппарат. Едва не все жалованье вгоняет в свою мечту.

Вернувшись от тестя, Александр Николаевич у плиты застал своего старшего. А Константина нет, бегают. Поймав на себе взгляд сына, почувствовал непонятную неловкость. С чего бы? Его-то он, отец, вынырнул, возился больше, нежели с кем другим. Младшим времени не оставалось – в разъездах да в разъездах. Николай-то уж вырос! В школу через зиму. А ведь проглядел. Кормит, одевает, копит в доме, как крот, все для них, для детей. Он вдруг явственно понял причину неловкости. Совсем не знает сына, не знает его думок, желаний. Будто чужой.

Грозные события 1905 года всколыхнули и Сновск. Не депо, навряд ли тихую жизнь поселка потревожила бы революционная волна. Дикое захолустье, отдаленное на сотни верст от Киева, Петербурга, Москвы, Харькова. Железная ветка, связавшая те центры, сделала его доступным извне. Накануне кровавых событий в Петербурге – 9 января – в Сновске создается социал-демократическая группа. Ядро ее составили рабочие депо – Глушко Е. Е., Васильченко А. П., Ракитский Б. А., Голубов П. П., Викаревич Е. Е., Тышко Б. П., Кушныров И. С., Карпович А. М., Красько М. Д. Ими руководил Полесский комитет РСДРП. Председателем стачечного комитета был избран инженер Иван Карпович Полтавцев.

Едва телеграф донес в Сновск известие о кровавом воскресеньи, деповские бросили работу. Забастовщики сомкнулись по всей Либаво-Роменской дороге. С утра до ночи в просторном дворе депо, иссеченном путями, кипели страсти. Паровозные топки и котельня погашены, остановлены станки; все возвышенные места были тотчас приспособлены под трибуны. Рвались к тем трибунам все, и завзятые говоруны, и люди, не сказавшие за свою жизнь двух слов принародно. Объединяло всех одно – гнев. Чувствовалось, многовековому терпению рабочего люда пришел конец. На весь двор разносились призывы: к оружию, к свержению царского самодержавия!

Не действовали увещания, угрозы ни ближнего, ни дальнего начальства. Черниговский губернатор двинул на забастовщиков карательные казачьи части. В Сновске казаки появились на крещение. Зная, чем это пахнет, начальник депо Грузов вызвал к себе инженера Полтавцева и без обиняков, не повышая голоса, предупредил:

– Иван Карпович, желательнее, чтобы вы покинули Сновск... Немедля. Ночью может быть поздно. Шепните и Васильченко.

– Их два брата, Васильченко... Сергей и Сашка, – попробовал разыграть удивление Полтавцев.

– Речь идет об Александре, старшем... Сергей подал на брата в жандармерию донос. Так что решайте сами... Кстати, Иван Карпович, не подумайте... Я не разделяю ваши социал-демократические воззрения. Но, как русский интеллигент, против крайних мер. А в данном случае не хочу добавлять крови к той, какая уже пролилась... И пролилась напрасно.

Кровь в Сновске в те дни не пролилась. Ротмистр губернской жандармерии, возглавлявший карательный отряд, послушался начальника депо – аресты произвел глухой ночью. Дёповцы вернулись в мастерские на третье утро; мазутно задымила ржавая труба котельни, сердито засопели маневровые паровозы.

Погарцевав по притихшим улочкам с неделю, казаки оставили Сновск. На прощальном ужине у железнодорожного начальства жандарм, между прочим, посетовал:

– Вспугнул кто-то... Самая верхушка смутьянов исчезла. Изрядно потрясли вашего шифровальщика. Христом и богом молится... Думаю, в Чернигове язык он развяжет.

– Полно, ротмистр, шифровальщик благонадежный человек, – наполняя фужеры игристым вином, отозвался Грузов. – Да и один он у нас... Заменить некем... Главное восстановлено: мир да любовь...

Девять лет – пора, когда в человеке складывается характер, зреют чувства и особенно прочно оседает в душе виденное, пережитое. Конечно, со своими незрелыми оценками, своим пониманием; наиболее цепко хранит картины прошлого зрительная память.

Николай, как и все его сверстники, зимние шумные дни провел во дворе депо; тут происходили главные события. Митинги, громкие речи дёповских... На воле не уловишь, с чего такая буча, зачем явились вооруженные казаки на сытых конях. Не получал ответа и дома. Мать испуганно взирала на отца, сестренки странно смирили. Отец, неразговорчивый сроду, теперь и вовсе был хмурый, морщины не сглаживались на прокопченном лбу. Как и всегда, по утрам он одевался в форменное, брал неизменный жестяной сундучок и, тщательно закрывая за собой калитцу, уходил на «пути». Отбыв положенное время у остывшего паровоза, возвращался. Дед Табельчук, обычно словоохотливый, уклонялся тоже; «скручивая черными промасленными пальцами сигарку, укорял:

– Мал встречать еще в такие дела...

– Дядька Сашка, Васильченковых вон, с паровоза кричал на весь дёповский двор: «К оружию!» Это как? В кого стрелять?

– Ну, репьях ты, Николка, ей-бо... Вынь да положи тебе, – обижался незлобиво дед. – Ступай до дядьки Казн, тот все до тонкости распишет...

Николай сам знает, что тот объяснил бы. Но его нет. Незадолго до того, как дёповцы бросили работу, выехал из Сновска по казенным делам. Вернулся, когда через станцию опять пошли пассажирские поезда. Пропадал где-то дни и вечера, дома не застать. Явился как-то сам поздним вечером, мань уложила уже малых. Отец был в рейсе.

Сидели в горнице. Дядя с холоду налил из графинчика, к еде не притрагивался. Долго откашливался после водки и все время ворошил волосы. Матери отвечал невпопад; она добивалась, что станет с арестованными.

– А почему казаки не хватают тебя? – спросил вдруг Николай.

Два крупных, немигающих, черных от лампового света глаза расстреливали в упор. Казимир, трезвея, потянулся было опять к графинчику. Нет, не уклониться от этого взгляда, не уйти и от ответа. Отвечать не только племяннику – и самому себе. Да, почему жандармерия не интересуется его персоной? Окажись он в те дни в поселке, изменилось бы что? Выставился бы на трибуне, призвал к свержению царского режима... А рискнул бы? Наверяд... Арестовали членов РСДРП, кто не успел скрыться. Сам-то он таковым официально не числился. Разделять взгляды – одно, а бороться за них... Нет, не взял бы он в руки и оружие. Именно это и мучает его сейчас. Революционная волна захлестнула всю Россию из конца в конец. Идет великая битва труда с капиталом. Видит, волна спадает... А сам-то он с

кем? Где его место, на какой стороне? Нет, нет, о месте, стороне и разговора быть не может... Они определены им. Утвердился только, прочнее стать на ноги.

Потрепав Николая за жесткий вихор, виновато улыбнулся:

– Еще схватят, племяш, казаки... Не всех сразу.

Мать, отругав, проводила его спать.

Зиму и весну братья бегали к учительнице, – Анне Владимировне Горобцовой. Молодая, веселая женщина с высокой светлой прической; каждый год с покрова она собирала детей ближних соседей и готовила их к школе. Читать и писать Николай выучился шести лет, никто с ним не занимался, схватывал сам где мог. Больше возле дяди Казн. Кроме справочника да наставлений по паровозам, в доме книг не имелось. Учительница давала книжки с крупными буквами, картинками; от нее он постиг основы мудрой науки – арифметики, географии, истории. Любил слушать рассказы о дальних странах, прошлом Земли. Рассказывала Анна Владимировна увлекательно, живо; закроешь глаза – видишь американские леса, кишашие зверем, пустыни, вождей краснокожих людей, голых но пояс, с пышными головными уборами из перьев хищных птиц. Неведомо сказочные дали манили, захватывали мальчишеское воображение.

Все лето братья провели на реке, в лесу. Это была последняя, самая светлая пора их детства. Строили плоты, делали набег на давних недругов – гвоздиковцев; налетали на их огороды, сады. Игры приобретали определенный смысл – повторяли события, которые происходят близко или далеко от них. Прошлом лето бились с «самураями», нынче – с «фараонами».

Осенью Николай пошел в школу. День этот отмечался у Щорсов. Отец, свободный от рейса, оделся в выходную форму; вырядилась, будто в церковь, и мать. Николай в белой рубашке, суконных штанах и новых ботинках. Случалось ему бывать у школьной калитки и во дворе, заглядывал в пустой в летнюю пору коридор. Нынче испытывал иное ощущение. Чувствовал, что-то изменилось в его жизни, теперь нужно делить время между домом, улицей и школой.

Пестро одетую детвору выстроили во дворе. На крыльце тесно сбились учителя; среди них возвышался в черном наряде батюшка Николай. Слово приветствия держал заведующий школой Николай Ильич Шкилевич, учитель арифметики.

Первый день учебы тянулся мучительно долго. Казалось, не будет ему конца. Сидеть в чистом, новом, неразношенных ботинках, не смей шевельнуться, руки на парту было пыткой, наказанием. Учителя на каждый урок входили новые, и каждый нагонял страху. У иных в руках указка или линейка. Душные, тесные классы, запах свежebelенных известкой стен угнетали, а за окнами манило голубое небо, легкие белые облачка, напоминая вольную летнюю пору. Это не уютная комнатка у Анны Владимировны, куда можно вбегать со своей табуреткой.

Через день-два огляделись, притерлись. Классы просторные, светлые, парты гладенькие и вовсе не тесные, можно вертеться, пока учитель пишет на доске. Да и компания своя, уличная. Младшие, кому еще не припало в школу, сопровождали по утрам, заглядывали в окна, лезли на забор, открывали двери и бегали стадом по гулкому коридору; случалось, отпетые озорники утаскивали у сторожа звонок и звонили в середине урока. Среди них выделялся Константин. Тосковал он, не находил себе дома места; до самых холодов провожал брата.

Учеба Николаю давалась. Быстро решал, управлялся с чистописанием; задолго до школы знал молитвы. В горнице ему отвели место у окна. Когда садился за уроки, в просторном доме все смолкало; сестренки немо передвигались на цыпочках. Не касалось разве младшей, Ольги, – только она носилась на радостях по комнатам с визгом, задевая стулья и половички. Акулина, старшая, пыталась ее усостить; на короткое время это удавалось. Ольга, мурлыча колыбельную, укладывала спать самодельную куклу.

В дом Щорсов вкрадывалась беда. Когда началось – Александр Николаевич проглядел. Жена простужалась, кашляла, потом проходило. Выдали покашливание и ночные потения. К весне подурнела лицом – с обрезавшихся скул не сходил нехороший румянец. Сомнений не стало – чахотка. Откуда взялась?

Тесть, подвыпив, сокрушался:

– Не уберег... Не ушел от нее, треклятой хворобы этой. Весь род Табельчуков наказан. Сидит она, вражина, где-то в глуби нас... Дядька мой, еще помню... Братья, сестры... В цветущие года давила, окаянная. И Столбцы-то кинул из-за того, болота те гнилые, детей уберечь, солнышком порадовать... Ан нет... Гадюкой выткнула голову.

С весенним теплом Александре Михайловне поделалось лучше. С утра до вечера проводила в саду. Яблони цвели ясно; казалось, розовых сугробов намело. И небо чистое-чистое держалось весь май; днями, бывало, не увидишь ни одного облачка. Не помнила, чтобы так остро воспринимала цвета, запахи. Сжималась душа от мысли, что она может все это потерять. Не делилась своей тревогой ни с матерью, ни с мужем, заметнее уделяла время детям. Не журила Костю-сорванца, на старшего умиленно поглядывала со стороны; малую, Ольгу, с рук бы не спускала.

Как-то среди дня постучали в забор. По лаю собак, сбежавшихся со всей улицы, догадались: почтарь. Кудю-ша вернулась с письмом. Разбирала по складам, за этим занятием и застал ее школяр.

– Не пойму чтой-то, так коряво буквы проставлены.

Николай прочел громко, отделяя слово от слова. После длинного перечня поклонов от близких и дальних родственников, чуть не ото всех Столбцов, родственники приглашали на свадьбу.

С этого часа Александра Михайловна потеряла покой. Ехать, непременно ехать. Ни строгие слова мужа, ни уговоры родителей не помогали. Поедет, и все. А то увидит ли когда?

– Чай, первая свадьба у племянниц, – последний довод выставила она. – Да и родню проведать.

Собралась в два дня. Перекупала детвору, перестирала, перештопала. Прощание с детьми было тягостным, как чуяла, покидает их навеки...

Через неделю вернулись дед с бабкой, отец и дядя. Матери с ними не было...

Лето навалилось сразу, едва отзвенел последний звонок. Школяры, одуревшие от радости, вырывались из классов, тут же во дворе кидали вверх сумки, чернильницы. Каникулы! Речка, лес...

Радовался, дурачился со всеми и Николай.

Радость свою донес всего лишь до порога: не встречает его, как обычно, мать. Теперь он старший в доме после отца. Покинуло озорство и малых; следят за братом широко распахнутыми, полными испуга глазами. Одна Ольга всерьез ждет мамку.

Александр Николаевич, вернувшись из Столбцов, не водил детей за нос, объявил:

– Нету матери у вас, сироты вы. Померла она. Заховали ее в родной земле... Где родилась, там нашла и покой...

Наедине со старшим покинуло его самообладание. Не пряча помокревших глаз, неумело обнимая худенькие плечи, жалобился:

– Пропадем мы, Николай, без матери нашей... Куда с малыши-то? А все я...

– Не убивайся, варить я умею, Кулюша стирает уже.

После смерти Александры Михайловны домашние заботы легли на плечи Николая с отцом. Помогали и тетка Зося, и бабка, но не разрываться же им на два двора. Частые суточные отлучки приводили Александра Николаевича в отчаяние. Пятеро! Мал мала меньше.

Как всегда, на помощь пришел тесть. Вот уж поистине светлый ангел Александра Николаевича. Жестким узлом он привязан к семье Табельчуков. Вся жизнь, как есть, ощущает доброе слово и твердую руку. Как ни тяжело Михайле – выходит, сам пятнает

светлую память дочери, – а заговорил первым:

– Не бейся, Александр, как муха о стекло. Выход один – вводить женщину в дом.

Понимал – дому нужна хозяйка, детям мать. Все сразу явиться навряд ли может – хозяйка, мать, жена. Чем-то надо поступиться.

Александр Николаевич знал, кого ему прочат: дочку Константина Подбело, машиниста. Украдкой приглядывался, прикидывал. Еще моложе покойницы. Стати видные. Росла, белолица, кареглаза, с кудрявой шапкой волос. Не вышла вовремя замуж, теперь уж попала в ряд засидевшихся девиц. Терзался: да и пойдет ли она за него? Осторожно, исподволь выпытывал у тестя.

– С Костеем Подбело, баткой ее, уж обмозговали, – успокаивал Михайло. – Дай срок. Ты детей подготавливай...

Видел Александр Николаевич: Подбело оказывает ему внимание, снимает картуз, а встречаются паровозами, залиvisto сигналит. Зато совсем неожиданно натолкнулся на упорство старшего. Как-то вечером, перекупав малых, уложив их, они, трое мужчин, засиделись за самоваром. Начиная разговор, перенял настороженный взгляд Николая. Вдруг слова, какие собирал он несколько дней, оставили его. Побаивался Константина – ослушник, драчун, жди всегда от него выходку... Но Николай?! Послушный, умник, живет домом. Понял: именно он встанет на пути. Мать любит, больше всех привязан к ней. Не попадая струей из самовара в чашку, чертыхаясь, Александр Николаевич несвязно заговорил:

– А была бы мать... Не возились мы с вами до полуночи. Накупать надо, накормить, уложить... А там стирки – гора!

– Сам постираю. Ты ложись, чуть свет вставать, – необычно грубо отозвался Николай, искоса поглядывая на неловкие руки отца.

– Ишь, сам он... – ни с того ни с сего обозлился Александр Николаевич. – Сам все не переделаешь. Корова, индейки. А зима на носу... Две печи топить!

– Вот вага, – вмешался Константин, не подозревая, что так вдруг не поделили брат с отцом. – Дров накололи. А уголь засыпать... Покуда мы в школе, Кулюша доглядит за огнем.

Этой осенью в школу пошел и Константин. Бегал он туда с охотой, хотя уроки учить ленился.

Время брало свое. Александр Николаевич больше не начинал разговора о женитьбе. Николая он понимал и не осуждал его. Напротив, выделяя как старшего из детей, равного себе, делился с ним о своих делах на работе, советовался по хозяйству. Наблюдал исподволь, как он отходит, смягчается; мучает его совесть за грубость. К мысли о мачехе, заметно, непреклонен. Александра Николаевича это огорчало и радовало. Какое-то время он готов был сдать, отступить – вырастит детей один. Избегал на станции нарочно Константина Подбело, обходил их двор. А попадется на глаза цветастая голубая шалька, какую любит носить Мария, зайдет в сердце. Вот уж седина в голову, а бес в ребро. Тайком, стыдясь даже себя, искал взглядом ту шальку на базаре и в церкви.

Однажды, возвращаясь от тестя, столкнулся с ней лицом к лицу в тесном переулке. Румянея, прошла гордая, недоступная; на приветствие ответила едва приметным поклоном. Знал, ее тоже подготавливают. Сперва и слушать не хотела; вроде притерпелась. Та случайная встреча и оборвала все колебания у Александра Николаевича. Введет в дом хозяйкой Марию. Сделает все, чтобы дети ее приняли, чттили. Кроме старшего. Пусть он один изо всей семьи хранит память о родной матери. Силу он, отец, применять не станет. Втолкует и Марии – не спрашивала бы строго.

Как ни хотелось новой родне – обошлось без венчания. Поп записал только в брачную книгу. Гуляли в доме у невесты.

Вернувшись из школы, Николай издали догадался... Открывались ворота, въезжали сани. Не останавливаясь у калитки, прошел в проулок, к деду. От порога заявил:

– У вас жить буду.

Бабка, усаживая за стол, наревелась всласть. Помня наказ старика, вразумляла внука:

– Не гневайся, Колюшка, на отца. И его понять нужно... Вырастешь, узнаешь, что в

доме без хозяйки пусто человеку. Богу угодно призвать твою мамку... Рук не подложишь.

– Бог, бог... Чахотка задавила ее.

– А воля чья? – не отступала бабка, косясь на образа. – Его, бога.

Стемнело, зажгли лампу. Пришел отец. Не кричал, посмотрел тетрадки, поговорил вполголоса с дедом о своем, путейском. Какой-то пришибленный он; тихая, виноватая улыбка не сходила с бледного усталого лица. Николаю жалко его стало. Бабка, гремя посудой, позвала вечерять. Отец отказался; снимая с гвоздя полушубок, умоляюще глядел на него.

– Нет, мамаша... Дома своя вечеря на столе стынет. Да и неудобно, спрашивает она...

Догадался Николай, его спрашивают. Не ждал уговоров. Молча собрал в сумку книжки. Отец хотел было помочь ему застегнуть пальто – отстранил.

Все сидели за столом в горнице. Мачеха, в светлом платье с открытой шеей, встретила в прихожке; улыбаясь, протянула руку, желая познакомиться. Николай сделал вид, не понял жест – подал сумку с книгами. Приноравливаясь к пирогу с сушеными яблоками, видел, сестренки не чурались чужого человека в доме, переговариваются, а Константин и вовсе присоседился к ее локтю. Отлегло малость – ощутил вкус пирога.

Налаживалась новая жизнь в семье Щорсов. Девиата как-то сразу, одна за одной, стали называть Марию Константиновну «мамой». У Кости тоже прорывалось, но он умел и без этого слова объясняться с мачехой. У Николая ничего не получалось. Приходил он в себя долго, словно после тяжелой болезни. По привычке, заведенному порядку наполнял кадку водой, таскал из сарайчика дрова, уголь. Отпали варево и стирка. Пристрастился бегать вечерами к Табельчукам и все чаще оставался и на ночь. Отец не выговаривал. Привечал дядя Казя. Оказывается, он уже много лет «выдумывает» летательный аппарат. На листе бумаги он получается похожим на стрекозу – решетчатые, из планок, крылья, хвост, велосипедные колеса и моторчик на керосине, с крохотной махой.

– И взлетает? Не падает?

– Птица же летает... Закон один. Птица, опираясь на воздушную струю, может планировать. Наблюдал, орлы? На много верст поднимаются ввысь. Используют вихри. А что птицу тянет? Взмах крыла. А что способствует так легко и скоро летать? Форма тела. Обтекаемая, гладкая.

Николая раздирали сомнения: человек может оторваться от земли, полететь? Такое в сказках, с помощью волшебной силы. А по правде – вранье, выдумки. Никакой волшебной силы на земле нет. Вспомнилось: летал! Во сне. Давно-давно, еще была жива мать. С кручи, высокой-высокой, расставил руки и полетел. Через реку, над лесом. До сих пор явственно помнит ощущение полета.

– А во сне я летал... Не так это?

– Наверно, так.

– Я всурьез, дядя Казя, не смейся.

– Наука еще не может объяснить сны. Но полет во сне... Бабка тебе пояснит. Летают дети. Летал и я. Довольно часто. По народному поверью – ты растешь. Что-то тут есть...

Окутываясь дымом, Казимир глядел куда-то сквозь племянника.

– Пока не до снов... Явь! Сколько препятствий у человека! Есть насущные. Нужно преодолевать уже моему поколению. Вам не оставлять. А перед вами встанут свои. Так и движется жизнь из поколения к поколению. Летательные аппараты – одна из последних идей девятнадцатого столетия, так сказать, идея моего поколения. Нам ее и воплощать...

– Я тоже скоро вырасту.

– И на твой век хватит дел. К примеру... Революция! Уже не одно поколение решает эту идею, бьется за нее. Будут еще биться твои внуки, правнуки. Кое-где она взяла верх. Во Франции. Народ обезглавил своего короля, провозгласил республику. Но правит страной не рабочий, не крестьянин, а богач, капиталист. Я считаю, что у власти государства должен встать народ. Это справедливо. Кто трудится. Возьми у нас... Хотел народ вот... Не вышло.

– А снова?

– Гм, храбрый. Такое десятилетиями копится. Повторит ли твоё поколение, не уверен. Мое – нет.

Всегда так дядька Казя озадачивает. Наговорит, наговорит интересных слов, не всё понятных. Нынче, кажись, уловил их смысл. Позапрошлогодние события на деповском дворе не что иное, как революция. Слесари, котельщики, кое-кто из инженеров встали против царя. Думал, только у них в Сновске. Ого! По всей России. В крупных городах, Питере, Москве, Киеве, Харькове, народ вышел с красными флагами, с оружием. Строили на улицах баррикады, как в той же Франции. Победил царь. У него казаки, жандармы...

Вскоре в шумной семье Щорсов прибавился ещё бас. Нового жильца нарекли Григорием. Года через полтора родилась Зинаида. Мешалась семья, сживалась.

1909 год. Этой весной Николай окончил церковноприходскую школу. Встал вопрос: куда? Конечно, Александр Николаевич желал бы своему первенцу и лучшей доли, нежели у самого. Слишком долгод и труден его путь до машиниста. В самом деле, куда? О гимназиях думать не приходится. Сосед, Новицкий, тоже машинист, увозит дочку в Городню, в частную гимназию. Какие нужны средства! В реальное училище? Тоже не бесплатно. Одна дорога – на поклон к Грузову, начальнику депо. Не в слесарные мастерские, то к себе на паровоз, в кочегары.

Вечером в саду возле самовара состоялся разговор. Как-то не случалось обсуждать семейно, думалось, не скоро. Учился прилежно, жалобами не одолевали, не то, что с младшим. А нынче надо решать, не терпит время. Александр Николаевич не посмел сразу заикнуться о своих намерениях.

– Как же теперь, сынок? Грамотой овладел. У нас и в роду таких, почитай, свидетельств не имелось.

У Николая недовольно сошлись брови. Наклонившись, часто тянул из блюда. Знал, каков будет разговор. Отец не в состоянии, как у Глашки Новицкой, отдать его не только в частную гимназию, но и в реалку. Митьку Плюща отправляют родители в музыкальную школу, как бы не в самый губернский город. Едва не с пеленок Митька помирает за скрипкой. Завидует Глашке и Митьке. Хотелось и ему учиться. Техник-путеец, мостостроитель, как дядя Казя? Можно на учителя, в семинарию. Опять же плата. Делился с дядей; тот, прикинув, подсказал – военно-фельдшерская школа. Навел справки. Казенный счет, полный пансионат, с обмундированием и котлом. Ему, полусироте, сыну отставного ратника, положены льготы. Такие школы в Киеве и Николаеве. В Николаеве – морская. Воспрянул духом. Морская! На кораблях, в море...

Поразила униженная усмешка отца, неловко за него перед мачехой. Говорил бы напрямик! Желая помочь ему, сказал:

– Депо, слесарный верстак не уйдут... И паровоз. Поеду в Николаев. Там школа, Военно-фельдшерская... Не поступлю, вернусь.

– Я, сынок, не против грамоты. Сам видишь, семья...

Лучше бы промолчал.

Николай постоял за калиткой. Не хотелось никого видеть. Побрел к школе. Солнце пропало за соснами, над поселком скапливались сумерки. Школьный двор, непривычно пустой, казался чужим. Утром отзвенел для него последний звонок. Обогнул кругом забора. Окна хранили ещё теплые отблески вечерней зари; сквозь них смутно белели стены в классах. Крайние два – их; у углового – его парта.

За спиной шаги. Глашка! Кралась на цыпочках: хотела испугать. В белом платье, с газовыми бантами в светлых косах. Утром в школу прибежала так, не передевалась, что ли?

– Чего ты?

Сам смутился грубого окрика.

– Из депо я... От папы.

Оттягивая, она кусала мелкими зубами край банта. Светло-карие при дневном свете, глаза ее сейчас были темными, подсиненные закатным небом.

– Ты так глядишь... Сроду не видал.

Глаша, выпустив бант, потупилась; худые голые руки оправляли складки платья.

Да, такую он ее не видал. Она казалась ему чужой, незнакомой. Это не та беловолосая вертлявая девчонка, какую он знает едва ли не с той поры, как впервые вышел сам за калитку. Играли, росли вместе, дрались меж собой и против гвоздиковских; Глашка принимала участие чуть ли не во всех битвах. Бегала за ней вся их улица. Многие, от Митьки Плюща и до Глущенко Сережки, подметывали в школе ей записочки. Он не писал. Не нравилось, как другие изгалялись в своих сердечных тайнах, хвастались, а иные, еще хуже, насмехались над девчонками.

В пасхальные каникулы возле них, как и всегда, собралась компания. Сашка Мороз, чубатый верзила, с трудом одолевавший в два захода последние классы, сплюнул в сторону двора Глашки и выругался. Он, Николай, влепил тому оплеуху. Быть ему битому – Сашка отпетый босьяк, но рядом встал Костя.

Глашке, видать, передали. С той поры она дольше Обычного задерживала на нем взгляд, по всякому пустяку обращалась в школе, бегала к ним домой. Так, ни за чем; потаскает Гришку, понянькается с младенцем, Борькой, а сама вскользь косится на трюмо в горнице К нему, Николаю, и слова не уронит, будто его и нет; тем же отвечал ей и он.

Не поверил. Вишь, со станции! От отца. Увидала его... От догадки такой у Николая похолодели щеки; он вдруг ощутил знобкую прохладу, будто пахнуло из леса.

– Не из депо я вовсе... – шепотом созналась она.

Показалось Николаю, будто они на базарной площади в воскресное утро. Лю-юду круго-ом! Все на них смотрят. Замирая, повел взглядом. К яви вернула Глашка; она первая опамятовалась, ухватив за руку, потащила.

– Пойдем лесом, кругом... Вернемся домой проулками...

Странно, меж желтыми стволами сосен виднее, чем у школы. Шли, касаясь локтями. Не говорили. Просто так шли и шли.

– Завтра уезжаю с папой в Городню. После вступительных экзаменов вернусь на немного... Сходим еще в школу? Лесом, а?

– Я тоже уезжаю.

– Куда?

– В Николаев. В морскую школу... Военно-фельдшерскую.

– Фи! Скатертью дорога! – она кругнула бантами и побежала, загребая песок, к своей калитке.

Вот такая Глаша понятна ему.

Николай сдержал слово – ездил в Николаев. Отец не противился. Выделил долю из месячного заработка, упробил знакомых машинистов, чтобы те в Бахмаче пересадили его на кременчугский поезд.

– А там рукой подать, – напутствовал Александр Николаевич сына, усаживая на товарняк. – Язык до Киева доведет.

Обговорили, коль примут, он приедет домой на денек.

Через неделю Николай вернулся. Недобрал балл; нужно девять, даже восемь с половиной. У него – восемь. Вспоминал о своих мытарствах, дорожных и вступительных, без сожаления, даже с захлебом, что несвойственно ему. Повидал мир! Сроду нигде не бывал. А главное – море! Вот воды! Не то что в Снове. Солнце заходит прямо в море, как у них – в лес.

В первый же день сказал отцу:

– Веди в депо.

– Успеется, – неопределенно ответил Александр Николаевич.

Улучив момент, Кулюша, старшая из сестер, глазастая, как и все Щорсы, отвела за дальнюю яблоню, к дровяному сараю.

– Глашка прибежала, – делилась она, вытягиваясь на цыпочки.

– Говорила про что? – Николай отвел взгляд.

– Вошла в сарай вот, посидела на твоём топчане, полистала книжку...

Его вдруг потянуло за калитку. Сестра, пристыженная, все же сказала вслед:

– Не выходи на улицу... Она вчера уехала.

Опустел вдруг для Николая поселок. А ведь рвался, думал, застанет. Так и уехала в ссоре. Непременно мириться приходила. Занавески на ее окнах те и не те; знал, там теперь для него совсем пусто.

Потянуло к школе, как тогда. Постоял у забора, где она хотела его испугать, прошелся сосновой опушкой. Все выглядело другим. Пусто. Почувствовал себя одиноким.

До заморозков Николай ночевал в своем «кабинете», в дровяном сарае. Давно, еще со второго класса, отгородил уголок у оконца: сколотил топчан, стол, вместо табуретки пристроил сосновый пень. На полочке, у изголовья, разместил все свое хозяйство – книжки, кое-что из слесарных и столярных инструментов, выделенных дедом Табельчуком. Тут же и крохотный глобус, подаренный отцом еще при жизни матери. Строгал, пилил, обтачивал железки в тисочках. По привычке уединялся и сейчас. Уроков не готовить – просто читал. Таскал книги от дядки Казн. По утрам пробирало под ватным одеялом. Раскопал в чулане старый отцов кожух.

Мачеха дулась. Что скажут соседки? В дом не пускает пасынка, мол... Отец пробовал усюветить. Ни в какую. Ему надо закаляться. Как и прежде, собираются у них. Однолеток, самых близких, нет в поселке – Митьки Плюща, Сережки Глущенко, Васи Науменко, – разъехались кто куда. Бегали Костины дружки – братья Павловы – Сергей и Семен, Николай Ковальков, Степан Ермоленко, Федька Ильин; Сашка Мороз заглядывал. Частыми гостями были двоюродные братья, Иван да Тимка Колбаско.

Отец так и не отвел Николая в депо. Своего решения не объяснил сыну; делился с женой: неудобно, мол, от людей. Мал, четырнадцатый только. Ничего доброго, что сам он зарабатывал себе па прокорм да справу с восьми лет. Пока сила в руках, не последний кусок доедают, пусть побегает, поозорует. Намыкается еще с грабаркой на паровозе, погнет горб и за слесарным верстаком. Собственный кусок не уйдет от него. Мало того, в душе Александра Николаевича засела думка: окончит Константин через зиму школу, отвезет обоих в Киев. Стороной вызнал от шурина, в самом деле ему, отставному ратнику, причитаются для его детей льготы. Военный фельдшер вовсе не зазорное дело в руках. А чем его дети хуже других? Заговорило чувство собственного достоинства. Сам-то не последний машинист на дороге.

На рождественские каникулы приехала Глаша. Как ни странно, новость эту сообщил отец. Вернулся он со смены вчера, а сказал нынче за завтраком.

– Сосед Новицкий дочку встретил из Городни. Вечерним, за моим шел сразу...

Увидел Глашу, когда совсем уже отчаялся. Мачеха засветила лампу. Кулюша, зная свою обязанность, схватилась было на волю, закрыть ставни. Николай, чего раньше не делал, опередил сестру. Выскочил в чем был, в рубахе и расхожих латаных штанах, без шапки. Зыркнул на их калитку. Всовывая прогон, кричал на всю улицу, хотя Кулюша уже вдела оттуда железный штырек. Услыхал за спиной хруст снега.

Глаша подошла, поздоровалась, как всегда это делала, будто и не прошло полгода.

– Вот толечко приехала, еще и в дом не входила. Мама с папой поднялись... Я случайно задержалась в калитке.

– Ты же вчера еще!..

– Мы сразу к бабушке...

Не знал Николай, куда девать руки. Выболтал сдуру. Добро, не видать глаз. Сгорел бы со стыда.

– Озябнешь. Беги в тепло. А хочешь, пройдемся...

Ветром слетал в дом. Не сговариваясь, пошли в сторону школы. Глаша, щебеча без умолку, все вырывалась вперед. Он шагал степенно. На ней белый пуховый платок, мохростые концы спускались до шубейки. Шубейка давняя, заячья; пожалуй, голос еще остался от нее, той, прежней; то, о чем она рассказывала, делало ее какой-то недоступной.

Жила она теперь своими интересами, далекими и непонятными для него, Николая. Меж девичьих имен попадают и ребячьи. Танцы, вечерние прогулки гурьбой. В нем копилось что-то похожее на обиду – больно примелькалось имя Анатолий. Через каждые пять слов.

Обойдя школьный двор, засыпанный под самый частокол снегом, Глаша подошла и тихо спросила:

– Приходил еще сюда?.. Вот на это самое место... Совсем-совсем один, а? Приходил, сознайся?

Николай, смущенный, потупился.

У Константина совсем неожиданно оказался хороший табель. На выпуске заведующий в числе других помянул и его добрым словом. Польщенный Александр Николаевич в тот же день при всей семье объявил свою волю: повезет обоих в Киев, в военно-фельдшерскую школу. Не откладывая в долгий ящик, отправил почтой прошение на имя начальника. Вскоре собрались в путь.

Киев поразил Николая. Зеленая гора посреди города, повитая сиреновой дымкой; как в сказке, горели в лучах невидного еще солнца золотые купола. Небо, казалось, насквозь пропитано колокольным звоном.

– Праздник нонче? – удивился Костя, взваливая свой баул на плечо.

– Спас, никак, – отец неодобрительно покосился: сроду не в ладах с законом божьим.

От вокзальной площади ехали конным трамваем – конкой; долго петляли на бричке по тесным улочкам, обсаженным акациями и тополями. Неожиданно очутились на горе, самой маковке, той, какая виднелась от вокзала. Пол-Киева видать!

– Доихалы, – сообщил седовласый возница, не вынимая трубку изо рта. – Оцэ тута ж фершала.

У привратника вызнали, где можно найти ночлег. Недалеко, в Михайловском монастыре, сняли келью. Тесно, грязно, зато дешево – больше тратились на покупку свечек.

В тот же день Александр Николаевич побывал у начальника школы Калашникова. Важный, благообразный полковник, с роскошной раздвоенной бородой, выбеленной годами, в очках с круглыми стеклами, в золотой оправе, утешил: прошение, мол, принято, под льготы подходит, дело за самими сыновьями – медосмотр и вступительные экзамены.

Киевская военно-фельдшерская школа открыта в 1864 году царским указом. Готовила фельдшеров для армии. Обучение четырехгодичное. Частые войны требовали увеличения войск. Постоянно ощущалась нужда в лекарском персонале. В те годы было основано несколько таких школ по крупным городам, в том числе и морская в Николаеве.

Под школу в Киеве отвели старинную крепость казематного типа с толстыми, полутораметровыми стенами, со сводчатыми потолками. Здание двухэтажное; стояло оно едва не на самом высоком месте в городе.

В старой крепостной части размещались спальни, столовая с кухней и продуктовыми кладовками, цейхгауз, раздевалки, церковь. Все дневное время воспитанники проводили в пристрое. Застоявшуюся сырость из казематов вывели, переоборудовав их в теплые и сухие помещения.

Напротив располагался в таком же старом здании окружной военный госпиталь. Вокруг еще сохранились крепостная стена и высокий земляной вал. Школу и госпиталь разделял просторный плац, обсаженный деревьями; внутри выращен фруктовый сад.

От плац-парка спускается Госпитальная улица. Упирается она в полутора верстах в Бессарабку, Бессарабский базар. Примечательностью Бессарабки является ночлежный дом Терещенко для босяков. С горы базар заслоняют деревья. Трудно найти в Киеве красивее, здоровее и удобнее место для школы. В садах, ни городского шума, ни пыли. И всего полчаса ходьбы от Крещатика.

С раннего утра толчется народ на переднем дворе. Возле каждого отпрыска один, а то и двое взрослых. Преимущественно в крестьянском; видать и городских. Сутолока, волнения.

Осмотр шел ходко. К вечеру того же дня вывесили списки допущенных к экзаменам. Оставили 300 человек; среди них оказались и братья Щорсы.

С неделю жил Александр Николаевич как в жаровне. В дни экзаменов места себе не находил ни в холодной, даже в жару, келье, ни во дворе. Арифметику, русский сдали. Тревожился за закон божий: отмочит что-нибудь младший. Нет, сошло. Слава богу!

У входа, на крашеной фанере, приколоты списки. Оба брата приняты. На радостях Александр Николаевич сходил в собор, поставил Николаю-угоднику свечку. Отдав последние наставления, оделив по целковому, он простился с сыновьями.

Николай легко вживался в казарменный военный режим, жадно слушал на уроках, часами сидел за книгами.

В школе братья были неразлучны. Тянулся к старшему Костя. Мало-помалу к ним прибивались, больше «середняки», слабые в учебе, хилые телом. Под защиту, а равно и за помощью – списать, получить подсказку. Костя, подглядывая у брата, щедро делился с остальными. Другая группа в классе, меньшая, прозывалась «монахами» – великовозрастные оболтусы с крепкими руками. Кое-кто, обломав о щорсовские кулаки свои бока, признавал их, лез с дружкой. Во всех классах всех возрастов были свои «середняки» и «монахи».

Окончился первый учебный год. Братья приехали на каникулы в Сновск. Вся семья нашла, что братья выросли, изменились. Сестры ахали, любясь новенькой шерстяной формой, чистыми белыми лицами. Григорий, заметно вытянувшийся, принялся перед зеркалом примерять зеленые фуражки.

Мария Константиновна прихворнула – не выходила из спальни.

Ей братья предстали отдельно. Она удовлетворенно кивнула.

Домовничала Кулюша, хлопотала у плиты; помогала бабка, явившись на этот случай.

Стол накрыли в саду. Пришла семья Колбаско, тетка Зося с мужем и ребятами, Иваном и Тимкой, дед Михайло и дядя Казя. Александр Николаевич, в новой спецовке, свежеевыбранный, восседал именинником – по обе руки сыновья.

Дядя Казя наскучал по племяннику. Выспрашивал о Киеве, о школе, о преподавателях. Что читает, отпускают ли на выходной в город, где бывает. Застольный шум мешал им, отошли к калитке. Николай, отвечая, нет-нет взглядывал через улицу на знакомые окна с зелеными ставнями. От Кулюши знал – Глаша уже дня три, как дома. Успела обрисовать ее – нарядная, в модном клетчатом платье и шляпке. К ним, Щорсам, заходит; нынче что-то не прибегала. Это Николаю и беспокоило: не уехала ли опять к бабке? Переписка у них была: за год обменялись пачками писем. Получал и писал едва ли не ежедневно. Во дворе у них никакого движения. Вырвался из-за стола и Костя; подхватив двоюродных братьев, убежал на реку.

– Стаскивай робу – и айда, – соблазнял он. – Неужели не надоела?

Николай мялся – купаться хотелось, и форму жалко снимать. Показать бы сразу Глаше...

– Потом прибежит, – выручил дядя Казя. – Неудобно, собрались ради вас...

Костя отмахнулся и исчез за калиткой.

Забывшись Николай с детворой. Для удобства – бегать по траве – переоделся в расхожее, домашнее: простенькие бумажные штаны, латанные на коленях, рубашку в полоску. Заметно вырос из них. Кувыркаясь, визжал вместе со всеми, играл в жмурки. На таинственные знаки сестры Кулюши не сразу отозвался, она кивками показывала на калитку: выдь, мол.

– Глашка, – шепнула, досадуя на его несообразительность.

Издали еще догадался, что Глаша прибежала с реки. Белая матроска с синим полосатым воротом и синяя короткая юбка открывали шею, руки, ноги выше колен. Загар свежий: вздернутый нос выделялся красным пятном, вот-вот залохматится белой стружкой. Желтые богатые косы наверчены на маковке, берегла от воды, не окуналась; завитушки мокрыми сосульками свисали на уши и шею.

– Костю увидала, – сказала она, смущенно топчась у раскрытой калитки и в то же время

пытливо оглядывая его светло-кариими глазами. – А ты... не в форме?

– Осточертела форма. Тянись перед каждым мундиром, отдавай честь... Добро в гражданке... сам себе командир.

– В письмах так гордился, – Глаша опешила. – И на фотокарточке... Она идет тебе.

Николай готов был сгореть дотла.

Не опомнились, как пролетел месяц. Такого лета у Николая не бывало еще. Дома в нем не нуждались, просто отвыкли. Все его обязанности разделили между собой сестры, Кулюша и Катерина. Первые день-два, потолкавшись, он увидел, обходятся без него. Исчезал с утра.

Праздное одиночество не такое уж пустое занятие. Шестнадцатилетний парень очутился вдруг один на один с собой. Вспомнилось давнее: как бы со стороны видел себя мальцом у матери на руках, школьником среди братвы, на реке, в дубраве. Поначалу были видения сумбурные, что взбредет в голову; не отдавал отчета, зачем воскрешает в памяти прошлое.

Дальше – больше: начал выделять себя, переоценивать свое отношение к виденному. Понял: главные события проходили вне дома. Погашенные топки паровозов, непривычно бездымная ржавая труба котельни, черная толпа деповских, оставившая верстаки в рабочие часы, – все это представлялось нынче в ином свете. По горячему следу высказывал дядя Казя, но суть тех высказываний дошла только теперь. Вспомнился отчетливо и тот вечер в горнице... Явственно видит материны глаза, вопрошающие, испуганные. Дядя казался пьяным. Теперь понимает его тогдашнее состояние: боялся он не казаков, ему было стыдно перед теми, кого угнали казаки. До сих пор слышит свой голос: «А почему казаки не хватают тебя?»

Не вспомнит, что побудило его спрашивать. Сейчас, восстанавливая в памяти по черточкам выражение лица дяди и слыша ответные слова, ему становилось неловко перед самим собой. Будь дядя не в отъезде в те дни, даже толкайся среди бастовавших, ничего не изменилось бы. Понимать происходящее вокруг тебя, объяснять его не значит бороться, отстаивать. Дядя не был связан с руководителями забастовщиков; он слишком занят собой, живет в своем мире. Годы вынашивает мечту о создании летательного аппарата, не жалеет сил, времени и заработков, чтобы воплотить ее. Остального для него просто не существует.

В нынешний приезд Николай почувствовал: дядя изменился. Что-то сдвинулось и в их взаимоотношениях, усложнилось, хотя и обращался тот к нему как к равному. Раньше учил, объяснял. Николай слушал, мучительно силился вникнуть в суть его слов, всегда сложную и непонятную. Не стеснялся переспрашивать, все услышанное принимал на веру. Теперь они будто поменялись местами: дядя хотел слушать. Вопросы сыпались беспрерывно; порой такие, диву давался Николай: чем кормят в школе воспитанников, как часто водят их в баню, какие постели... Пробовал отшучиваться – дядя хмурился. Удивительное находил в том, что самого-то дядю сроду не занимали такие «пустяки», как еда, одежда, да и весь прочий домашний быт.

На днях дядя Казя поставил и вовсе его в тупик. Шли они мимо депо по путям. Указывая взглядом на поворотный круг, где стоял паровоз, он с нескрытой завистью и грустью сказал:

– Паровоз чего... Задал человек ему направление. А движется по рельсам, не собьется. Ты тоже видишь, куда идешь.

Ломает Николай голову: что в тех словах дяди? Явно сожалеет, что не знает, куда идти. Но как понимать о себе? Что значит – видишь, куда идешь? Впервые подумал, как мало знает о самом себе.

Не знает ничего и о Глаше. О ней думал постоянно, где бы ни находился, что бы ни делал. Дома, на улице и, само собой, на охоте. Тут никто не мешал. Кто там возле нее? Красивая, нарядная.

Глаша не пришла на вокзал. Предупредила с вечера: совестно, мол. Удержался, не вспылит. Прогуливались по хоженной тропке – обошли школу, дальние улочки. Она держала его за руку выше локтя.

В вагоне мысленно составлял письмо, в котором объяснит, что не сумел высказать в последний вечер...

Годы учебы в военно-фельдшерской школе не давали глубоких знаний. Общеобразовательные предметы преподавались поверхностно, обзорно. Упор делали на изучение и практическое освоение специальных дисциплин: анатомии, физиологии, формации, учении о повязках, патологии, гигиене, хирургии, фармакологии, рецептуре, уходу за больными. Предметы эти вели врачи окружного военного госпиталя; в его палатах воспитанники проходили практические занятия. Среди врачей немало было прогрессивных, высокообразованных людей, учеников и последователей Н. И. Пирогова; они делились с будущими военными фельдшерами знаниями, прививали им высокое понимание врачебного долга и чувства любви к человеку.

Воспитанникам втолковывали уставы внутренней и гарнизонной службы, частично строевой. Быт, весь школьный уклад держались на них. Едва не с первого дня, надев форму и услышав команду «становись», Николай проникся к строю. Строгий казарменный режим не тяготил его, наказания сносил терпимо, тем более если понимал свою провинность. И все-таки главной школой для него остался родной Сновск.

Месяц-полтора в году проводил Николай в Сновске. Последние каникулы для него особенно были наполнены. Едва ступив в калитку, он почувствовал: что-то случилось. На что мачеха, Мария Константиновна, скупа с ним на ласковые слова, строга лицом, а тут суетилась с виноватым видом, будто ухаживала за больным. Отвлекала вопросами пустяковыми, как дорога, то да се, похоже, не давала спросить ему. На Костю ноль внимания, будто и не было его рядом. А ведь у брата прямая нужда в участии: остался повторно в группе среднего возраста. Докал его все-таки школьный поп.

Что же стряслось? С отцом виделся на перроне, детвора вся здорова; мало того, очередная прибавка – Раиса. Знал о ней из писем, прошлым летом не дождался ее появления. Девчонке уже восьмой месяц, зубы прорезались. Вон какая глазастая, общительная – тянется пухлыми ручонками. Взял ее у Кулюши.

Ощущение тревоги не проходило. Может, у Табельчуков что, с дедом, бабкой, у Колбаско? В письмах не сообщали. Отец на перроне ничего не сказал, спокоен; огорчил его, правда, Костя...

Расстегнув свой баул, Николай оделил детвору городскими гостинцами: дешевыми игрушками, лентами, марафетами в цветастых бумажных обертках. Старшей, Кулюше, подарок особый – нарядную косынку и костяной гребень; такой же и Марии Константиновне. Поблагодарив, она тут же накинула на кудрявую голову косынку, вертелась, как девчонка, возле трюмо.

А где же Кулюша? Николай выскочил в сад; надежда на сестру: разъяснит. Нашел в сарае, в своем «кабинете». Как всегда, она убирала после зимы этот уголок, готовила к его приезду.

– Кулюша! – окликнул от порога, осваиваясь с прелыми сарайными сумерками. – Гостинцы тебе из Киева... Что тут у вас произошло? – Николай едва не сорвался на крик. – Со школой что-нибудь у тебя?

– А чего с ней? Закончила. Свидетельство выдали.

– А у деда?

По взгляду сестры определил, что спрашивает совсем не то. Сел на кровать, откинулся, опершись на руки. Не подозревая об истинной причине, понял: «Глаша!» Как был в наглаженной суконной форме, в начищенных ботинках, завалился поверх одеяла, лицом вниз. Сцепил зубы. Вот они, недомолвки, загадки, какие появлялись в ее письмах. Зимой на каникулы она уезжала из Городни в какой-то город. Не назвала, отписалась: с подругой, мол. Жаловалась на настроение, на «боль души». Ни воспоминаний о Сновске, ни упреков, что редко пишет, чем были забиты ее письма все эти годы.

– На пасху обвенчались... Не в Сновске, там, у него... Вроде в Нежине. Он

инженер-путеец. Приезжали на днях. Красивая стала, разодетая, будто пава.

В дверном светлом проеме встала длинная несуразная фигура. Митька Плющ!

Рад был Николай оставить дом. Соболезнующие взгляды мачехи и сестры травили душу; предупредив, чтобы не ждали к обеду, дырками в заборах, как это они делали пацанами, пробрались в сад к Плющам.

Прошное лето они не видались. Как Митька изменился! Ничего от пухлых, с нежной кожей щек; обозначились скулы, расползся у ноздрей нос, потерялся под широким ртом подбородок. Глаза те же. Знал, он окончил музыкальную школу, теперь вечерами играет в ресторане. По виду – несладко ему в гуще веселой губернской жизни; безвольный с мальчишек, на диво незлобивый и добрый, такого засосет в тину. Как родители разрешили остаться ему в городе?

– Да, слышал...

Рана затягивалась медленно. Как ни тяжело на душе, как ни занят был самим собой, Николай с первой же встречи почувствовал в дяде перемену. Не внешнюю, сроду помнит его чистые белые рубахи, опрятно подстриженные, промытые волосы, усики, щеки выбритые. Все как и прежде. Пожалуй, новое в выражении лица, в глазах, в жестах.

– Да, знаешь, аппарат-то мой... Куски в сарай стащил. Распался. На земле еще...

Дерганый, нервический смех, потирание рук, будто отмывал их от мазута, больно задела Николая. Тут же выразил сожаление.

– Что ты! – вскричал дядя. – Рад я. Столько лет потратил попусту! В науке воздухоплавания уйма темных мест. Мою идею разрешать внукам, правнукам.

Он явно куда-то собирался на ночь глядя. В брюках от праздничной тройки, в шевровых ботинках, скрипя по крашеному полу подошвами, подбирал к свежей батистовой рубахе у зеркала галстуки. Николай, наблюдая за ним, вдруг вспомнил давний-предавний разговор в этой же горнице. Не утерпел, подколот:

– Что-то много оставляешь ты, Казимир Михайлович, внукам да правнукам. А сам что сделаешь для них?

Переняв в зеркале взгляд племяша, обернулся. Помнил, по имени-отчеству тот начал его величать с прошлых каникул; сам дал к тому повод. Не обижался. Насмешка в его голосе была кажущаяся; на самом деле она уравнивала их в возрасте, сближала, делала единомышленниками, друзьями. Ему давно хотелось видеть Николая взрослым. Сейчас та пора настала.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, выигрывая время, чтобы собраться с ответом.

– Революцию давно оставил ты внукам и правнукам. Теперь и летательные аппараты...

– Злопамятный, однако, ты, Николай Александрович.

Казимир поворочал шеей, затягивая галстук, спохватился: племянник может воспринять ответное величание как невестке в отместку. Удостоверившись, смуглое глазастое лицо его не утратило иронического выражения, успокоился. Подковырнул в самое болючее. Словами тут не отделаешься. Ладно, так тому и быть. Пускай увидит воочию, послушает речи умных людей. Пора. Чего доброго, царь еще сделает из него своего сатрапа, верного хранителя престола. Форма ему, сукину сыну, идет. Перемахнет в строевую службу, посыплются чины... Голова есть, характер.

Не по себе сделалось Казимиру от нарисованной картины будущего. Застегнув жилетку, поправив пробор на голове, резко сорвал с плечиков пиджак.

– Пойдем, племяш, кутнем у Малька! Не киевские рестораны. Трактир всего-навсего. Ну, ну, морщишься. К людям почтенным. Чашку чаю из тульского самовара я тебе обещаю.

По дороге дядя молчал. Николай, заинтригованный, ни о чем не допытывался. На переходном горбатом мостике через пути им встретился городской в белом летнем мундире, при шашке, нагане и свистке на малиновом шнуре вокруг шеи. Почтительно снял он фуражку, улыбаясь в толстые, выгоревшие на солнце усы. Ему, Николаю, отдал честь.

– Знакомый?

– Как же... Все жандармы мои друзья в наилучшем виде, – с непонятной усмешкой

ответил дядя. – Богда фамилия его. Незаметно понаблюдай, он в поселок не пойдет, вернется на перрон.

В вокзальном буфете Казимир Михайлович заказал стопку горькой. Выпил у стойки. Кося лукаво глазом, проговорил:

– Тебе, думаю, ни к чему.

На перроне, среди пассажиров, ожидавших вечерний на Гомель, едва не столкнулись опять с Богдой. Жандарм, обдувая важно усы, сделал вид, что не заметил.

Солнце скрылось за лесом. Голубые сумерки кутали поселок, видный с мостика до самой Носовки. В небесной лазури еще горел, отражая заходящие лучи, ажурный крест на церкви. Лай собак, рев вернувшейся из лугов скотины, крик гусей, белесая пыль над крышами. Казимир Михайлович очарованно окидывал взглядом.

– Наделяет же бог даром людей... На дешевой мешковине, щетинной кистью, может, надранной из самой паршивой свиньи. И такое! Цвет, трепетный свет, эти звуки! Вообрази! Даже звуки можно, оказывается, передавать на холсте красками. Непостижимо. Тайнство...

Спускаясь по деревянным ступеням, окованным железом, допытывался:

– Бываешь в Киеве на смотрах живописных полотен?

– Не положено нам появляться в общественных местах.

– Да, да, понимаю... Солдат должен быть солдатом. Это выгодно кое-кому... Не дай бог солдат начнет думать.

– Какой я солдат, дядя Казя! Фельдшер. Могу потом работать в любой больнице.

– Ладно, ладно, к слову я... А в картинную галерею ходи. Пускают же в увольнительные. Переодеться можно. А читаешь что?

– Больше историю. Походы киевских и московских князей. Великие битвы с нашествниками...

– Дело. А эту зиму что читал?

– Ну вот весной... «Леду», «Четверо», Каменского, писателя. Еще «Санин», «У последней черты».

– Ага, Арцыбашев... А что-нибудь из госпожи Чарской? Нет. Не хватает полного букета. Лидией Чарской зачитывается молодежь. Эх-ха! Забивают вам башку трубухой.

Из темноты вывернулась телега. Возчик, пьяный, сек кнутом лошадь, орал благам матом.

– А Горький?

– Ну, Горького брал у тебя... Прошлым летом.

Шли глухими закоулками. Николай не угадывал в потемках дворов. Дядя, оборвав расспросы, сделал знак молчать. Тайнственность развила любопытство. Стороной обогнули базарную площадь. Остановились у высокой дощатой ограды. Вглядевшись, Николай узнал дом известного в поселке колбасника и пекаря Шица. Выдавали запахи жареного мяса и теста.

На легонький стук в ставню калитку открыла женщина. В пристрое – пекарне и колбасной – горел свет, в стеклах маячили тени. Их провели в дом. В просторной горнице, освещенной лампой-«молнией», сидели люди. Одеты в праздничное. Молодые и пожилые. На первых порах Николай никого не узнал. Круглый стол под полотняной скатертью заставлен чашками. Посередине высится начищенный пузатый самовар, как видно, внесли его только – пышет паром.

За фикусом пустовал стул. Николай присел, фуражку надел на колено. Дядю тут ждали, кивали ему, иные протягивали руки. Ага, узнал: щуплый, со сморщенным бритым лицом старикан – Михайловский, машинист. Одно время они сменялись с отцом на паровозе. Еще знакомец, тоже в летах, с вислыми усами, широколицый, с угрюмым навесом бровей, Коленченко. Из-за буфета ему дружески мигали. В мундире путейца. Да ведь это родич Васьки Науменко, дружка; звать его Кузьма.

Вошел хозяин. Невысокий, моложавый, с непотухающим румянцем на щеках; редкие белые волосы разложены аккуратно, пробором. Он австриец, обрусевший, хотя многие слова

коверкает по-своему.

– Пришель, Казимир Михайлёвич, – приветливо протянул руки дяде. – Прошу к столу.

К столу никто не придвигался. Чашки, наполненные хозяином, передавали по цепочке. Подошли еще, среди них дядя Колбаско, муж тетки Зоей. Прихлебывая, Николай вслушивался. Пока разговор ни о чем, но он понял, самовар тут для отвода глаз. Слышал и раньше о сборищах у пекаря, но дядя помалкивал. Нынче привел.

Дядя сидел у стола, рядом с австрийцем. Головы ого за самоваром не видать – рука с растопыренными пальцами да плечо. Удивил голос: какой-то чужой, глуше, отчего казался внушительным. Николай поерзал – мешал фикус. Следил за рукой; она отвлекала, терялся смысл и без того непонятного разговора. Не слышал от него такого обилия слов: «буржуазные националисты», «октябристы», «оппортунизм», «черносотенцы», «великодержавный шовинизм». Из кармана вынул газету «Правда». Знал о такой – привозят из Петербурга. О ней упоминал врач из окружного госпиталя; часто ее закрывают жандармы.

Вслушиваясь, Николай понял: речь некоего Петровского. Выступал тот на заседании Думы. Громил «национал-либералов» за идейную поддержку царской политики, разоблачал лицемерие местных, украинских, буржуазных националистов.

Чтение неоднократно прерывалось. Иные вскакивали. Вскакивал и Шиц, испуганно тыча оттопыренным пальцем на окна. Горячо и страстно наседали на дядю незнакомец с бледным выпуклым лбом, с темной бородкой и длинными взлохмаченными волосами. Вьющиеся пряди лезли ему в глаза; он нервно отбрасывал их пятерней, поправлял галстук, ворочал шей.

– Господин Петровский известно куда гнет! Громит великодержавный шовинизм, а сам замахивается на молодые прогрессивные силы Украины. Вы только вслушайтесь в его слова... А мы знаем, кто за его спиной, с чьего голоса он поет. Знаем!

– Карашо сказаль Остапенко, – поддержал Шиц. – Петровский и вашим, и нашим...

– Александр Антонович, – укоризненно сказал дядя. – Насколько помню, вы бурно приветствовали избрание Петровского в Думу. А линию гнет он куда надо...

Пекарь, виновато моргая красными веками, покорно сложил руки на груди.

После резких слов машиниста Михайловского поостыл и бородатый. Опустившись на стул, демонстративно устался в угол, на этажерку с книгами.

Возвращались за полночь. Шли не таясь по базарной площади. Николай ясно отдавал себе отчет, где он сейчас был, что слышал. Такое ощущение – приобщился к чему-то запретному. Пожалуй, карцером бы не отделался, узнай кто из преподавателей.

– Кто такой Петровский? – напомнил о себе, благодарный тому, что дядя не лезет с расспросами.

– Петровский – депутат четвертой Думы, избран рабочими Екатеринославской губернии.

– А почему на него навалился тот, бородатый? Он сновский?

– Остапенко? Нет. Из управления дороги. А навалился на Петровского... Гм, удивительно было бы, поддержи он его.

– Но этот ведь тоже революционер.

– Разумеется.

Усмешка дяди задела: играет с ним как с мальчишкой. Сунул руки в карманы в нарушение устава, дав себе слово ни о чем больше не спрашивать его. У ворот Табельчуков остановились.

– Спать до нас, – предложил дядя, открывая калитку. – Чего тревожить своих.

Посидели на перилах крыльца. Дядя, прикурив, шепотом заговорил:

– Революционер революционеру рознь. Григорий Иванович Петровский – старый социал-демократ, большевик. Единомышленник Ульянова-Ленина. О нем я говорил тебе. Петровский представляет в Государственной думе, теперешней, совместно с несколькими депутатами социал-демократическую партию, РСДРП. От имени этой партии выступают и депутаты-меньшевики. У них иная программа, нежели у большевиков.

– А Остапенко?

– Чего? – дядя уже забыл о нем. – А! Вот, вот. Слышал же, цепным кобелем набросился на Петровского. Меньшевиком считает себя... А по-моему... махровый эсер-националист.

Погасив о стояк папиросу, зевнул сладко.

– Ладно, спать айда.

Зарываясь под одеяло, Николай понял, чем дядя изменился. Ожил, окреп изнутри, спустился с небес на землю. Обрел тут же людей, недругов и единомышленников.

На вокзал Николай пришел один. Костя каждые каникулы накликал на себя беду, а нынче мольба его дошла до бога: на рыбалке простыл. Поселковый доктор выписал ему освобождение на неделю.

Протолкавшись к кассе, купил билет. До поезда еще четверть часа. Прогуляется по перрону. Застегивая карман гимнастерки, увидел, как баул его кто-то поднял; у самого уха – голос:

– Пройдемте-кась...

Жандарм! Богда.

В дежурке, куда он частенько забегал за отцом, еще двое. Из дорожных никого нет. Толстощекий, бритый наголо, с желтыми лычками на малиновых погонах, сидел на стуле дежурного. Богда, поставив перед ним баул, отрекомендовал:

– Щорс, воспитанник Киевской военно-фельдшерской школы. Возвращается с каникул, так сказать-с...

Бритый откашлялся в кулак.

– Щорса, машиниста, сын?

– Его-с.

Николая обожгла догадка. Обыск! Ждали его. Замешательство тут же сменилось холодным расчетом. Того, что надеются найти, у него нет. Следят за дядей Казей. Предупредить его...

– Чем обязан, господа? – спросил, поправляя складки под ремнем.

Бритоголовый неморгающе выдержал его взгляд, буднично сказал, указывая пальцем на баул:

– Желательно взглянуть... Отоприте, пожалуйста.

– Замка нет.

Вытряхнул баул Богда. Пересмотрел все вещи; перелистал книжки, тетрадки, выворачивал даже шерстяные носки, вывязанные накануне бабкой. Начальник, отвалившись, потряс с благоговением устав строевой службы, затрепанную книжонку.

– Интересуетесь строевой службой? Похвально, господин фельдшер.

– Не имею чести еще быть таковым, – ответил Николай, не поддаваясь на его миролюбивую усмешку.

– Еще год учебы им-с, – подсказал Богда, передавая застегнутый на ремни баул. – Не смеем задерживать-с. Через минуту ваш поезд.

На перроне, бегая взглядом по толпе, Николай мучительно искал, кого бы послать к дяде.

Июль 1914 года. В день выпуска с утра в спальнях, коридорах суэта. Сразу после молебствия в просторном вестибюле выстроилась защитно-алая шеренга воспитанников. Ни одной лишней складки под ремнями, ни одного шевеления в застывших свежих мальчишеских лицах. Напротив – стол под голубым сукном; преподаватели, начальство в парадных мундирах. Свидетельства выдает сам начальник школы, генерал Калашников.

– ...Андрей Петруня!

Четкий шаг. Вручение, рукопожатие. Тем же строевым Петруня возвращается, но уже не воспитанником старшего возраста, а военным фельдшером, вольноопределяющимся.

– ...Дмитрий Мазур!

– ...Николай Пикуль!

– ...Николай Щорс!

После выпускного вечера Николай сел в утренний поезд. Надо было бы денька два пображничать с однокашниками на радостях согласно заведенному порядку. От сестры получил тревожное письмо: что-то с дядей Казей. Пишет намеками. Болезнь – так бы и сообщила.

Проезжая мост, высунулся в окно. Полный солнца и небесной глубины, Днепр слепил. Николай щурился, ловил открытым ртом свежий ветер, а из головы не выходил дядя. Не болезнь. Нет, нет. Обыск? Арест? Зимой они видались, по казенным делам дядя приезжал в Киев. Поделится тем, что произошло с ним тогда на вокзале в Сновске. На диво он к этому отнесся с усмешкой.

Костя укатил недели полторы назад. Повторным заходом попал в выпускную группу. Наверно, река, рыбалка затянули его совсем – мог бы черкнуть пояснее, нежели Кулюша. Незаботливый он у них, равнодушный к чужим, к близким. Горазд на прихоти.

Под стук колес Николай отвлекся. Одолевают думы: с весны отчетливо ощутил, что школа позади и через месяц-другой надо делать самостоятельный шаг. На душе безрадостно. Должность младшего фельдшера в околотке одного из окраинных военных округов необъятной Российской империи страшила, приводила в уныние. За каждый год учебы воспитанник школы обязан отработать в армии полтора года. За четыре – шесть лет! При поступлении цифра такая казалась пустым звуком. Нынче встала она перед ним воочию. Угнетало то, что лепта твоя мизерна – ставить градусники, грелки, клизмы, выписывать с чужих слов рецепты. Молодым, по сути, здоровым ребятам твоего же возраста. Переживания не были бы столь болезненны, не знай он, Николай, что делается вокруг. Мало кого из выпускников тревожит его завтрашний день. У иных ретиво действуют родители. Папаша состоятельный – может сунуть кому следует. Трое из выпуска таким образом отвертелись и поступают в университет, на медицинский факультет; кое-кто надеется попасть в офицерские училища. Словом, ловчат всяк по-своему, используя толстый карман и связи.

Понимал Николай – ни того, ни другого у него нет. Отец один тащит огромный воз. Те замусоленные трешки, которые он с кровью отрывал от семьи дважды-трижды в году, жгут до боли ладони. Не чаял, когда начнет отрабатывать их, помогать отцу.

Забываясь, он возвращался к своему болочему. В университет, на медицинский бы... С мечтой этой он сжился. Стороной вызнал, что фельдшерское свидетельство не дает права для поступления в университет, нужна гимназия. Согласен, школьные знания по общеобразовательным не идут в сравнение с гимназическими. Возмущало другое: для него, продолжателя крестьянского сословия, сына малограмотного машиниста маневрового паровоза, страшно узка дверь храма высших наук. Однако попадают. Но опять же – плата.

Опять дядя! Что там стряслось? Был обыск? А что могли найти? «Правду»? Запрещенные брошюры? Бывают у него. Доставляют машинисты, кондуктора. Случается, ездит и сам. Вот в Киев приезжал; наверняка порожнем не вернулся домой. Сновские жандармы во все глаза за ним; Богда днюет и ночует возле депо.

За окном ходила степь, зеленые островки сел; небо, безоблачное, мирно-голубое, оставалось неподвижным.

Сельским фельдшером век оставаться? Нет, нет. Поработает околоточным два-три года... Даже все шесть! За это время одолеет предметы, необходимые для вступительных экзаменов в университет, скопит денег, чтобы не тянуть с отца. Исполнилось девятнадцать. И шесть. Двадцать пять. Годы немалые для поступающего...

Страшно подумать, как долго пробиваться в люди. Быть свободным, независимым. Для этого нужны знания... Знать, знать и знать. Хотя бы с дядино.

Прошедший год был мучительным для Николая. На каждом шагу обнаруживались провалы: этого не знает, того не знает. Сколько требовалось изворотливости, чтобы отлучаться из школы. Пропадал в библиотеках. Заглатывал все подряд, без системы, и чем ни больше читал, тем явственнее ощущал свое бессилие перед огромным миром книг. Глядеть на книги по медицине – дух захватывает.

В Бахмаче, на пересадке, ожидая поезда, Николай слонялся в пристанционном садике. Удивило многолюдье. Сперва, занятый собой, не понял, в чем дело. Приводили кого-то строем, с оклунками за плечами; за ними, всхлипывая, тащились бабы с ребятами. У товарных теплушек распоряжались подтянутые офицеры. В армию? Есть и немолодые. На работы какие?

– Николай! Щорс!

Обернулся. Дядька Михайловский. С железным сундучком, в форменке. С ним оба помощника.

– На побывку? – издали еще он протянул мазутную, с искривленными пальцами руку. – Может, подвезти? Видишь, что делается?

Мирный, нарядный вид его, наверно, удивил машиниста. Сводя настороженные брови, за спросал:

– А в Киеве как? Ничего не слышать? Нет еще мобилизации?

Мобилизация? Вспомнилась на Киевском вокзале суета; мало того, воскрешались и случайные обрывки разговоров... Убийство в Сараеве...

– Людно, – ответил он, чувствуя, как к щекам приливает кровь. – А, газетные сообщения об убийстве в Сербии... Из-за того, думаете, и мобилизация?

– А иначе с чего бы?

Проталкиваясь за машинистами, Николай, улучив момент, спросил у Михайловского:

– С дядей что там?

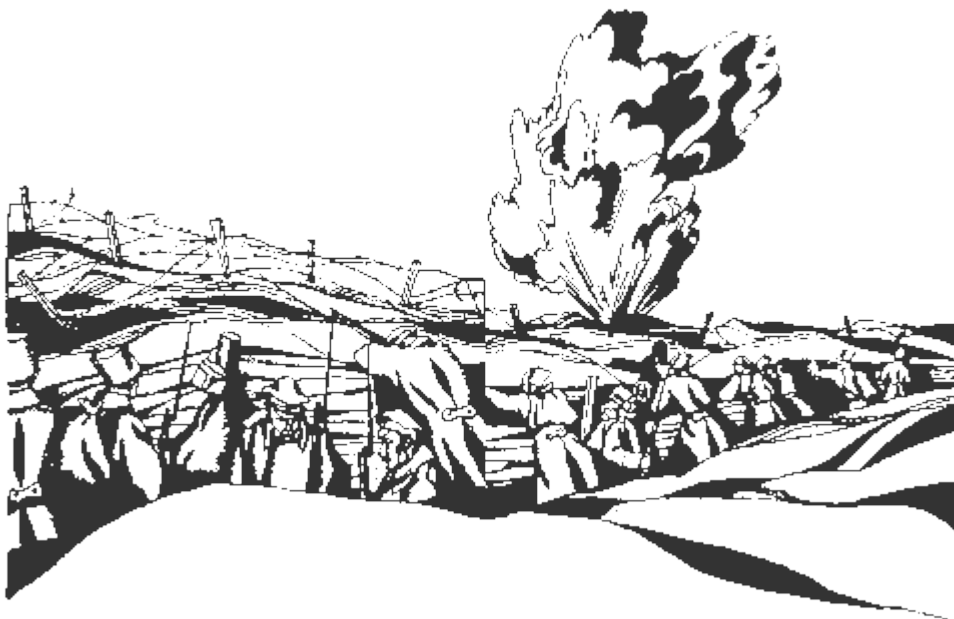
– А ты не знаешь? Ну как же... Арестован Казимир Михайлович. Ссылка в Сибирь. Дело известное...

В паровозе узнал подробности. Дёповские, как и всегда, устроили в лесу маевку. Пошли обыски. У Табельчуков ничего не нашли. Однако дядю арестовали.

Отпуск Николая оборвали. Едва не вслед из школы пришло почтой предписание: явиться незамедлительно. Наскоро собрав баул, он отбыл в Киев. Там не задержали. К удостоверению о звании медицинского фельдшера с правами вольноопределяющегося второго разряда получил и назначение – Виленский военный округ.

В тот же день с несколькими однокашниками Николай сел в набитый поезд. В Вильно, в окружном отделе по распределению, его приписали к третьему отдельному мортирному артдивизиону. В часть добрался уже один, с вещмешком и крестастой защитной сумкой, набитой лекарским снаряжением, на случайных подводах. Застал дивизион в казармах. В ночь выступили к реке Неман, ближе к границе с Восточной Пруссией.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

19 июля 1914¹ года Германия объявила войну России. Буржуазия всех государств, начавших империалистическую войну, разглагольствовала о «защите отечества», о «национальной войне», стремясь скрыть ее грабительский характер и тем самым обмануть народ.

Русская буржуазия, маскируясь подобными фразами, стремилась завоевать новые рынки, увеличить свои прибыли на военных поставках и заодно подавить растущее революционное движение рабочих и крестьян.

Отмобилизованная русская армия выдвинулась к своим западным границам.

Война для военфельдшера Николая Щорса началась зимой 15-го года. Всю прошлую осень их мортирный дивизион простоял, по сути, без дела на правом берегу Немана. Хвойные, березовые массивы глухой стеной подступали к самой воде. На сухих, глинистых взгорках, меж деревьев, глубоко вкопались пушкари. На крышах землянок до снегопадов и морозов, под обильные дожди, успела прорасти густая зеленка; мортиры в круглых орудийных окопах, двориках, обкладывали хвоей – от немецких аэропланов-разведчиков.

Жизнь протекала нудная и скучная, как слякотная погода. Безделье и неизвестность томили, выхолащивали мозги, угнетали.

Где-то неподалеку бушевала война. Там смерть, увечье. По утрам, до восхода, отчетливо прослушивался гул; по свинцово-серой, взлохмаченной непогодой воде он накатывался откуда-то снизу. Армейские тыловые лазареты битком. Размещались они тут же, за рекой, по деревням, а то и просто в лесу, в палатках. За коленом, в двух верстах повыше – понтонная переправа; день и ночь скрипят по ней брочки, фургоны, крестьянские возы с ранеными. В Вильно не оседают – все уж забито, – тянутся далее железнодорожными составами на Минск, Смоленск. А еще гуще встречный поток; запружены все полустанки вплоть до Немана – пехота, пехота, конница, пушки и бесконечные обозы. От переправы все движется уже своим ходом. Уходят как в прорву. Молодые и в возрасте, с песнями, под духовую музыку. На коротких привалах усердствуют полковые священники – окуривают, окропляют коленопреклоненное воинство, цветущее, здоровое. За веру Христову, царя-батюшку и отечество! Те же самые священники отпевают и братские могилы; немало хлопот у дьяков – вписывают в поминальник убиенных. Не по дням, а по часам пухнут те книжицы.

¹ Даты даны по старому стилю.

Землянка дивизионного лазарета все еще пустует; не распакованы и палатки, в тюках валяются под нарами. Николай, внешне не выказывая, нудился от безделья. Перечитал всю походную библиотечку своего начальника, военврача поручика Ивлева. В годах, лет под сорок человек; холостяцкая, загульная жизнь с обильной выпивкой и едой состарила его до времени – погрузнел, красное, всегда распаренное лицо иссечено глубокими морщинами, будто порезанное ножом. Чуткая, добрая душа тянула к себе всех, кто оказывался от него в радиусе верст до двух-трех. Конечно, из офицеров.

В самом начале, еще только Николай, переступив порог, доложил, Ивлев установил меж ними взаимоотношения.

– Без церемоний прошу, – скривился он. – Просто называй по имени-отчеству, Петр Свиридович. А я еще проще – Николай. Дело-то у нас не строевое, а вовсе наоборот...

Узнав, что он из киевской школы, Петр Свиридович совсем размяк, некогда сам служил в окружном госпитале, даже вел практику у воспитанников школы по уходу за больными. Давно, десятка полтора лет назад, была еще у него жена, было тщеславие, были розовые мечты. Всего лишился; начальство не жаловало, обходило, зато не обходили дружки, зачастую собутыльники. Казалось бы, где тут, в лесных дебрях, болотах? Нашлись! Редкий вечер обходился без гостей, без громких разговоров, без пьяных песен.

В этой землянке жил и Николай. Можно бы поселиться и к санитарам, по соседству, но Петр Свиридович распорядился по-своему. Доглядев, что юный фельдшер тянется к книжкам, дозволил ему копаться в своем походном сундуке. Иногда Петр Свиридович сам подсовывал книгу; по утрам, после похмелки, когда оставались одни, выспрашивал о прочитанном. Обнаружив зрелые суждения помощника, загорался сам, пускался в объяснения. Как-то вынул из кармана шинели крохотную книжечку.

– Почитай вот... – перелистывая, хмурил клочковатые брови. – Стихи. Анна Ахматова, поэтесса...

Наутро сам затеял и разговор.

– Слушал ее, поэтессу... Весной этой, в Питере. Девчонка, хрупкая, как рюмочка. К знакомым офицерам попал, на вечеринку. Скажу, Николай, красоты неземной! Не телом – голосом своим. В отличие от других, коих довелось мне слушать вживе, читать, из нынешних, молодых, эта земнее. Вчитайся, вслушайся, что она описывает. Речь не только о предметах, но и духовном, так сказать... О чувствах, переживаниях, ощущениях. О состоянии человека. Особенно ей удается поймать состояние, миг. Вот где это... Она стоит у окна... Рядом и он. После близости, самого интимного в человеке... Э-э, да ты, Николай, совсем еще зеленый.

С темнотой, после вечерней поверки, на пороге появлялись батарейцы, младшие и средние офицеры. Все довоенного обучения, из знатных фамилий, из семей военных, простого звания не было. Николай давно пригляделся к ним. Как хозяин он должен был всегда оставаться. Порядок такой завел опять же Петр Свиридович:

– Не исчезай. Дом это твой, ты хозяин. Место за столом у тебя свое. Выпивка вовсе не обязательна. Не принуждаю. А кому не по душе... чином, мол, не вышел, наплевать.

Так Николай и делал. С приходом гостей не оставлял землянку. Садился вместе со всеми за стол; в разговоры не встречал – слушал. Все будто шло – ни косых взглядов, ни резких слов; если и не принимали за равного, то и не помыкали. А разговоры одни – война, женщины. Густо вкрапливалась и политика. В открытую крыли командование, особо какие из немцев. Крепко доставалось генералу Ренненкампу, командующему 1-й армией, чьи тылы они сейчас подпирают. Потрясла гибель 2-й армии; много толков вызвало самоубийство генерала Самсонова. На диво единодушным среди офицеров признавался такой исход – сохранена честь русского мундира, честь дворянина.

– Вы, вольноопределяющийся, как расцениваете поступок генерала Самсонова? – вдруг спросил подпоручик Сидякин, вылощенный, с наплюенной русой шевелюрой, светлыми усиками, командир огневого взвода. – Одобряете, осуждаете?

Серые, потемневшие от света свечек глаза подпоручика смеялись. Николай не однажды

перенимал на себе его взгляд. Теперь он выказался: вызов явный. Умолкал застольный гомон, иные поворачивали головы – ждали ответа.

– Ну, ну? Так что же? – понукал офицер, придвигаясь со своим табуретом.

Знал Николай, какой ответ их устроил бы, но он не совсем был уверен, что подпоручик ждет именно таковой. Ищет, за что прицепиться. Повод не даст ему, не потрафит и желанию всех.

– Расценивать поступок генерала Самсонова я лично не берусь, ваше благородие, – сказал, не отводя взгляда. – Надо быть на его месте... В тех условиях, при таких обстоятельствах. Окажись мы с вами в Мазурских болотах, возможно, нашли бы какое-то другое решение.

– Bravo, вольноопределяющийся! – вскричал Петр Свиридович, разряжая обстановку.

Этим все-таки не кончилось. Разразилась буря в аккурат под рождество. Так же сидели, при этой компании. Много пили, пели. Подпоручик Сидякин, воспользовавшись разногласиями, придвинулся вместе с табуретом, как и в тот раз. Навеселе крепко. Щурясь, дергая шеей, силясь согнать хмель, сказал в самое лицо:

– Недолюбливаю трезвых, вольноопределяющийся... И молчунов. В них таится этакое... Хочется дать в морду. Но вы не-е... Ренненкампф. К сожалению...

– Вы тоже, подпоручик... не Самсонов.

Слова пришли мгновенно. Не успев еще произнести их до конца, Николай со злой радостью обнаружил, что ответ более чем кстати. Именно Сидякин смаковал тот давний конфликт между генералами Самсоновым и Ренненкампом из времен японской. Самсонов дал немцу оглушительную пощечину якобы за малым не подобную ситуацию, какая разыгралась нынче в Восточной Пруссии, в гущине Мазурских озер. Опять Ренненкампф не пошел на вырубку; останься Самсонов жив, немец пощечиной бы не отделался.

Трезвел взгляд подпоручика, а руки уже ощупывали бока. Пер, наступая на носки, душил водочно-луковым перегаром.

– Ты, быдло!.. Только это тебя спасает. Как куропатку бы... с десяти шагов. Слово офицера, дворянина!

Ночью Николай ткнул под мышку полосатый матрац, набитый сухими листьями, взял свой замызганный баул и перетащился в соседнюю землянку, к санитарам. На уговоры Петра Свиридовича отрезал:

– Пойду к своим, «быдлу».

На крещение с утра поп Амвросий вывел свою серошинельную паству на Неман. Двое суток перед этим, не разгибая спин, трудился взвод пушкарей-умельцев; они вырубали на середине реки огромный крест, подняли его веревками и тут же, у проруби, вморозили стоймя. Едва батюшка успел освятить синюю, пышущую паром воду, как в нее бултыхнулись раздетые донага солдаты. Желających принять иорданскую купель набралось немало. Гогот, крики, сутолока. С верующими лезли и такие, озорства ради, молодые, здоровые, некуда девать дурную застоявшуюся силу.

Дорого обошлось иорданское купание. В самый разгар из-за макушек вековых сосен вынырнул черный аэроплан, секанул из пулемета; развернувшись, прошел еще чуть ли не по головам бегущих, обезумевших людей. Сверху, на белом, ясно видать. С дюжину свежих холмиков насыпали. Тут же, рядом с землянками. Все честь честью: тесали гробы, выбирали лучшие березки для крестов. Среди них оказалась и могила подпоручика Сидякина. Ни хуже, ни лучше других: сравняла его, дворянина, земля с «быдлом». Не помня обиды, Николай постоял с обнаженной головой и возле нее. Штабной писарь на гладком затесе вывел, как и всем, чернильным карандашом его звание, фамилию и инициалы.

Сразу нашлось дело и лазарету. До десятка уложили на нары; столько же двигалось своим ходом на перевязку – отделались налегке.

Через неделю дивизион снялся с насиженного места. Так вдруг, среди ночи. Не было никаких толков перед этим; самому полковнику доставили в постель срочную депешу из штаба фронта. Выступили за Неман, углубляясь в Августовские леса.

Второй год войны для России выпал тяжким. Царская ставка во главе с великим князем Николаем Николаевичем готовила широкое наступление обоими фронтами – из Варшавы на Берлин и вторжение через Карпаты в Венгрию. Германское командование, осведомленное своей разведслужбой, перенесло главный удар с Западного на Восточный фронт; не добившись успеха в Северной Франции, Германия обрушилась на Россию. Зная, что французская и английская армии, потрепанные прошлогодними боями на Марне, не помышляют о крупных наступательных операциях, Вильгельм основные силы перебросил на восток. Кайзер задался целью поставить Россию на колени, вывести ее из войны.

В февральскую стужу развернулись встречные бои. В Галиции русским удалось в упорных сражениях перевалить Карпаты. В марте 11-я армия принудила австрийскую крепость Перемышль выкинуть белый флаг. Из Восточной Пруссии немцы повели наступление на Августов – Осовец – Гродно; генерал Гинденбург, желая повторить мазурскую удачу, двумя армиями сдавил в Августовских лесах 10-ю русскую армию. Русские войска стойко оборонялись; ценою одного из армейских корпусов они вышли из окружения и отступили к крепости Осовец. Эта победа немцев была сведена на нет поражением их севернее Варшавы в районе Пресныша. Но план царской ставки был сорван.

К лету немцы еще больше перебросили войск с запада. Не связанные активными действиями французов и англичан, они в начале июля предприняли грандиозное наступление.

23 июля пала Варшава; за нею – крепость Новогеоргиевская. Основной удар немцы направили на Двинск и Вильно. Завязались кровопролитные бои на Немане, под крепостью Ковно...

Мортирный отдельный артдивизион лето не выходил из боев. Отступая, артиллеристы в конце августа опять заняли старые позиции по правому берегу Немана. Каждый орудийный расчет обосновался в своем заросшем травой дворике; лазарет вселился в свою землянку. Николай первым переступил порог. Ногой стронул застоявшуюся дверь – в нос шибануло нежилым духом, плесенью. Сбросив потрепанную изрядно сумку с крестом, блаженно растянулся на нарах. Веки свинцовые; не помнит, когда за последние сутки смыкал их. Не дадут уснуть и теперь: с минуты на минуту подойдет от переправы обоз. В землянку не поместишь всех раненых. Нет и нужды: сухо пока и на воле. Палатки разобьют. А долго ли удержатся на этих позициях? Немцы прут конницей именно на их участке; без сомнения, рвутся на Вильно.

На закате дня вернулся врач. Присутствие его с утра не требовалось, и он со спокойной совестью провел время в штабе. Последнее время дивизион потерь не имел; оторвавшись от противника, перемещался за Неман. Тяжелораненых от переправы везли в Вильно; остались выздоравливающие да с легкими ранениями, контузиями. Издали Николай определил: навеселе Петр Свиридович. За весну и лето, в боевой обстановке, в рот не брал спиртного. Отвел, значит, душу; по выражению лица не скажешь, что вести привез добрые.

Ужинали вдвоем, при свечах. Чего раньше не делал, Петр Свиридович раскупорил казенную бутылку со спиртом, наполнил два стакана.

– Пей.

Озадаченный Николай хотел было вывести его на разговор.

– Никто до нас не придет больше из тех... – оборвал врач. – Никто. Всех растеряли в Августовских лесах. Разве вот подпоручик Сидякин. Старожил. С него начала таять моя компания. Никого, погляди, не осталось. Все новые, сопляки зеленые, без роду, без племени. Ни поговорить, ни выпить...

Отхлебнув, он отставил стакан.

– Проиграли мы, Николай, и эту войну, как с японцами. Попомнишь мои слова. Не удержимся тут, на Немане. А с новым командованием и вовсе...

В самом деле вести. Оттого и мрачен он?

– Опять заменен командующий нашим фронтом?

– Бери выше, верховный! Сам царь возглавил армию. А ведь великий князь куда-а в военных делах...

– А что с князем?

– Слухи, на Кавказ перекидывают. На турок. Я лично об том весьма сожалею.

Задув свечи, легли спать. Кряхтя, укладывая удобнее свои мощные телеса, Петр Свиридович заговорил:

– А по совести, Николай, сожалею я о другом нынче... Парень ты дельный. Словом лишний раз не пожалуешь, зато руки твои... Не будет хватать мне их, ей-богу. Да и вообще, душой прикипел к тебе.

– Вас переводят? – Николай по-своему понял его слова.

– Ты отбываешь.

– Куда?

После долгой возни Петр Свиридович отозвался:

– Боюсь, придется тебе расстаться с фельдшерской сумкой. А жаль, врач из тебя вышел бы.

– После войны поступлю в университет.

– Надежды юношей питают...

Утром, на трезвую голову, Петр Свиридович продолжил ночной разговор:

– У меня вчера еще родилась мыслишка... Коль в строй тебе, идти надобно в школу прапорщиков. В нашу, Виленскую. Нужда преогромная в младших офицерах. Сам видишь, потери...

– Я обращался уже к штабс-капитану Мернову, – сознался Николай. – По крайней мере, в двенадцатом надо бы получить свидетельство. Года три хоть отработать. Я-то окончил в четырнадцатом.

– Тэк-с, тэк-с, – озабоченно насупился тот. – Это дело усложняет.

Мысль о строевой службе полностью овладела юным сознанием Николая Щорса. Запала еще весной; последнюю гирьку кинул врач, самый близкий из всего фронтового окружения.

Война эта, с колоссальным истреблением людей, скоро взломала многовековую кастовость в царской армии; потребовалось множество офицеров, особенно младших чинов, кто ведет в бой. Кадровый офицерский корпус, преимущественно из дворян, понес внушительные потери; действующая армия ощутила нехватку уже осенью 14-го в командном составе. Военные привилегированные училища спешно переводились на ускоренный срок обучения. Двери их были открыты широко; брали со средним образованием, с сословием не считались, а боевых парней, фронтовиков, так и вовсе мало-мальски грамотных.

Не составляло труда поступить и Николаю. Заминка произошла формальная: потребовался трехгодичный фельдшерский стаж. После недолгих колебаний он собственноручно устранил ту формальность: в свидетельстве Киевской военно-фельдшерской школы год окончания «14» исправил на «12».

К зиме 1915 года русские оставили Галицию, Польшу, Литву, часть Латвии и Белоруссии. Фронт распрявился по линии от Риги до Черновцов, тянулся через Двинск, озеро Нарочь, Пинск, Тернополь. Противники выдохлись; из активной, наступательной война обернулась в позиционную. Войска врылись глубоко в землю, в блиндажи, землянки, опутавшись вдоль траншей колючей проволокой. Со снегопадами почти умолкли и пушки с обеих сторон.

В конце октября закончилась фельдшерская жизнь Николая Щорса: он вступил в действительную службу. Простившись с батарейными санитарями, с которыми сжился за пятнадцать месяцев, отбыл в 277-й пехотный запасной батальон. Батальон стоял в Вильно, нынче передвинулся к Минску.

В Минск Николай добрался санитарным поездом. На вокзале этапный комендант указал месторасположение его части. Это неподалеку, в пригороде. Притопал к вечеру.

Имение какого-то высланного вместе с семьей немца; здание двухэтажное, кирпичное, с острой черепичной крышей. Все дворовые службы тоже из кирпича, под такой же кровлей. Двор обнесен дощатой оградой, обсаженной тополями. Докладывался прапорщику. Переверочав бумажки, тот равнодушно заметил:

– Кстати, вы уже не вольноопределяющийся. Рядовой маршевой роты запасного 277-го батальона. Найдите во дворе фельдфебеля, он распорядится.

Во флигеле, приспособленном под столовую, Николай столкнулся с однокашником – фельдшером Степаном Грицаем. При ламповом свете не разглядел сразу среди десятка старавшихся над алюминиевыми мисками.

– Колька! Щорс! Какими молитвами, а?

Проговорили до полуночи. Степан, оказывается, хлебнул лиха по ноздри: ранение, отпробовал газов. Фельдшерством не занимался. Попал в один из корпусов генерала Самсонова; чудом выбрался из Мазурских болот. Через год, тоже в августе, влип в ковенской крепости. Опять удалось унести ноги. Не кроет, как все, крепостное начальство, отзывается сочувственно.

– Генерал Григорьев, комендант крепости, осужден к каторге, – напомнил Николай. – Читал в газетах? Вот, с месяц назад...

– Нашли козла отпущения, Григорьева. – Прикурив, Грицай пониженным голосом продолжал: – Коль судить, так надо брать повыше... Довели, сволочи, Россию до ручки. Куда ни кинь, все клин. А кровь-то льется мужицкая...

Вроде бы ничего нового в словах однокашника – на все лады солдаты склоняют командование, связывая это с напрасными жертвами и с изменами, – но в тоне его Николай ощутил такое, от чего сделалось не по себе. Уж он-то крови повидал. А ведь в самом деле кровь все мужицкая. До пятисот в дивизионе солдат; за полгода боев дважды, считай, обновлялась орудийная прислуга. Не без того, убывали и офицеры, но то капля в реке.

– А кому она нужна, война? Мужику? – допытывался Степан, пыхая сигаркой. – Вон Михееву, кучеру нашего полковника? Тебе? Мне? А может, прапору, какой принимал нынче тебя? Тоже сомневаюсь. Один он у матери-кухарки...

Слушать этакое от батарейцев или санитаров – куда ни шло. Степан – сверстник, двадцать лет от роду; родители его живут исправно – владеют где-то на Харьковщине паровой мельницей и крупорушкой. А ведь у самого Георгий; не за красивые глаза повесили. Подмывало уколоть его: мол, гоже лил чужую Кровь. Воздержался; одно с другим мешать не следует.

Днем Николай разглядел однокашника. Изумило лицо. Помнит на выпуске Степана: мальчишка, как и все, со свежим румянцем, золотистым пушком на мягком подбородке, с озорными блескучими глазами. И следа не осталось. Землистый цвет ввалившихся щек, глубокая морщина на лбу с открывшимися пролысынами; скуден и светлый вихорок, некогда пышный чуб, сводивший с ума девчат-посудниц в школьной столовой. Да, сказались ранение и газы. Перемена коснулась и глаз; взгляд потерял мальчишеское озорство, зато обрел зоркость, пытливую, беспокойную. Николай тотчас испытал его на себе.

– А ты все тот же, Колька, не изменился...

Не в словах и не в голосе осуждение – во взгляде. Долго потом, ловя свое отражение в зеркале, Николай переживал чувство стыда, какой-то вины.

Унтеровские лычки Степана, солдатский крестик на шинели вызывали к нему почтение всех обитателей имения. Покуда таковых мало, в основном младший командный состав. Со дня на день ждали маршевиков – мобилизованных, из лазаретов, ополченцев. Не прибыл еще и командир батальона; его обязанности исполнял прапорщик Исаев. С прапорщиком Степан вел себя на «ты». Подолгу засиживались за бутылкой, курили из одного портсигара.

На правах однокашника проводил вечера с ними и Николай. К славе приятеля относился он с доброй ребячьей завистью. Не это все-таки тянуло к нему – возмужание, независимость в поведении, суждениях, а особенно беспокойный, пытливый взгляд. Манила какая-то загадочность в нем. Хотелось раскусить, заглянуть в серединку: а что там? Разгадка –

в словах. Из долгих споров с прапорщиком нелегко что-нибудь уяснить. Знал о существовании политических партий, названия их; ему кажется до сих пор, что все революционные, прогрессивные партии на одно лицо. Цель явно одна – свергнуть царский режим. Все опираются на народ, выступают от его имени, борются за его лучшую долю. О чем тогда спор? Оба социал-революционеры, эсеры, как они себя не без гордости именуют. А эсеровскую правду свою доказывают друг дружке до хрипа. Так же спорили, помнит, и у пекаря Шица...

Жгучий интерес Николай испытывал некогда и к дяде Казе. Определенно не скажет, кто же тот, социал-демократ или эсер? За какие взгляды отбывает ссылку? Обращал он его в свою революционную веру исподволь, не гнул через колено, как то делает нынче Степан.

– Не то время, Щорс, – внушал он. – Определяйся в своих политических взглядах.

Николая задел его тон.

– Откуда тебе известно, что у меня их нет, взглядов?

– Вижу...

Чем бы окончились их совместная служба и вновь складывающиеся взаимоотношения, неизвестно. После рождества пришла депеша, из которой явствовало, что вольноопределяющемуся Николаю Щорсу надлежит прибыть в город Полтаву для прохождения курса наук в Виленском военном училище. Степану первому попала в руки та депеша. Ввалился в казарму; отряхивая шапкой снег с полушубка, сообщил новость.

– Ты ждал ее, депешу? – спросил он, беспокойно шурясь.

– Ждал.

Потоптавшись, Степан взялся за дверную скобу.

– Скрытный ты, Щорс...

Ночью Николай трясся в набитом вагоне, обхватив, как подушку, свой неразлучный баул.

Четыре месяца пролетели.

21 мая, за полторы недели до выпуска, юнкер Николай Щорс был произведен в войсковые унтер-офицеры. Не успели желтые матерчатые лычки выгореть на весеннем солнце, как погоны вместе с просоленной на лопатках хлопчатой гимнастеркой попали в каптерку; взамен каптенармус выдал отрез тонкой шерсти цвета хаки, поверх фуражки с кокардой положил пару золотых погон. На малиновом просвете – крохотная звездочка. Несколько суток не разгибали спин лучшие портные Полтавы.

В первый летний день на просторном дворе училища состоялось производство. Николаю это напомнило киевскую церемонию: зачитали приказ, вызвали из строя, пожали руку. Теперь – прапорщик, младший офицер русской армии. Тут же вручили и назначение – 142-й пехотный запасной полк.

Учеба не обременяла Николая. Четырехлетняя киевская шагистика, строй, зубрежка уставов, даже наказания, пришлись к стати. С успехом одолевал стрельбу, фортификацию; на душу легла топография. Озадачивала тактика. Умение делать перебежки, выставлять заставы, караулы, владеть штыком и прикладом, чему усердно учили бывалые унтера в часы, отведенные той науке, не удовлетворяли Николая. После ужина, забиваясь в душную библиотеку, листал в спешке толстенные книги и журналы. Николай чувствовал пробел в знаниях. Так и оставил стены училища с таким ощущением.

Прикинув дорогу до части, срок явки, Николай двинул на Бахмач. На денек заскочит домой. В Сновск добрался товарняком, на тормозной площадке. Стоически не раскатывал шинель – свою давнюю, юнкерскую. Офицерскую сшить не успел, вез отрез; в полку уж закажет. Не хотелось прикрывать засаленной, вытертой шинелькой мундир, с иголки, без морщин, незахвачанные погоны. Пройдет навесной мост, встанет у собственного порога во всем блеске.

Два года не бывал дома. Из писем знал новости. Кулюшу выдали замуж; живет на отделе. Зять из деповских, работает на электростанции, Бондарович Петро. По описаниям

сестры не мог припомнить его – наверно, он постарше. Другая новость – Костя тоже, как и он, учится «на офицера».

Нудившиеся с полуночи над поселком тучи утром хлынули ливнем. С молниями, громом. Дождь застал Николая на мосту, через пути. Бегом припустил, с чемоданом, набитым вещмешком и скаткой. (Баул забросил: неловко, офицер.) Покуда добежал до своей калитки, фуражка, плечи и колени потемнели от влаги, погоны набухли и стали как деревянные. С вещами, отдуваясь, влез и в прихожку.

Удивили безлюдность и тишина. Никто не отзывался; заглянул в горницу, в обе спальни, прошел на кухню. Сзади кто-то повис. Екатерина! Теперь старшая в семье, домохозяйка, заменившая Кулюшу. Совсем взрослая, невеста уже; что-то схожее есть у них с сестрой в лице.

На голос старшей появились девочки. Испуганные мордочки. Не узнавал, кто из них Зинаида, Раиса, Лида.

– Гришку и Бориса увела Ольга к Табельчукам. От дядьки Кази письмо из Сибири пришло. А мама к заутрене пошла. Нонче же воскресенье.

– Отец на линии?

– В ночь укатил.

Узнав, что он ненадолго, Екатерина засокрушалась:

– Не увидит тятя... По трое суток теперь пропадает. Жалеть будет – страх. Все сгадывает тебя...

Вечер Николай провел в семье. Собрались свои, Кулюша с мужем, все Табельчуки и Колбаско. Зять Петро вынул из потайного кармана бутылку настоящей водки с царской этикеткой и сургучной запайкой. В разгар веселья Кулюша потянула за рукав, как бывало, коснулась губами уха:

– Не видал Глашу? Тут она, у отца...

Откуда-то со дна поднялось давнее. Ничего не забылось, вроде то было вчера. До полуночи прошагал возле своего забора, втаптывая в сырой песок окурки...

Наутро Николай покинул Сновск.

Казалось, Россия повержена. На третье военное лето она не способна будет к крупным наступательным действиям. Вильгельм потирал руки; штаб его и он сам не видели необходимости продвижения в неоглядные просторы русских. Осталось разделаться с французами и англичанами.

В феврале немецкие войска, опережая планируемое противником на лето наступление, двинулись на крепость Верден. Месяц шли кровопролитные бои.

Совсем неожиданно для немцев ожила русская армия. Царская ставка, желая облегчить положение французов, в мартовскую распутицу предприняла наступление на Ковно. Крепость свою, оставленную более полугода назад, не отбили, с огромными потерями отошли на исходные позиции. Немцы прекратили атаки под Верденом.

На том царская ставка не успокоилась. В апреле Николай Второй подписал приказ о подготовке к летнему наступлению на всех трех фронтах. Западный наносит главный удар; два других – вспомогательные.

В первые дни мая австрийцы набросились на Италию, недавнего союзника Антанты. Итальянские войска в недельный срок потерпели жестокое поражение под Трентино; итальянцы попросили у царя Николая помощи.

Полетели опять планы русского главного командования. 21 мая Юго-Западный фронт пришел в движение. После двухсуточной артиллерийской бомбардировки пехота кинулась на штурм сильно укрепленных вражеских позиций. Генерал Брусилев, новый командующий фронтом, ввел в прорыв отборные полки гренадер и казачьи дивизии. Успешно продвигались фланговые армии: 8-я заняла Луцк, 9-я, отбросив врага за реку Прут, подошла к Черновцам. За несколько дней были разгромлены две австро-венгерские армии.

Прорыв русских ошеломил австро-германское командование. Спешно перебрасывались

немецкие дивизии из Франции и с северных участков Восточного фронта. Контратаки немцы повели из Ковеля. Брусиловцы отбили их; возобновив наступление, 8-я армия вновь опрокинула противника и вышла на реку Стоход. Сосед, генерал Эверт, командующий Западным фронтом, не поддержал вовремя решительными действиями; потерпев неудачу севернее Барановичей, он прекратил бой.

К осени армии генерала Брусилова утратили наступательный порыв. Войска выдохлись под Ковелем, на болотистых берегах реки Стоход...

Швыряло прапорщика Щорса в тех событиях, как щепку в взбунтовавшемся море. Все лето и осень кочевал в тылах Юго-Западного фронта, передвигаемый кем-то по запасным частям. Из 142-го пехотного запасного полка в середине сентября отозван с группой офицеров в действующую армию; попал он в распоряжение начальника 3-й пехотной запасной бригады. Не дав распаковаться, перекинули в соседнюю, 21-ю бригаду. Двух недель не прошло – приказ: отбыть в штаб 45-го армейского корпуса 9-й армии. Очутившись в 335-м Анапском пехотном полку, он по каким-то признакам понял, что нашел пристанище. Весь ноябрь стоял «прикомандированным» к штабу; 28-го дня получил назначение на должность младшего офицера роты.

Анапский полк занимал позиции по берегу Прута. Траншеи и землянки 2-й роты извивались у самой кромки густеющих камышей; желтым разливом уходили камыши к воде. Противоположный берег виднелся серой узкой полоской. Там – враг. Оттуда, бывает, бьют пушки, шалют пулеметчики и снайперы.

– Вы, ваше благородие, не дюже вытуляйтесь в лакировочной фуражке, – предупредил в первый же день бородатый постовой в траншее. – Шалют оттель... Ненароком клюнет.

Разговорчивый бородач в благодарность за дорогую пахучую папиросу тут же поделился недавним:

– Нады вот тах-то... вашего благородия, тож вьюноша зеленый, вытулил головку, а козыречек и блесни... Приголубила пуля. Дура душой, сказывают, пуля-то. Хоша по нашим, солдатским, соображениям она понятие имеет...

– О ком ото? – спросил Николай, уже догадавшись, что речь идет о его предшественнике, прапорщике Светличном.

– В аккурат на их место вас дослали...

С самого начала, считай, воюет. Более двух лет. А вот так, на боевых позициях, впервые. В затылок все глядел войне; по локти возился в чужой дымящейся крови, своей покуда ни капли не пролил. Нынче заглянул войне прямо в глаза; не успел рассмотреть, но ощущения вызвала сложные, противоречивые. Весь день ходил по землянкам, траншеям – вживался. Солдаты, подчиненные, – вот не думал! – вселили беспокойство. Как сложатся взаимоотношения? Исподволь пытливо приглядывался к офицерам – теперь ровням, – с которыми работать и жить под одной крышей. А ведь побаивался именно их, офицеров.

Вживание в окопный солдатский быт, в офицерскую среду оказалось для Николая мучительным. Раньше мог только догадываться, смутно ощущать. На Немане жилось просто и ясно; санитары и батарейцы принимали за своего, каков есть. Перед ними не надо изгаляться, входить в доверие; определенные отношения и с офицерством – «быдло». Нынче все усложнилось.

Двусмысленность своего положения он ощутил тотчас по прибытии в роту. Солдаты вскакивали перед ним, тянулись, «ели глазами». Понимал, обычное проявление воинской дисциплины, солдатского долга; в словах своих, а крепче в тоне, во взглядах, даже во внешних движениях они всячески старались выпятить напоказ разницу меж собой и им, офицером, «белой костью». Первый урок преподавал тот же бородач, Хомин, как он себя называет. Пуля-то дура, а «понятие имеет»: выбирает, мол, кого бить, офицеров. С папиросами тоже получилось... В одной из землянок раскрыл портсигар; брали нехотя, делая одолжение. Веснушчатый немолодой солдат с огненными пучками бровей, прокашлявшись надрывно, вместо спасибо сказал:

– Не, вашбродь... папирос этот курить только вам. Не по нашему, солдатскому, нутру.

Пахучий табак, да бездушный. Душу, стало быть, не забирает.

Вечером в своей, офицерской, землянке ощутил открытую неприязнь. Не в пример солдатским, где набито как селедок в бочку, а по чавкающей глине просто кинуты связки камыша, у них – хоромы. Стены, перекрытие – из тесаного кругляка, полы дощатые. Лесная вновь срубленная изба. Не общие нары, а походные кровати с белыми простынями и подушками; освещение ламповое, не жировые плошки и гильзы. Жильцов двое, он третий. С одним уже встречался. Подпоручик Хлебников, из 1-й роты. Представляли их наскоро в землянке командира батальона.

– Георгиев, – назвалса незнакомый, не подавая руки.

Громкая фамилия соответствует как гвардейской выправке поручика, пушистым черным усам и бакенбардам, так и густому засеvu серебра и цветной эмали на мундире, небрежно брошенном на кровать. Он, в кипенно-белой нижней сорочке, со спущенной помощью с одного плеча, умывался тут же в углу под медным рукомойником.

– Поручик Георгиев, Павел Леонтьевич, – живо добавил Хлебников, сгребая со стола свои бумаги.

Старожил, он взял на себя обязанности хозяина, выказал в том общительный нрав. На столе появилась бутылка коньяку и консервы; сам заварил черный кофе. Делился о полке, о недавних боях, о малом и большом начальстве, вплоть до генерала Брусилова. Георгиев мрачно помалкивал, пил и ел. Оказалось, он случайный человек среди анапцев, гусар; за какую-то провинность из кавалерии «сослан» в пехоту. Наград не лишили, заменили мундир и звание.

Знакомство, словом, состоялось. Казалось, сошло гладко, по русскому обычаю – со стопкой. Укладывались спать. Гусар, не произнеся за весь вечер десятка слов, ни с того ни с сего подал голос.

– Вы, прапорщик, под солдата, вижу, рядитесь, – набрякая от натуги – сапог стаскивал, – сказал он. – Шинелька на вас... Дешевый прием, скажу я. И вредный.

– Павел Леонтьевич, он и сшить-то, поди, не успел ее, – вступился Хлебников, принаравливаясь задуть лампу.

– Верно, – сознался Николай, с благодарностью взглянув на своего заступника. – Отрез все таскаю в чемодане.

– Не вздумайте, прапорщик, головы солдатам мутить о своем крестьянском происхождении, а то и рабочем... – не унимался гусар. – Вас слишком выдает физиономия.

– В самом деле, господин поручик, я из крестьян... В метриках, – Николай осилил с трудом подкатившее удушье.

Напряженно ждал, схватятся с гусаром; тщательно готовился, обдумывая каждое слово. Не даст себя в обиду. А удар все-таки получил с другой стороны, именно от подпоручика Хлебникова. Неожиданный, коварный. Георгиев и полсловом не обмолвился о ночном; вел себя так, будто его, Щорса, вообще нет в землянке. Днями пропадал где-то в тылах полка, являлся поздно и заваливался в постель. А вскоре исчез из расположения роты с вещами.

Как-то вечером в траншее под бревенчатым навесом Николай готовил наряд. Секреты таились в камышах, за проволочным ограждением, у самой воды. Зона та считалась нейтральной; следили за рекой ночью. Дело обычное, секреты – уходили до рассвета. Двое суток потом солдаты отсыпались, отгуливали в землянках. Шли с охотой. Ему, офицеру, не обязательно выводить наряд за проволоку; с ними унтер. Нынче, как на грех, сам вместо унтера хотел полежать в камышах с солдатами. А где и сблизиться. Надел теплое белье, шерстяные домашние носки, выгреб из чемодана все запасы папирос.

Тут-то и случилось. Один из караульных, молчаливый, добродушный дядя лет за тридцать, вологодец – Георгиевский крестик получил недавно тут, в Южной Буковине, – взбунтовался, отказываясь идти в наряд.

– Почему? – опешил Николай, пытаясь заглянуть тому в глаза. – Я ведь иду сам... с вами. А мне и не положено.

– Идите, ваше благородие... Как вам в новинку. А мне не из чего... Третью осень

брюхом землю колупаю. А там, можа...

– Ты болен? Нездоровится тебе? – допытывался Николай, стора с стыда от собственного бессилия что-либо изменить в дурацком положении; слова его были наивны, понимал сам, оттого терялся еще больше, – Ступай к фельдшеру... Другого вместо тебя назначу.

Кто-то с силой оттолкнул его. Подпоручик Хлебников. Не размахиваясь, поддел в челюсть – солдат, вскинув руки, без стога повалился сном. Подхватив за ворот, поставив на ноги, Хлебников долбил его затылком о камышовую стену траншеи, задышался:

– Скотина серая! Офице-еррру?.. Приказа не выполнить... Да ты знае-еш-шь?! Сгною, сволочь!

Выпустив обалдевшего вологодца, он вдруг тихо, без рыка, и будто не произошло сию минуту безобразной сцены, или, во всяком случае, сам в ней не участвовал, проговорил, качая с укором головой:

– Георгиевский кавалер... Дожился. А не будь крестика... Их благородие прапорщик с превеликим удовольствием всадил бы тебе пулю в лоб. В другой раз он это непременно сделает.

Николай был потрясен. Понадобилась бессонная ночь, чтобы осмыслить случившееся. Поступок подпоручика мерзкий, гнусный; отвратительное ощущение он вызвал в нем там же, под навесом. Но в коварстве, в скрытом дальнем прицеле разобрался потом, когда остыл, пришел в себя. А помогли, как ни странно, сами солдаты.

В секрете Николай все же побывал. Тащил в землянку Хлебников, настоял на своем: не мог оставаться с ним с глазу на глаз. Среди наряда оказался бородач Фомин; он-то и взял на себя нелегкий труд, объяснился. Лежали с ним в паре в логове, свитом искусно из камыша; после мучительного молчания, накурившись в рукав досыта, он заговорил:

– Не измывайтесь, ваше благородие, над собой. Нема у вас вины никакой перед нами...

– А кто обвиняет меня в чем?

– Ну с какого краю глянуть... Я самолично ни в жисть не поверю, что вы могли бы вынуть наган на солдата. Клянусь богом. Вот уж неделю зрю вас, поблизу, не абы как... Хоша, сказать, благородных вы кровей человек.

– Отец мой машинист, – раздраженно отозвался Николай. – Паровоз водит, товарняк.

– Во, во, – невозмутимо соглашался солдат. – Машинисты, они в белых перчатках...

– Ну, Фомин!.. У него десять душ детворы... Один работает. До белых перчаток ли...

Выкурив очередную папиросу, солдат завздохал:

– Эхе... Десять... А у вологодца вон их семеро. Баба чижало слегла. Письмо из деревни прописали. Вот оно и вышло нынче так-то...

На другой день с подпоручиком Хлебниковым определились взаимоотношения. Тот заварил кофе, достал из тумбочки начатую бутылку. Был оживлен, внимателен; вчерашнее выдавал за поступок, который избавил его, прапорщика, от великих бед как перед начальством, так и солдатами. Николай, повертев стопку, демонстративно отставил ее.

– За науку, Хлебников, спасибо... Узнал, с кем пил, кому протягивал руку.

– Изволь яснее, прапорщик.

– Куда уж яснее. Негодяй вы, Хлебников, отменный. И можете достичь в этом со временем успехов поразительных.

– Благодарствую, Щорс... Сам пришел к такому выводу или подсказали?

– Подсказали.

Менялся в лице подпоручик. Сходило наигранное, издевательски-потаенное, взгляд серых глаз хищно обострялся, скулы бледнели. Отставив тоже стопку, долго прикуривал от трофейной зажигалки.

– А ты знаешь, Щорс... Я могу потребовать удовлетворения.

Николай уже полностью овладел собой. Пересел на койку; насмешливо шурился, следя за каждым движением подпоручика.

– Когда-то давно страстно желали вызвать меня. Вроде вас... Претила честь дворянина

– с быдлом-то! Если не унизит, Хлебников, то я... к вашим услугам.

С неделю пребывали вдвоем в землянке, не замечая друг друга. Под новый, 17-й год Хлебников прикрепил на погоны еще по звездочке; вслед за этим он получил и повышение – назначен ротным в другой батальон. Обе опустевшие койки заняли вскоре. Молодые, как и сам; к удивлению и радости, прапорщики оказались выпускниками Виленского училища, прибыли из Полтавы.

Теперь, как старожил, ужин давал Николай. Лицом в грязь падать не хотел. Днем отлучился на ротном мерине Распуте (имелся в виду царедворец Распутин) в полковые тылы, в офицерскую лавочку. Стол получился богатый: сладости, консервы. Посередке выставил бутылку коньяку. Разливая в крохотные рюмки, выказывал осведомленность, опыт:

– Черного кофейку бы... Чего нет, того нет. Не обессудьте, господа. Тут не Полтава, – хитро подмигнув, предложил: – Разве что полтавских галушек... Мигом сварганю.

Фитилек в семилинейной лампе, повешенной на гвозде в стенке, вздрогнул от молодого крепкого смеха.

После рождественских празднеств потекла будничная окопная жизнь. Крещенские морозы сдавили тихую, но каверзную топкими берегами реку. За одну ночь лед стал держать человека. Усилили караульную службу. Понимали, войну сковала зима; с появлением лета начнется...

Началось раньше. Не война. Фронт по-прежнему затаенно молчал; оба берега Прута угрюмо следили друг за другом, выжидая. Стряслось куда важнее событие, чем ожившие позиции. За спиной, в глубоком тылу. Сперва, как водится, загуляли по траншеям слухи: в окопы являлась богородица, велела втыкать штыки в землю и по домам; у других соседей фельдфебель, снятый австрийским снайпером наповал, повадился в полночь в свою роту, да не абы как, а в обличии козла. Козел тот вещал фельдфебельским голосом: так, мол, разэтак, выведу всех на чистую воду – супротив царя замышляете. Вроде бы подчасок пнул того козла штыком, а наутро на том месте нашли новенький целковый серебром. Полковой поп вынужден был в проповеди вставлять опровержения. Богородица, мол, являться являлась, но слов тех мерзких не могла произнести, то происки «смутьянов», «большевиков». Про козла начисто опроверг: невежество.

Вскоре густо повалили слухи другого свойства. Опять же у соседей сбежало в одну ночь до взвода солдат, подались в дезертиры; у других за мордобой офицера подняли солдаты на штыки. А где-то, неподалеку, взбунтовался целый полк; слухи подтвердились: восстал Одоевский полк, выступив против войны, против царя.

А нынче – бах! – вести, поразившие всех. Царь Николай отрекся от престола! В Питере революция! Вести эти внес рано утром один из прапорщиков, Митин. Он дежурил, первый принял по телефону сообщение. Николай, глядя на ликующего Митина, не мог справиться с портянкой. Не сознавая еще важности происходящих событий, он испытывал во всем теле волнуемую дрожь. Не судьба царя – взволновала весть о революции. О неизбежном приходе ее знал, казалось, всегда, с той поры, как помнит себя, осознает. По-дядиному если, то явилась она до срока.

Притопывая ненатянутым сапогом, Николай сдернул с вешалки парадный мундир. Хмурился, силясь не поддаваться настроению распрыгавшегося прапорщика: неудобно, не мальчишка.

– Солдаты знают уже?

– Наверно. – Митин заметно остывал. – Ты, Николай Александрович, вижу, не взволнован...

Двое, не то трое суток жили вестями. Шли они какими-то своими путями; начальство растерянно молчало, не доставлялись и газеты. Николай успел отметить некоторые странности в происходящем вокруг. Ликовали офицеры, особенно из молодых, вроде Митина; нацепив поверх шинелей пышные банты из красных лент, они страстно размахивали руками, выкрикивали горячие слова. Иные, из старших чинов, держались в

сторонке; среди них попадались и вовсе пришибленные. А один, в тылах полка, штабс-капитан, князь, пустил себе пулю в висок. Выстрел в таком бурлящем, ликующем водовороте не прозвучал. Сочувствующих князь обрел, но последователей не нашлось.

С бантом оказался и Хлебников. Столкнулись они в штабе полка; Николай явился туда вместо захворавшего ротного. Не помня зла, поручик тряс его плечи, заглядывая в глаза, проникновенно, как умел он, говорил:

– Не держи, Щорс, камень за пазухой... Я уж забыл о том маленьком инциденте. Ради революции, а? А ты, гляжу, без банта! Непорядок. Нечего скрывать свои чувства... От кого? От народа? Так для него все это и делается.

Для народа! А для кого же еще? Иных и мыслей у Николая не было. Уставший после многоверстной тряски в седле, он пробирался по траншее к себе в землянку. Хотелось горячего чая да вынуть из сапог гудевшие ноги. Не покидала тревога – как бы за бурными событиями не проглядеть чужого берега. По слухам, ни в Австрии, ни в Германии подобных событий не происходит. Могут использовать. Дожди поделали промоины, но кое-где на их участке пройти по льду можно. Достаточно взвода головорезов...

Кто-то отшатнулся в нишу, припал к стенке. В густеющих слякотных сумерках угадал.

– Ты, Фомин? На посту? А почему без оружия?

– Не в наряде я вовсе, ваше благородие. Подымить вышел на волю... Закурите моего табачку, ваше благородие. А то всё вы да вы свои папироски... А по-настоящему все теперь равные, что офицер, что солдат.

Странно суетился Фомин, и голос необычный: такое, будто он от чего-то отвлекает, не дает спросить. Картежничают? Пьянствуют? Или дрыхнут все, не выставив секреты? В наряде должен быть взводный Стрепетов, старший унтер-офицер.

– Взводный Стрепетов в наряде у нас? – перебил, желая унять острое чувство тревоги.

– С секретами все в аккурате...

Ночь спал дурно. Извертелся весь, в голову лезло всякое. Слышал, как вошел не скоро после него Митин; не зажигая лампу, разделся, улегся бесшумно. Теперь мирно посапывает, наверно, видит розовые сны. Поймал себя на том, что завидует Митину – сразу взял быка за рога. Курить из одного кисета, душевно относиться к солдату, не попирает его человеческое достоинство – немало со стороны офицера; Митин явно пошел дальше... Кто же он все-таки? В первый день, после телефонограммы, выказал себя мальчишкой, легкомысленным семинаристом, как назвал его командир батальона; потом заметно сник, пропал с мундира и бант. Не придал Николай тому значения. А нынче... Скрывались от «батальонных»; понятно, Фомин намекал на штаб-ротмистра, хрупкого белоусого человека в пенсне, серой каракулевой ушанке, появившегося в расположении их батальона; траншейные «провода» донесли, что он якобы из военной полиции. Должность такая при штабе полка введена недавно. Революция позволила многим поднять головы; выступают, ораторствуют громогласно, особенно в тылах. Проехал, нагяделся, наслушался. Не всем, выходит, можно. Митин опасается. Не только штаб-ротмистра, но, оказывается, и его... Не – отделается от насмешливого тона. А по сути, Митин честный и волевой парень, портят его несколько наивность да застенчивость в офицерском застолье. Но, кажись, все то наиграно; не такой уж он и простак. Не кадет, не эсер: приверженцы тех партий и не скрывались. Социал-демократ, возможно, большевик.

Наверное, Митин был тогда в землянке с солдатами. А Фомин отвлекал.

Фомин, Фомин... В голосе матерого мужика, хлебороба, не слышалось особой радости ни по поводу новшеств, какие ввела в армию революция, ни по приходу самой революции. А ведь она и пришла ради него, Фомина, чтобы облегчить мужицкую долю. До мельчайших подробностей вдруг всплыло в памяти одухотворенное, торжественное лицо поручика Хлебникова. Вот кому прилась революция по сердцу! Наследник крупного сахарного завода где-то под Екатеринославом, на Днепре...

Такое неожиданное столкновение поразило Николая. Ежели Хлебников приветствует революцию, совершенную третьего дня в Петрограде, а Фомин к ней равнодушен, то... Что

же выходит? Непонятно. А ведь Митин знает! Знают и солдаты, подчиненные ему, Щорсу. Силком удержался, чтобы не поднять прапорщика. Дознаться, вникнуть в суть этой революции. Чувство, похожее на сожаление, – не искал тесной связи с людьми, как Митин, дядя Казя, – овладело им. Не все же они в Сибири гремят по этапам кандалами. Сколько прочитано книг, медицинских, исторических, военных, но как мало «запрещенных». Именно в них ответы на эти проклятые вопросы...

Нет, дождется подъема. Не станет тревожить безмятежный сон «бунтовщика». Успокоившись, Николай задремал. Открыл глаза от топота и мигающего луча фонарика. В землянке тесно от посторонних людей; кто-то возится с лампой. При свете угадал штаб-ротмистра в серой ушанке; у дверей – солдаты с винтовками. Митин, разбуженный, шурясь от огня, надевал мундир.

– Извините, господа, – развел штаб-ротмистр руками, поглядывая сквозь пенсне на поднявших головы офицеров. – Служба. «Товарища» Митина уведем от вас.

Митин, запахивая офицерскую новенькую шинель, от порога подмигнул: не поминайте, мол, лихом.

Наутро оказалось, арестован в роте не один Митин, еще двое солдат. Аресты прошли по всему полку; взято до полутора десятка из нижних чинов и рядовых, офицерское собрание лишилось троих.

Сведения эти Николаю шепнул «по секрету» Хлебников. Опять столкнулись они во дворе штаба полка. На этот раз вызывал начальник штаба. Группе младших офицеров, в том числе и ему, Щорсу, надлежит явиться в штаб 9-й армии на траншейные курсы. В беседе выяснилось, что перемены в стране ничего не вносят нового в жизнь армии, кроме как некоторых «демократических свобод» в обращении офицеров с солдатами. Войска присягнули Временному правительству. Война остается войной. Мало того, «революционное правительство», подтвердив союзнический долг Антанте, требует от армии решительных боевых действий. С установлением сухой погоды разворачиваются широкие наступательные операции. Тылы уже ожили: подвозятся людские резервы, вооружение, боепитание. Учеба на траншейных курсах – тоже подготовка: полк получает бомбометы и минометы. Их будут обслуживать траншейные команды на переднем крае, в окопах.

Апрель Николай провел под Черновцами. Курсы планировались на полтора месяца; начальству пришлось сроки ужать. По шести, восьми часов лазили в болотистых низинах, рыли окопы, проводили практические занятия по бомбометанию. Сдавали офицерские зачеты. Назначение Николай получил в свой Анапский полк. 3 мая, в самый отъезд, в штабе армии его поздравляли с повышением – приказом по армии и флоту от 30 апреля 1917 года он произведен в подпоручики. Радость для молодого офицера понятна, но для подпоручика Щорса она была омрачена. В армейском лазарете у него обнаружили туберкулез. Как медик, он понимал, чем это ему грозит. Цветущий возраст – 25 мая ему сравняется 22. Еще, по сути, не жил.

Вместо фронта Николай попал на госпитальную койку. Из армейского лазарета его эвакуировали в Симферополь, в 61-й отряд Красного Креста. Валялся восемь месяцев. Охватило отчаяние. Раздражали первое время беленые стены палаты, покрытые марлей тумбочки, люди в идеально чистых халатах, на молодых здоровых лицах которых несходящая печать брезгливости и сожаления. Редко кому удавалось скрыть их. Ночами наваливается страх.

Усугубило болезнь письмо из Сновска. Кинул отцу коротенькую писульку; лишь бы не тревожить, увел от страшной правды: ранен, мол, в ногу. Среди писем сестер оказалось одно и от дяди Казн. Вернулся из Сибири; все в общем-то хорошо, не будь беды: привез из каторги хворобу. Не назвал, но Николай сразу подумал о чахотке. И тут-то пришла на память мать... Рок какой-то.

Человек привыкает ко всему, даже к смерти. Начал свыкаться. Блеснула короткая надежда: процесс в легких за два месяца лечения замедлился, не вошел в скоротечное

русло...

В жаркие июльские дни с утра до вечера пропадал на воле. Палата угнетала, а еще больше разговоры соседей. Болезни, болезни...

Вник в разговоры в палате. Нет, далеко не все о болезнях. О давней мирной жизни, о семьях, о войне, а больше о политике, текущих событиях. У каждого на тумбочке – ворох газет, журналов. Читают вслух, спорят до хрипоты. Их пятеро с ним; старшему за сорок, казачий есаул, Голощеков, откуда-то из кубанских краев. Койка его рядом, у изголовья. Противоположную стену занимают тоже двое – поручики, однополчане, – елисаветградцы, молодые, лет по двадцать четыре. У окна особняком лежит штаб-ротмистр Рычков. Чин не самый высокий, но власть в палате у него неограниченная – понукает всеми. Какого полка, помалкивает; делает из того тайну. Воевал где-то в Карпатах. Когда Николай представился, Рычков обрадованно сообщил, что Анапский полк знает – прорывались вместе прошлым летом под Черновцами; тотчас приставил ему кличку «Сосед» и взял под свою опеку.

Желчный, высокомерный, Рычков навязывает свои оценки событиям, которыми так щедро снабжают газеты. Защищает каждый шаг Временного правительства, Керенского, хотя ему, собственно, никто не перечит. Николай, оглядевшись, понял, что именно терпимость остальных позволяет распоясываться штаб-ротмистру. Особенно досаждают он есаулу, доходит до оскорблений.

– Господин Рычков, – как-то не выдержал он, – некрасиво с вашей стороны... Есаул Голощеков старше вас. Уважайте хоть возраст.

– Сосед! Кого вы защищаете? – вскричал тот, завертевшись в постели. – Если большевики возьмут в Питере верх, попомните... Все из-за казаков! Пятый год случился из-за вас, Голощеков. Ваши нагайки взбеленили до бешенства народ, заставили его хвататься за булыжник.

– Это и совсем неумно, штаб-ротмистр, – отозвался кто-то из елисаветградцев.

Рычков, как охотничья собака, повел туда носом; его оттопыренный ус, видный отчетливо Николаю на фоне стекла, нервно подергивался.

Учуяв поддержку, обрел дух и голос кубанец.

– Вы, Рычков, дозволейте полюбопытствовать, – спросил он ехидно, – где пребывали в ту пору?

– Не старайтесь, есаул, не среди тех, с красными флагами, кого вы пороли.

– И не подумаю.

– Юнкером я был зеленым в пятом году.

– Во, во, – усмехнулся Голощеков. – Юнкера, само собой, и палили из винтовок...

С того дня свергнута была тирания Рыčkова. В палате, как и во всей России, водворился «революционный порядок – свобода слова, равенство»; так пошутил один из поручиков, Свирин, курносый, веснушчатый парень с кудрявой рыжей челкой.

– Но не братство, – уточняя, добавил его полчанин Демьянов.

Внешне Демьянов выгодно отличался от своего неказистого приятеля – высок, темноволос и кареглаз; дружба их тянется с совместного пребывания в каком-то из московских пехотных училищ. Германские осколки и пули обоих миловали, но за горло взяли Пинские болота. Слегли весной, как и все они, кроме штаб-ротмистра; тот с зимы здесь, в Симферополе.

Между тем события в стране развивались стремительно. В газетах преобладала война – наступление, наступление. И вдруг сквозь бравурный гомон – весть: на улицах Петрограда пролилась кровь. Расстреляна демонстрация...

Страсти в палате накалялись. По-прежнему громче всех радовался голос Рыčkова. Он свою линию гнул упорно. Демонстрация в столице, по его, – выступление сбитой с толку большевиками уличной толпы.

– И надо стрелять? – отозвался из своего угла поручик Свирин.

Штаб-ротмистр только опалил его взглядом. Не умолчал и Демьянов. Ткнув подушку кулаком, приподнялся на локте, чтобы видеть всех.

– Временному правительству, как видно, управлять молодой республикой нелегко. Тому доказательство-расстрел демонстрации.

– А какое вам надобно правительство? – огрызнулся зло Рычков.

– Ну, в всяком случае... постоянное.

Нечасто радовали стены палаты дружным смехом. В дверь просунула голову сестра Валя. Она удивленно повела крупными карими глазами, строго обронила:

– Между прочим, господа офицеры, послеобеденный отдых...

– За кои леты-то... Валюта, – сделал умоляющее выражение поручик Демьянов, поправляя волосы, пижаму и простыню.

– Хотя бы другим не мешать.

С молчаливого согласия честь палаты была доверена Демьянову. Выправка, внешность, рост. Знали, в каждой палате на втором этаже имелся свой претендент. По всему, сама Валя догадывалась, каким вниманием она окружена: строгость не сходила с ее белокурого свежего личика, не раздаривала попусту и улыбок.

Всем хотелось видеть собственными глазами, как поручик блюдет их честь, как оправдывает доверие. Честь блюдется исправно; елисаветградец старается. Правда, не внушают доверия его приемы – не очень богаты, напоминают команду «на плечо». В три приема. Он их с блеском только что исполнил. Делается умоляющее выражение на лице, как наиболее действенное средство, затем следует прихорашивание – поправляются роскошная каштановая шевелюра, лацканы пижамы и складки простыни. Похвально, хочет, чтобы все в нем и окрест выглядело в лучшем свете. Выявились и первые успехи: девушка в ответ будто не замечает всего этого со стороны поручика, но ее выдает поведение – уступает ему. Так получилось и сейчас.

Долгое время Валя кого-то напоминала Николаю. Не мог понять. Как-то она заглянула в дверь без косынки. Белые пушистые локоны по плечам. Ахнул: Глаша! Карие глаза и светлые волосы... До мельчайших черточек представил близкое лицо – свою радость и свою беду. С тех пор не мог без боли смотреть на сестру. При ее появлении отводил взгляд, отворачивался к стене, начинал взбивать подушку.

Как нарочно, Валя дольше всех задерживалась у его кровати. Прикладывала пальцы ко лбу, вертела температурную карточку или вызванивала на тумбочке стеклянной посудой. Придумывала и еще хлестче иезуитскую пытку: подтаскивала стул, садилась и начинала обрезать крохотными ножницами ему ногти на руках. Ловя его убегающий взгляд, сердито обещала добраться и до бороды. С весны, как заболел, не вынул из полевой сумки трофейную бритву. Борода набралась на диво буйная, густоющая, пальцы не затолкаешь; она отличается от темно-русых волос чернотой с теплым отливом. Усами тоже давно не занимался – запышнели, слились с бородой.

То же самое, видимо, Валя собиралась проделать и сейчас. Обойдя все койки, бегло засматривая в карточки, она остановилась возле него. Роясь в просторном кармане белоснежного халата, взглядом искала единственный в палате стул. (Держали его для профессора.) Николай зажмурился, сгребая вдруг на себя простыню. Каким сладостным показался голос штаб-ротмистра, возвращавшего его в палату.

– Подпоручик Щорс, – теперь Рычков обращался к нему не иначе как официально, – вас мы еще не слышали... Господина есаула, к примеру, вполне удовлетворяла монархия. Не прочь он и восстановить ее. На худой конец, видеть Кубань свою автономией. Вас какая власть устраивает? Что вы имеете к нынешней, Временному правительству, а?

Николай с готовностью выпростал ноги из-под простыни, намереваясь подняться.

– Видите, господин штаб-ротмистр, ответить на ваш вопрос трудно. Я знал ее, одну власть. Ушла сама. Что касается этой... Сидеть на штыках невозможно. Убежден. Временное правительство как-то еще умудряется.

Поручики поддержали громким смехом. Валя, так и не вынув из кармана ножниц, угрожающе потрясла кулаками.

– Я, подпоручик, человек военный, – привстав на колени, потянулся сухожилой шей

Рычков, – и требую определенности.

– Пожалуйста. Я тоже военный. Кровавое побоище в Петрограде вы подаете как выступление сбитой с толку кем-то уличной толпы. Глубоко ошибаетесь. Расстреливали из пулеметов солдат и матросов...

– Анархию! Всякую сволочь, дезертиров. Газеты скверно читаете, Щорс.

Николай как ни в чем не бывало продолжал:

– Господин Рычков желал определенности. Доскажу. Из официальной прессы не уловишь истинного положения, одни угрозы в адрес германцев да бравурные призывы к наступлению. А солдатские комитеты требуют мира, отказываются наступать и вообще... против войны.

– Ага! – обрадовался зло Рычков. – Власти добиваются.

– Да. Момент острый... Временное правительство или Советы. Исход зависит от армии. Чью сторону она примет...

– Вот именно!

– Не радуйтесь, штаб-ротмистр. Анапский полк вы знаете. Временному правительству дал один из первых присягу. А нынче отказался идти в наступление. Выводы отсюда?

– Слухи, Щорс... Вредные слухи. Можете за них, знаете... поплатиться.

– Не слухи. Вчера встретил сослуживца, анапца. Он в соседнем госпитале. Призывал в наступление. Солдаты пытались поднять на штыки... Штаб-ротмистр, вроде вас. Кстати, он знает вас... по Одоевскому полку.

Рычков на глазах менялся в лице.

– Погодите! – вспомнил есаул. – Одоевский. Где-то в Карпатах... Восстание там подымалось на рождество!

– Да, – кивнул Николай. – Господин Рычков прямой участник в нем...

Пощадил, не досказал – удовлетворился жалким, растерянным видом штаб-ротмистра. Понимал, спесь с него сбита окончательно. Кому ни доведись, сознаться в таком деле по нынешним временам опасно. Январские события в Одоевском полку всколыхнули весь фронт. Оружие – на царя! Сомнения нет, деспот офицер первым поплатился своими боками. На штыки не брали, как того анапца, – разделили прикладами при ясном дне. Оттого и зачах.

События назревали. К осени фронт уже потерял интерес и значение – разложился совсем. Солдаты не стреляли с той и другой стороны – обнимались. В печати и в народе загуляло необычное для войны слово «братание». Внимание всех – на Петроград. Кто? Временное правительство или Советы? Никогда так не ждали газет. И весть пришла: Временное правительство низложено...

Жизнь в палате сникла, а вскоре и заглохла. Первым исчез Рычков, не прощаясь, ночью. За ним – есаул. Этот поклонился всем от порога, приглашал к себе на Кубань, в теплые, благодатные края.

В конце декабря откомиссовали по чистой с военной службы и Николая. Старую юнкерскую шинель его и холщовую солдатскую сумку доставила из вещевого склада Валя. Прощались они за чугунными воротами госпиталя.

– Возвращайся, если что... Тебе нужен крымский воздух.

Он ответил взглядом: «Пока не знаю».

Поезд увозил на север, в родные места.

Сновск встретил неприветливо, хмуро. Люду необычно много. Больше серой, окопной братии: едут бесстройно, ватагами, сбиваясь уже в дороге в землячества. Винтовки без малого у всех. Домой, по хатам тащат; видать, привыкли за кои годы, стали роднее и ближе жен.

Вдоль вагонов прохаживались моряки. Трое их. Эти не едут – хозяева. Шагают вразвалку, будто по палубе, опутанные накрест пулеметными лентами; у самых лодыжек, едва не касаясь затоптанного снега, болтаются на ремнях маузеры в деревянных кобурах. Кого-то высматривают. Николай спиной почувствовал на себе их взгляды, цепкие,

ощупывающие.

Удручающей оказалась встреча и дома. Испуг, оторопь, жалость вызвал своим появлением у близких. Схлынула первая волна, остыв, Николай понял, что причина в его внешности. Присмотрелся к себе, привык, но домашние знают и помнят его другим. Пожалел, не послушался Валю и не предоставил ее ножницам свободу. Можно было бы сменить и шинель на более приличную.

Дома уже – и брат, Константин. Не виделись с лета 14-го. Возмужал, окряжистел; гладко выбритые щеки источали здоровье, свежесть. Позавидовал в душе. Знал, брат офицер, а рубаха простая, солдатские и шаровары; выдавали сапоги да пояс. Все порывался спросить – мешала детвора; освоившись, липла – не оттолкнешь. Всячески отстранял от себя, не брал на руки; мачеха сделала замечание: наскучали, мол. Причину во всеуслышание открыть не хватало сил.

Отца тоже не видел с начала войны. Поразил вид: старик! Ссохся, сморщился, оскудели волосы и усы; ростом убавил. Сердце сжалось от жалости, видя, как он суетится возле него. Николаю духу не хватало открыть свою беду – вконец добьет.

После бани, устроенной, как в детстве, на кухне, в свежем белье, в горнице у зеркала развернул бритву. Все свободные в доме приняли участие в судьбе его бороды. Младшие шумели хором и вразнобой; большинство за. Константин против, в меньшинстве. С добродушной усмешкой, пожимая крепкими плечами, сам же взялся за ножницы. Подстригая, говорил:

– Нынче модно голосовать. Все решает голос. Большевики так и власть взяли. Большинством.

– Сам-то не большевик? – переняв в зеркале его взгляд, спросил Николай.

– Как же! Первый – штык в землю, и айда. Поперед тебя дома очутился.

Брат все тот же, балагур, весельчак. Куда ветер, туда и он. Легко, наверно, таким жить на свете, в любых условиях, в любом месте приживется.

– Ножницами, гляжу, орудуешь ловко, – сказал, ощущая прилив теплых чувств к брату.

– Жизнь, она всему научит.

Вечером пришел дядя Казя. Уединились в детской. Встретились как равные, умудренные жизнью люди, повидавшие и познавшие на свете всякого. Не надо было им объясняться: с первого взгляда утвердились в своей обоюдной догадке. Чахотка у обоих.

– Привез из Сибири, с царской каторги, – качал дядя обреченно головой, исподволь окидывая взглядом племянника. – А ты, вижу, свою из окопов. По письмам твоим догадался, не ранением тут пахнет... Полгода небось лежал?

– Восемь месяцев.

– Открытая форма?

– Затянуло.

Кто-то из малых скребся в дверь. Николай подпер спиной, не пустил.

– К вам пойду ночевать. Сам видишь, дети... Лезут. Мачеха обиделась уж. Вроде чужой, мол. Не придумая, отцу как сознаться или Косте...

– Отец знает.

– Откуда?

– Такое трудно скрыть. Прибегал днем до нас отец. Плакал... Сдал совсем старик.

После ужина Николай объявил, что ночевать он идет к Табельчукам. Детвора запротестовала, мачеха нахмурилась, отец промолчал. В постелях, без лампы, дядя с племянником наговорились досыта. Угомонились, когда побелели щелки ставен.

Сотой доли, оказывается, не проникало в газеты из того, что происходило на Украине. Родная сторона бурлила. С весны еще, после свержения царя, подняла она норовистую голову. В апреле на съезде националистов было сформировано правительство – Центральная рада. В Раду вошли представители буржуазии и националистически настроенной интеллигенции. При помощи украинских социал-демократов и эсеров правители пытались возглавить национально-освободительное движение на Украине. Но это оказалось им не по

силам. Между революционным пролетариатом и украинской национальной буржуазией вспыхнула жестокая борьба за политическое руководство крестьянскими массами. В первом же универсале Рада провозглашала, что земельный вопрос решит учредительное собрание, осудила захват крестьянами помещичьих земель.

После октябрьского переворота в Петрограде Рада объявила независимость Украинской народной республики. Военными делами в генеральном секретариате – исполнительном органе Рады – ведает Симон Петлюра.

– Ох, раздует кадило этот Петруля, чую, – мрачно пошутил дядя Казя. – В народе так величают его. Круто взяла Рада. Съякшалась с французами. До двухсот миллионов франков гребанула заем. А все из-за чего? Не прекращать военных действий против австрийцев и немцев по своим границам. В пику Советской России.

– Какими ж такими силами?

– Старые части еще стоят на линии. Штыки в землю ткнули не – все, как наш Кость. Но что она делает, Рада! Пропускает контрреволюционные казачьи полки на Дон. Атаман Каледин собирает против Советов силу. Спелись с Петлюрой. Зато революционные отряды красногвардейцев, рабочих Питера и Москвы, правящихся через Украину на Каледина, Рада задерживает. Нет, нет, столкнут нынешние правители нас с Советской Россией в братоубийственную бойню. Как пить дать столкнут.

– Не пойму, чья власть в Сновске сейчас? – спросил Николай, растревоженный новостями. – Матросы какие-то вышагивают на вокзале.

– С матросами смех тут, – оживился Казимир, переворачиваясь на пружинах. – Вот с неделю назад... Подкатили в теплушке. Ни вашим, ни нашим. Сами по себе. Зато синежупанники Петлюры носа не кажут. А власть есть – Совет рабочих депутатов. Председательствует Михайловский, Михаил Иванович. Связь с Гомелем давняя, ты должен помнить. Там Советская власть прочная. Давай засыпай, свет вон в ставнях.

Повозившись, сквозь зевоту обронил:

– Не протянет долго Рада...

Слова дяди оказались пророческими.

После рождества нагрянули в поселок гайдамаки. Явились со стороны Бахмача железной дорогой. Засинели их жупаны по ближним от вокзала улицам, засыпанным свежим снегом; на диво мирно вели себя, держались кучно, возле теплушек. На площадке в конце состава угадывалось под брезентом оружие; знатоки утверждают – трехдюймовое.

Необычное поведение синежупанников насторожило и обеспокоило ревком. К концу дня их тайные намерения полностью раскрылись. Из Гомеля по своим каналам Михайловский получил сообщение, что оттуда выходит вооруженный отряд; составы проследуют на Бахмач. Их, путейцев, предупреждают, чтобы глаз не спускали с железного моста через Снов. А вскоре в депо вбежал один из членов Совета, Пепик, с новостью: гайдамаки намереваются взорвать мост.

Всю ночь бодрствовали деповские. У стрелок, у моста держали усиленный караул; не теряли из виду и пыхтевший паровоз гайдамаков, занявший с утра главную ветку. К свету в самом деле паровоз прибавил пару, ожили и теплушки.

Состав из станции не выпустили. К дружной стрельбе деповских подключились фронтовики с ближних улиц, у кого имелась винтовка; отчаянно палили из маузеров и матросы, сбежавшиеся на шум. Обнаружив огненный заслон, гайдамаки, отстреливаясь, так задом и выкатились; оружие даже не расчехлили. Помогли ко времени пущенные кем-то слухи: из Гомеля, мол, прибыл бронепоезд, остановился перед мостом. Потом у Табельчуков об этом бое со смехом рассказывал Костя, тоже шатавшийся туда.

К вечеру следующего дня из Гомеля подошел первый эшелон, набитый вооруженными солдатами, без погон и кокард на смушковых папахах. Революционный отряд вел бородатый латыш, Рейнгольд Берзин; в него входили два пехотных полка и рабочие-красногвардейцы из Минска. Берзин – член Военно-революционного комитета 2-й армии Западного фронта. Незадолго до того они заняли в Могилеве ставку; вместо генерала Духонина, временщика,

Советское правительство на пост верховного командующего назначило прапорщика Крыленко. Теперь Берзин спешил на подмогу революционным украинским войскам в борьбе с петлюровцами.

Вскоре провода доставили радостную весть – в Киеве взвился красный флаг. Рада бежала в Житомир. К концу января почти на всей Украине была установлена Советская власть. Кровь не пролилась меж украинским и русским народами, как того жаждали местные буржуазные националисты.

Сновский Совет, наскучав в подполье, размахнулся широко. Возни и хлопот требовали школа, больница, народный дом, лавки, пекарни. Нашлось дело и вновь введенной милиции. Николай одним из первых ощутил на себе ее присутствие в поселке.

Среди ночи вбежал к Табельчукам Константин. Без шапки, без шинели, с ремнем в руках, раскрасневшийся на морозе, не отдышавшись, выпалил с порога:

– За тобой, Николай... Из милиции! Трое с винтовками. Как царского офицера... Сказал им, ты где-то у дружков задержался. Детвора гам просыпается, могут указать...

– Что за чертовщина! – возмутился Казимир Михайлович, сбрасывая ногами на пол одеяло. – К Михайловскому пойду. Как офицера, говоришь? Идиотство! Гм, офицера нашли... Тебя-то почему не взяли?

– Черт их знает, – растерянно пожал плечами Константин.

– Ну да, ты же бегал с ними в ту ночь... Пугал гайдамаков. А Николаю, может... В постели вон валяется, с горячим утюгом у лап. Порошки глотает, чтоб кровь унять из горла.

– Успокойся, дядя Казя, – холодно сказал Николай. – Явное недоразумение. Сейчас выясним... Костя что-то путает.

Константин, мотая головой, так и вцепился в дверные косяки. Он понял намерения брата.

– Нет, нет. Не вздумай... Чрезвычайка! Разговор там короткий. Приезжие. Шепнул один из них... Потому я и прибежал. Уходи. До чужих, к своим нельзя...

Остаток ночи Николай провел в церкви. Отводил дед Михайло. Окоченевший, светом перебрался огородами в сад к Плющам. Двое, не то трое суток обитал у дружка; днем в тепле, а на ночь лез на чердак. Митька надолго не отлучался; через него держал связь с внешним миром. Угнетала нелепость, в какую попал, но он понимал и логику. Офицерство в общей массе не приняло революцию, поднялось против Советов. Из России, центральных губерний, оно бежит на юг, сюда, на Украину, стекается на Дону; в Ростове и Новочеркасске собралась вся верхушка – бывший верховный главнокомандующий генерал Корнилов, начальник штаба ставки генерал Алексеев. Словом, самый цвет. Туда и бегут, тайком, переодетые, под чужими именами. По всему, там в этот час дым коромыслом...

А почему Советы должны верить ему, офицеру? Почему знать им, что он не глядит на Дон, как другие? В конце концов, ведь он списан со службы за непригодностью, он кашляет кровью и нуждается только в теплом месте под крышей... Нет, дни горячие, времени разбираться с каждым в отдельности не отведено. Костя показал себя в деле. Единственно приемлемая рекомендация.

Встречаясь ночами с братом, Николай сумел убедить его, чтобы они с дядькой не мотались там, не добивались ни у кого заступничества.

– Бесплезно, уверяю вас, – настаивал он. – Время решит само...

– Так говорит и чекист тот. Пускай, мол, не высовывается покуда.

– Спасибо надо сказать неизвестному покровителю моему. Уж он-то лучше нашего понимает... Подумайте о другом месте. Можем людей подвести, Плющей. Да и мерзну ночами... Кожух не спасает.

На другую ночь пришел за ним зять, Петро Бондарович. Развязывая узел, пояснял:

– Переоденься, из моих обносков, железнодорожных. Паровоз возле электростанции, в тупике. Сброшу на разъезде, у дружка.

Через сутки вернулся Петро. От порога заметно, что доставил добрые вести.

– Сбирайся обратно, Николай. Утряс Казимир Михайлович в Совете... Какой-то начальник высокий из чекистов побывал вчера в Сновске, разобрались.

В паровозе, в грохоте, копотной духоте, Петро вынул из кармана сложенную газетку: почитай, мол. Заголовок насторожил. Новость! Австро-германские войска движутся на Украину. Как? Почему? С какой целью?

Ответы Николай получал уже дома. Не сразу, правда; искал их в официальной прессе, в слухах, в бесконечных разговорах с дядей Казей. Тот измотался меж Советом и депо. Его опыту, чутью Николай доверял; понимал и сам, что несет с собой вторжение немцев на Советскую Украину. Быть крови... Какой еще! Забыв о своей личной беде, болезни, в мучительных раздумьях, он отчетливо увидел свое место в надвигающихся кровавых событиях. До времени сам себя вывел из строя, уложил в постель умирать.

Собственно, ничего еще им не достигнуто; палец о палец не стукнул, чтобы быть нужным людям. Одни ищут применения своим молодым силам в науке, другие – в революции, в борьбе. Жить этим только в мыслях... Нет, нет. Хватит! Пришла пора и его. Завтра может быть поздно. В двадцать два года помереть в постели...

Клокотало все внутри. Не мог он сидеть за закрытой дверью сложа руки. Подступал к дяде Казе с ножом к горлу. Тот, дивясь перемене в племяннике, радовался и в то же время терялся.

– Советская Россия подписала соглашение о временном перемирии с Германией... – задыхался Николай. – В этом здравый смысл. Большевикам нужен как воздух мир. По миру наскучала армия. Пять-шесть миллионов мужиков в серых шинелях! Но Рада эта, недобитая, прости господи... Ей ничего не стоит лечь в постель к любому. Вчера валялась с французами, а нынче плюхнулась к немцам. Кто больше заплатит. Она все делает, чтобы оторвать Украину от России.

– Не кипятись, – вяло протестовал Казимир Михайлович. – Декабрьское перемирие нарушили сами немцы, а не Россия... Но мы не знаем до тонкости другого. Именно советская делегация тогда во время мирных переговоров в Брест-Литовске признала назначенную Радой делегацию Украины правомочной.

– Не нам с тобой, дядя, гадать о тех тонкостях. Разберутся потом, может, и без нас... Сей момент решается... Быть народу Украины свободным, советским или пасть в рабство. Рада бросила его под сапог врага. Пятьсот тысяч голодных австрийцев и пруссаков посадила на шею селянину. Цель-то как на ладони – убрать Советы. А это значит залить республику кровью. Кровью народа. И крови той быть!

Вот он, тот племянник, каким Казимир Михайлович хотел его видеть задолго до нынешнего дня. Смалу чувствовал в нем скрытую силу, оттого так тянулся к нему душой; редко проявляла она себя, сила та, но всегда как-то кстати. Кажись, теперь то самое время.

– Смотришь так... – переняв его взгляд, Николай опустил его опять на стул. – По-твоему, несущую чушь?

– Так я... Не обращай внимания.

Кроме них, в горнице Костя с Митькой Плющом; еще раньше пришел к дяде его давний приятель, Кузьма Науменко. Они с ним вот уже зиму в кровь бьются со всяким эсеровско-меньшевистским сбродом, окружившим тесным кольцом председателя, старика Михайловского. Их два голоса тонут в гаме. Дядя все жалуется, а сделать ничего не может. Николай советовал ему плюнуть на ту горластую компанию. Нынче в Совете тоже обсуждался вопрос – немцы. Большинство признало не вторжением – спасением Украины. На этот раз, кажись, дядя прислушался к его совету – плюнул.

– Откуда взяться силе, – с жаром спросил Кузьма Науменко, потрясая газеткой, – какая бы преградила дорогу немцам? Пятьсот тысяч! Отборнейшие войска, оснащенные техникой. Вот читайте.

У Николая таилась под усами усмешка; усмешка та и в голосе:

– А мы с тобой? Нас уже пятеро. Так в каждой хате. А по всей Украине, посчитай, сколько хат?

– Кто же ее поднимет, ту силу? – вмешался Костя. – Они будут скоро и в Сновске.

– Будут.

Не давая разгораться спору, Казимир Михайлович мрачно глянул на Николая.

– Регулярных войск у нас на Украине нет. Да и откуда? Неделя всего Советам... А что сделают красногвардейские отряды, неорганизованные, плохо вооруженные? Фронт вот он, от Гомеля до Черного моря. И если Россия не поможет – все, хана. За немцами вслед потянутся гайдамаки, а за теми – помещики, капиталисты...

– России не до нас самой, – буркнул Кузьма.

– Мы есть! Мы! – Николай выставил ладони. – У нас руки... Умеют держать оружие. Уйдем в Елинские леса. Будем бить, бить оккупантов. Тогда придет и помощь. Именно из России. А так, сидеть и ждать...

Ждать долго не пришлось. Поглядывали всё в сторону Бахмача, а они вот, из Гомеля. Весть доставил Табельчукам Кузьма Науменко. Чуть свет поднял весь дом на ноги.

– Бронепоезд!.. В Городне... Немцы! Телеграф перехватил. Бегу со станции, – выпалил он, едва перешагнув порог.

Свесив босые ноги на вязаный коврик, Казимир Михайлович с недоумением уставился на племянника, уже обутого, застегивавшего мундир.

– Не теряй времени, дядя, – возбужденно-весело посоветовал Николай. – Через пару часов, самое большое, бронепоезд пожалует в Сновск. Немцев страсть интересуется наш мост. Как военный, говорю тебе.

Вестьжданная. Вопрос: откуда немцы явятся?

Из Бахмача – может отступить какой-нибудь красногвардейский отряд. Проще простого влиться к нему. Продумывался и гомелевский вариант на всякий случай. Уходят в Елинские леса; по слухам, в одном из крупных сел, Семеновке, действуют красные партизаны. Случай тот.

Пока набивали сумки, Костя бегал по друзьям, кто ближе живет. Загодя обговаривали: встреча за Носовкой, в зарослях речушки Турейки.

У шаткого мостка раньше всех оказались Николай с дядей. Вслед за ними вынырнул из метели Кузьма Науменко. Путевскую одежду он успел сбросить; влез в старенький полушубок, заячий малахай и рыжие катанки. Мешок за плечами, винтовка в руках; опирается на нее, как на посох.

– Это я понимаю! – обрадовался Николай. – Партизан всамделишный. Лесной житель. Маскировка абсолютная. А ты, дядя? Побоялся расстаться со своей черной форменкой. Немцы заметят на белом сквозь елинский лес. Говорил еще тебе...

– Сойдет, – отмахивался Казимир Михайлович, а в душе пожалел, что послушался племянника. У отца в сарае висит на гвозде еще добрый кожушок. Шерстяных носков, белья про запас насовал в сумку; под шинель поддел овчинную душегрейку. – Ничего, стерпится, весна не за горами.

– Не веснит. Ишь лепит, в пяти шагах ни черта не разберешь.

Николай обеспокоенно вглядывался в белую шелестящую стену. Пора бы догнать Костю; кто еще с ним прибудет? Ребята намечались, фронтовики; недавно вернулись Никита Воробьев, Мороз Сашка, Степка Ермоленко... Зачернело. Угадал по походке Костю и двоюродного брата, Ивана Колбаско. Третий тоже в шинели и смушковой папахе, с винтовкой и вещмешком. Шагает твердо, по-пехотному. Здраваясь за руку, узнал в нем Степку Ермоленко.

– Залепило, Степан, едва признал.

– Богатый буду, – прогудел простуженно тот, сбрасывая варежкой с бровей хлопья снега.

Прождали немало. Курцы не по одной сигарке сдымили. От напряжения ломило глаза. Под ремень вползает знобкий холод. Николай, ежась, подумал, что дальше топтаться нет смысла. Сашке Морозу успел крикнуть Костя, не отказался сразу, ушел вроде собираться. Черт его знает, могли и домашние навалиться. Еще Митька Плющ. Лучше бы не увязывался:

хватишь с ним лиха, а пуще возни.

– Двигать пора, – произнес он, избегая взглядов. – Догонят, если что...

Шли проселочной дорогой, заваленной по колени снегом. Дневали в Луках. Выбрались из поселка в ночь; при входе в елинские сосняки, на опушке, к ним прибилось еще трое, из Боровичей. Топают, как и они, в Семеновку; тоже по слухам.

– Во, уже войско! – пошутил Степан.

В Орлюковке подвалило сразу шестеро – местные и из ближних сел. Без малого взвод. Николаю так хотелось шутки ради подать команду. Подумают, запрашивается в командиры...

Село Семеновка раскинулось на облысевших от сосняка песчаных увалах, полого сбегавших к реке Снов. Облик его отдаленно напоминает Сновск – базар возле церкви; река да лес отодвинуты дальше. Железнодорожная ветка своя – Новозыбково – Кролевец.

Издавна Семеновка слывет своими ремеслами. Через двор – гончар, сапожник, шорник, кожевник, кузнец, портной, бондарь, каретник. Кустари-ремесленники народ ухватистый; корявые, дубленые руки сноровисто владеют шваикой, молотком, ножницами. Не в пример селянину им виднее, кто больше всего на них наживается. Потому, наверно, каждое правдивое слово так легко западает в душу, будоражит, заставляет думать, а руки сами собой хватаются за топор или оглоблю. В пятом многие семеновцы брели, гремя кандалами, по бескрайним сибирским трактам.

Едва в Петрограде взяли верх Советы, семеновцы выкинули над правлением красный флаг. При волисполкоме был собран красногвардейский отряд. К солдатам-мастеровым прибивались селяне из ближних посадов и хуторов.

Веское слово в отряде имели политкатержане, братья Лугинцы, Петро и Константин, Казимир Квятек и Григорий Бабченко, учитель, ныне председатель волисполкома.

Отряд жил и воевал на колесах – в эшелоне. Всю зиму раскатывал по рельсам, уводившим в глубь Украины, в сторону Харькова и Киева; вытеснял вместе с революционными войсками Раду.

В феврале кинулся на зов Полесского комитета РСДРП (б) и Гомельского Совета. Под Калинковичами семеновцы столкнулись с частями корпуса генерала Довбор-Мусницкого. Сформированный Временным правительством из поляков, пленных и состоявших на службе в русской армии, корпус поднял в середине января мятеж. Легионеры захватили ряд городов и железнодорожных узлов по гомельской ветке Бобруйск – Рогачев. Советская власть в Белоруссии переживала тревожные дни. Революционные войска Западного фронта и отряды красногвардейцев одолели мятежников; остатки корпуса увел Довбор-Мусницкий к немцам.

Малая часть семеновцев вернулась из-под Калинковичей...

В тяжкий для отряда час и прибыли сновцы в Семеновку. На станции попали на Константина Лугинца. Радости тот не проявил от первого пополнения. Изможденное, уставшее донельзя лицо его с серыми обвислыми усами, казалось, ничем уже не оживишь: глаза, пожалуй, маленькие, в морщинистых веках, сохраняли еще какой-то интерес к окружающему. А кругом кутерьма. Перрон кишит серым людом. Штурмуют все составы, в какую бы сторону ни двигались.

– Очумел чисто народ, – качает скорбно Лугинец стриженной головой, стоя у откинутой двери теплушки. – Солдат – понятно. Но те, с оклунками, с детворой... Бросают живое, едут на мертвое.

На ночлег отвели сновцев в большой каменный дом на площади, против церкви. Хлопоты те взял на себя другой Лугинец, Петро, старший. В просторной натопленной гостиной вместились все. Уходя, Петро распорядился и об ужине.

– Не обедняют, – усмехнулся он на замечание Казимира Михайловича. – Мясники. А свои оклунки вы поберегите. Неизвестно еще, когда отряд соберется с духом да встанет на колеса.

К ужину подвалили хозяева. Самая верхушка отряда. Человек пять, возглавляли братья

Лугинцы. На вокзале этих троих не было. Командир – Зубов Яков; из прапорщиков, стройный парень с румяным лицом и живыми серыми глазами. Пожимая Николаю руку, он доверительно кивнул, указывая взглядом на мундир: тоже, мол, из «бывших». Учитель Бабченко, худой, жердястый человек в очках, со впалыми щеками и выпуклым лбом, назвал сам. Третьего, в ватном пиджаке, в солдатской смушковой шапке, представил младший Лугинец. Варшавский поляк, Казимир Квятек, из семьи железнодорожника; лета тоже немалые, за тридцать. Треть своей жизни он прогремел царскими кандалами по всей ближней и дальней Сибири, испробовав Александровский централ, Нерчинские рудники и амурские каторжные стройки. Там-то и свела их одна дорога с Константином Лугинцом. Бунтарь по духу, террорист, избежавший из-за малолетства смертного приговора за покушение на жизнь варшавского губернатора, на каторге Квятек проникся к программе большевиков. За Константином увязался в Семеновку; тут с головой окунулся в организацию красногвардейского отряда.

Ужинали шумно.

От громких разговоров младший Лугинец утащил в другую комнату своего постоянного напарника, Квятека, и Табельчука. Казимир Михайлович потянулся к своим однокашникам по сибирским этапам; случилось, топтали одни и те же дороги, даже пролеживали одни нары по тюрьмам, только не сходилось время.

– Угодили вы... в самый момент, – засокрушался Константин, сворачивая козью ножку. – Повешают носы, боюсь, твои хлопцы. И надо ж... Ах ты!

– Вложил нам, дьяволов поляк, так вложил, – стрельнув в сторону приятеля взглядом (никак кровь), уточнил: – Генерал тот, Муסיцкий.

– Регулярная армия, что ты хочешь! – Квятек, усаживаясь на кушетку, жестом приглашал и гостя. – А у нас толпа. Ни строя, ни дисциплины, ни порядка. И командиры тоже...

– Не расходись, Казимир Францевич, – взмолился Лугинец. – Не затем мы оторвали от стола человека... Обсудим, взвесим со всех краев, прежде чем на люди выходить.

У Квятека лицо смуглое, не по летам молодое; есть в нем что-то татарское: скулы, разрез глаз и жидкая растительность на губе и подбородке. Лугинец явно унаследовал внешние черты от предков своих, запорожцев: нос бульбой, усы. Оселедца не хватает – стригся наголо. Они с Квятеком годки, но выглядят по-разному. Каторга боком выходит Константину – ссутулила, цинга попортила рот. Поляк держится бедово, не поддался.

– Казимир Михайлович, ты видишь нашу беду в упор, – заговорил Лугинец, с трудом подбываясь к главному. – Отряда, собственно, уже нету... А был! До сотни оставили за Гомелем, в болотах... да больше разбежалось. Попросту бросили нас, разошлись по хатам. Ищи виноватых.

– А они есть! – резко вставил Квятек, готовый вступить в перепалку.

– Есть, знамо, – согласился терпимо Лугинец. – Мы с тобой, организаторы. Собрать собрали людей, подняли на великое дело, а воевать... Ну ни черта мы в командирском деле не смыслим. Плохонький урядник и тот на голову выше нас. Людей вести же надо, командовать. Вон поляки! Втрое меньше нашего. Бери голыми руками. Нет, с первого же выстрела они мигом попадали... Пропали, как ящерики... И местность-то вроде чистая. Команды только с их стороны доносятся. В один миг нас выковырнули из засады. Бегли без оглядки... Вон Казимир не даст сбрехать. Словом, товарищ Табельчук, нету у нас командира. Без головы отряд.

– И отряда нет, – уколол Квятек.

– Соберем людей. А вот командира, боевого, крепкого...

– А Зубов? – Казимир Михайлович не понял, к чему клонят семеновцы.

– Зубов, правда, из офицеров, знающий.

– Пружины в нем нет, вот беда, – добавил Квятек.

– Во, во, пружины, – согласился Лугинец. – Парень славный, честный. Но теперь, после случившегося, с ним выходить... Братва не избрет его. Веру потеряла. А приглядываемся

мы, Казимир Михайлович, к твоим сновцам. Ты, бывает, не подсказешь сам?

– Кто такие братья Щорсы? – опередил Квятек.

Разговор для Казимира Михайловича обрел крутой поворот; он скорее почувствовал, чем понял, что к нему просто не готов. Кто такие братья Щорсы... Семеновцы ждут его ответа: кто из братьев более подходит на должность командира отряда? Даже нет. Определенно метят в Николая. А что сказать?

– Они не из Сновска? – Лугинец по-своему понял его заминку.

– Не об том я. Сновские. Белорусы. Как не знать мне их... Вынянчил, можно сказать. Племяши родные, сестрины. Речь-то о чем? Отряд!

– Про то и спрос! – обрадовался Лугинец. – А что племянники... Иной рекомендации и не понадобится. Старший нас занимает, с бородой. Напрямки уж тебе кажем.

– погоди, погоди, Константин Потапович, – не на шутку встревожился Табельчук; он машинально искал по карманам дорожного мундира носовой платок. – Негоже так подходить. Дядя, мол, у него! В деле повидать надо человека. И потом... Постарше бы кого, поопытнее. Мальчишка ведь!

– Да не о Косте речь. Сами зрячие: шпак желторотый. Николай! Бородатый.

– Хо, нашли зацепу! Да ежели по бородам судить... Сами вы в Черном Деремуе не носили бород, в двадцать-то лет? Нет у Николая ни годов, ни чинов. Как нет и опыта политической борьбы.

Неловкое молчание встряхнуло и самого Казимира Табельчука.

– Хотя что я... Благодаря Николаю мы очутились в Семеновке. Слух-то далеко! А не будь вас, обосновался бы в Елинских лесах. Конным отрядом бредит. Словом, послушайте самого. Но характер, скажу вам...

Собрание затянулось до полуночи. Кроме отрядников, в большую комнату в волисполкоме до отказа набилось баб и детворы. Со всего села сбежались; кто-то пустил слух: ярмарочные клоуны явились с ученым медведем. Табачный дым – дыхнуть нечем; семечки, галдеж. Не пробиться к столику у дальней стены, покрытому кумачом, оставшимся от прежних хозяев, временщиков. Бабченко нет, председателя волисполкома; за него – Константин Лугинец. Не одолевает голос политкаторжанина, теряется где-то в первых рядах, захваченных горластой детворой.

Николай припозднился. Дядя Казя слег; хвороба его известная – наглотался метельного воздуха, вспотел за долгую дорогу... Пока напоил горячим молоком, заставил принять таблетки. Хотел вовсе не идти, но он выпроводил: тебе, мол, надобно. У калитки волисполкома встретились с Яковом Зубовым. Тянул тот за собой со двора.

– Бабченко захворал, Табельчук вот... И некому в президиуме. Айда.

– Не пойду.

Молодняк, не сразу убедившись, что их крепко надули с медведем и клоунами, стайками покидали помещение; за ними исчезали и бабы. Дожидались самые стойкие, терпеливые, каких не брала зевота от хрипато-голого «Лугинца-каторжника».

Отчетливо услышал Николай, выкликнули его, знаками потребовали к столу. За шумом не разбирал слов младшего Лугинца, зато понял, что обозначают поднятые руки отрядников. Наверно, дядя Казя знал, иначе бы не посылал его сюда.

Глубокой ночью волисполком опустел совсем. Остались возле красного столика. Николай и наполовину еще не успел осознать случившееся. «Командир, командир, командир...» – стучало в висках. Была рота – до двух сотен крепких, затянутых солдат. Одного слова достаточно, чтобы поставить их в строй. Все предельно ясно и просто. С сего часа – отряд... Что это такое? Силился увидеть. Кроме нынешнего собрания, воображение отказывалось иное представлять. Орущая, безлика, пестрая масса.

Перенял взгляд Зубова. Ошарашен он: видать, и с ним предварительно но обговаривали. Обиды во взгляде нет – неловкость, может, чуточку сожаления. Его выбрали к нему в помощники. Человек военный, он понимает, что это значит; на стуле сидит, но чувствуется, готов вскочить в любой миг. Об остальных того не скажешь – заседлали лавки

прочно; разговоры, конечно, об отряде. Не находят общего языка, спорят, доказывают друг дружке. У каждого свое мнение; его, командира, не спрашивают.

– Не вешай нос, командир, – успокаивая, хлопал по плечу Константин Лугинец. – Завтра все село набатом созовем! Митинг устроим. Видал нонче? Маху дали, народ весь не поместился...

– Так он чего сбежался? – оскалился весело старший Лугинец, Петро. – На циркачей глядеть с медведем.

– Не нужен пока митинг, – запротестовал горячо Квятек. – Бабченко выздоровеет, тогда уж... По селам надо клич бросить.

– И по селам... – согласился Константин; спохватившись, бурно запротестовал: – Нет и нет! Митинг сберем на площади. Что это... Народ истосковался по свободе, по революционному слову... Ты, например, тоже скажешь. Люди пускай увидят, услышат твой голос. А то вон как нонче... Тебя выбирают, а ты где-то в толпе застрял.

– О чем... сказать? – спросил Николай, отрываясь от своих нелегких дум.

– Как о чем? – удивился Лугинец. – О революции! Об отряде... Как будем воевать.

– Воевать?

Николай поднялся. За ним вскочил Зубов, поправляя на себе ремни. Это была, наверно, последняя капля, которая привела его в трезвость; вытягивая шею из ворота шинели, он переспросил, обводя сидевших ожесточившимся взглядом:

– Вы собираетесь воева-ать? Непохоже...

Внезапная перемена в командире даже такого завязанного говоруна, как Константин Лугинец, заставила сомкнуть рот; стягивал он на колени разбросанные вольно на лавке полы желтого нагольного полушубка. В маленьких глазах – удивление и оторопь.

– Воевать некому. Нет отряда, – жестко, отрывисто говорил Николай, будто рубил проволоку. – Солдаты нужны... чтобы воевать. Таковых пока нет. Есть кучка людей с винтовками. Уверен, приказов они не понимают. Митинговать – да-а... Идут с удовольствием. Голосуют. Не удивлюсь, если каждую маломальскую операцию боевую солдаты будут принимать или отвергать голосованием. Командиру при таком войске делать нечего. Я лично на таких условиях... работать не стану.

– Такое слишком, – развел руками Квятек, с усилием подбирая слова, чтобы не обидеть. – Вы еще без году час, как в должности...

– Потому и говорю, ставлю условие... Завтра буду уже приказывать.

– Нам?

– Да. Если вы считаете себя, товарищ Квятек, солдатом отряда.

Бледнели смуглые татарские скулы у поляка. Грозу отвел Константин Лугинец; застегнув полушубок, он с мальчишеским озорством шмякнул бараньей шапкой об стол.

– Так приказуй! Для того тебя и избрали...

Выгорела лампа дотла. Крутили фитиль, чертыхались, чихали от вонючей гари. А в комнате, оказывается, давно уже светло. Окна, взятые морозцем, ало пламенели от взошедшего где-то за Десной солнца. На диво быстро сошлись все на одном: формировать отряд. Сколачивать немедленно, не теряя ни часа. Оккупанты уже курсируют через станцию Сновск, Гомель – Бахмач; не сегодня-завтра немецкие бронепоезда будут утюжить их ветку: Новозыбково – Новгород-Северский. В лесах, без железной дороги, без жилья, без всякого снабжения, создавать отряд будет трудно. Константин Лугинец внес предложение сочинить обращение к населению. Подхватили единодушно. За стол усадили Зубова; диктовали все сразу, обсуждали, видоизменяли. К утру подневольный писарь, запарившись, поставил последнюю точку.

Обращение Семеновского революционного отряда к рабочим и крестьянам о порядке приема в отряд 23 марта 1918 г.

Борьба за народную власть Советов на Украине продолжается. Всякий революционер должен взять винтовку, чтобы бороться за завоевания народа с Центральной радой,

продавшей украинский народ германским империалистам.

В Семеновке формируется революционный партизанский отряд, ставящий своей целью борьбу за Советскую власть на Украине.

Сознавая, что только революционная дисциплина ведет к победе, организационная группа отряда выработала известные положения, и в отряд принимаются только лица, принявшие эти положения.

Каждый солдат отряда должен:

1. Безусловно повиноваться выборному начальнику.
2. Безропотно нести наряды и службы.
3. Не предъявлять никаких требований, потому что все, что возможно сделать, будет сделано.
4. Не употреблять спиртных напитков. За пьянство виновные исключаются из отряда с отобранием обмундирования и оружия.
5. За грабежи, мародерство и насилия – расстреляние. Материальные условия – обычные для Красной Армии. Запись производится на ст. Семеновка.

Организационная группа Семеновского крестьянского революционного партизанского отряда.

То, о чем Николай смутно догадывался, наблюдая со стороны в последние трое суток, нынче встало перед ним во весь рост. Оказалось, приказывать не так просто. Проводив исполкомовцев с обращением в ближние посады, сам нагрязнул на вокзал. Эшелонов за ночь скопилось. Пестрее и толпа – много черного, моряков. Конечно, анархия – мать порядка. Из Новозыбкова. Это насторожило. До вчерашнего вечера всё катили из Новгорода-Северского. Пробился под вагонами в тупик, где стоял свой эшелон.

Пожалел, что не оставил при себе Зубова: его-то уж угадали бы в лицо. Семеновцы живут по домам; в теплушках – дальние, приезжие. В штабной обычно сидит дежурный от вербовочной комиссии. Сейчас замок. Во всем составе из трех-четырех труб схватывается дымок, пахнет варевом. Есть живые. Свернул за цистерну на стук. Белобрысый обросший верзила, в шинели, распояской, старательно выколупывал ломом доски из стены годного вагона, загнанного в тупик по нерадению.

- Бог в помощь.
- Спасибо на добром слове, мил человек, – отозвался он, смазывая рукавом со лба пот.
- Трудимся?
- Дровишек вот вышли...
- На дрова можно старые шпалы. Во-он валяются.
- Не, у нас «буржуйка». Модница, стерва, не всякие дрова потребляет. Шпала, она вонь разводит, деготь курится.
- Придется, братец, потерпеть вонь... А доски эти укрепи обратно. Вагон еще послужит нам.

Из теплушки добродушный голос:

- Митрий, а Митрий? Уходи его по котелку... Чи не видишь кто?
- Не внял белобрысый совету; свирепая из-под насупленных бровей глазами, пустился в словесную перепалку.
- Как же так? Оно ить революция нонче...
 - От ее имени я и приказываю.
 - Не-е, топай, господин хороший, и знать ты не знаю. Тут, может, и расположение воинское какое... И быть не следует постороннему.
 - Не посторонний я... Этой ночью избран командиром Семеновского отряда.
- Видать, доводы собственные у белобрысого исчерпались; кося взглядом на открытую дверь вагона, он шумнул:
- Э, Тимоха, спрыгуй! Не чуешь, что ль?
 - Тут я...

Из-за спины появился низкорослый солдат в засаленном ватнике и в валенках. Ступал мягко, вкрадчиво, вертел топор. Худое голощекое лицо, хрящеватый вислый нос и особенно округлые белесые глаза делали схожим его с какой-то степной хищной птицей. «А нет ли у него крыльев? – подумал усмешливо Николай, совершенно уверенный в том, что из вагона никто не спрыгивал, – держал дверь в поле зрения. – Может, на той стороне дыра?»

– Слышь, Тимоха, о чем балачки гнет этот?..

– Брешет. Я такую гниду наскрозь вижу. Попосрывал погон всяких...

– Гляди, не брешет, – засомневался белобрысый. – Чул, братва болтала утром, нашего Зуба поперли с отрядных...

Так ведь это же Тимофей Крутин! Зубов-то и хвастался им: разведчик, мол, в его роте был в Карпатах. Увязался за ним с фронта...

– Чего лыбишься, ваше благородие? – Птичьи глаза солдата утратили вдруг жесткость, распрямились в локтях и руки.

– Ты – Тимофей Крутин. Если в вагоне, на том боку, нет дыры, то я поверю, что ты настоящий разведчик.

Ощущая затылком напряженное дыхание людей, готовых применить все, Николай заглянул в откинутую дверь. Не торопился оборачиваться, боясь дать им повод подумать: испугался, мол. В самом деле, сердце его тоскливо сжалось, когда увидал топор.

– Дыры нет, – мирно стряхивал с перчаток снег, – но я не вспомнил об оконце... А разведчик ты все-таки хорош. Отряду ой как понадобится.

Николай поправил пуховый шарф у горла. Оба солдата стояли мирно, понуро. Белобрысый оказался не таким уж верзилой, просто крепкоплечий крестьянский парень, не старше его возрастом, широкоскулый, с добрыми серыми глазами. Напомнил он ему внешностью анапца Фомина, ординарца. И тотчас подумал: «А не взять ли его в ординарцы?..»

– Разведчик?

– С Тимофеем вот...

Отпадает.

Специальность редкостная, разведчик. Для ординарца слишком роскошно.

– Вид твой... без ремня, и вообще... – Николай скривился. – Величают-то как?

– Дмитрием.

– Вот и познакомились.

Возле штабной теплушки нагнал Крутин.

– Товарищ командир, ключ от штабу вот. Но там холод собачий. Лучше до ребят айда. Вон дымок, в самый хвост.

Шагали вдоль вагонов. Разведчик поспевал легко.

– Вы не таите камень за пазухой. Думали, с проходящих поездов кто... Мало их, зараз всяких?

– Забыл уже. Да ничего и не было.

– Могло быть...

– Ты вот что, вертайся и затопи свою «буржуйку». Шпалами. Народ может подходить. А я один...

– Нет, – запротестовал он. – Буду сопровождать. Мало что случится... Не обознают вот так... Анархии этой развелось – жуть.

– Приказы, Крутин, исполняют солдаты.

Во всем составе нашел ли с десяток человек; махнули на раздобытки – на перроне, на базаре, по дворам. Кроме возросшей тревоги, ничего не дал обход. Порядка, напоминающего подобие какой-либо дисциплины, подчинения старшему, и в помине нет. Партизанщина в худшем смысле этого слова; не анархисты – красногвардейцы, добровольно вставшие на защиту революции, Советов. За цистерной приняли не за того; ладно, не за «того» уже принимали его. Какая там обида! Черт возьми, тут-то угадывали, были ночью на собрании, тянули за него руку!

В крайней теплушке едва не сорвался. Не хотели даже впускать. Заняв лесенку, у входа расселся чубатый парень в шинели и домашнем заячем треухе; строгал, как видно, ложку из вербовой чурки. На просьбу посторониться односложно ответил:

– Спать.

– Кто же спит среди бела дня?

– Митинговали до рассвету...

– Меня избрали командиром отряда.

– Угадую. А что с того? Я тебя збирал, я и скопырну. Как Зуба вон... В горячем деле еще должен показать себя. Так-то.

Солдат сплюнул через губу, выказывая этим полнейшее равнодушие к настырному собеседнику.

К горлу Николая подкатило удушье. Будь в лице, в голосе парня хоть капля злобы, издевательства, тряхнул бы его за грудки.

– Стецко, совесть поимей...

К вечеру Яков Зубов привел первое пополнение – десятка четыре. Больше фронтовики. Местные, собранные за день в волисполкоме вербовочной комиссией. С чем возвратятся посланцы в ближние посады и хутора, снабженные обращением?

В ночь на пятые сутки Семеновский отряд в эшелоне отбыл на Новозыбково. Станция та узловая на ветке Гомель – Брянск. Новозыбковский уезд, куда входит и Семеновская волость, занимает северо-восточную окраину Черниговской губернии. Клин просторный, распоротый верховьем реки Снов, опутанный железными колеями; сосновые леса, изрядно заболоченные, смыкаются с синеющими глухими дебрями Брянщины.

В теплушках – до трехсот бойцов. Винтовки у всех; три исправных пулемета и одна пушка на открытой площадке. Люди подходили до последнего часа. Многих Николай не видал и в лицо. Успели с Зубовым разбить их по ротам, взводам и отделениям; назначили командиров. Гордостью и своей заслугой он считал конную группу человек в тридцать с лишком. Лошадей конфисковали по богатым дворам. На нее, разведку, ударную силу, возлагал большие надежды.

Пока бегал, метался между вокзалом и зданием волисполкома, Николай забыл о дяде. Перед вечером, усадив и разместив всех и вся по вагонам, вырвался на малое время. Хвороба свернула его нещадно. Все хорохорился, не подавал виду, собирался перебраться в теплушку. Сейчас, трясясь на стыках, Николай сам испытывал недомогание, боль под левой ключицей; при огне в «буржуйке» украдкой все оглядывал носовой платок. Боялся мокроты с сукровицей. Невольно думалось о дяде Казе. Напрасно сорвался он из дому. Ему не одолеть походной жизни. Идет весна, сырость, талый ветер. Беречься да беречься. К сердцу подкрадывалась тоска.

Заботы не давали ему надолго отвлекаться. Наваливались, вытесняли все посторонние мысли. Что ждет их в Новозыбкове? Из сумбурных телеграфных разговоров знал, что туда отступили от Гомеля и Чернигова воинские силы. Какие силы, сколько? Где линия обороны, кто объединяет все отряды красногвардейцев? Новозыбковский уездом объяснить толком не мог. Ясно одно – немецкие и австро-венгерские корпуса по сговору с Радой, вдруг ожившей, оккупируют Украину; это значит, сюда они непременно дойдут. Кровавопролитные бои были в районе Бахмач – Конотоп; достоверно, нынче революционные войска, теснимые немцами и гайдамаками Петлюры, отодвинуты к Харькову. Из газет явствует, мирный договор с Советской Россией все еще не подписан, и немцы прут по Прибалтике и Белоруссии. Захвачены Минск, Могилев, Гомель...

Известия тяготили.

Опять надолго устанавливается в раскачивающейся теплушке молчание. Стучат колеса на стыках, скрипят на разные голоса все доски и железки вагона, гудит огонь в «буржуйке». Их пятеро, командный состав; всем не спалось. Ординарец, пятнадцатилетний семеновский паренек Матвейка. Ребенок, давно уснул на тюках сена, едва под ним застучали рельсы.

Зубов Яков принял на себя отрядный штаб, пока не раздобудут знающего офицера-штабиста. Квятек напросился в строй; дали роту. Знаний военных нет, но обещал овладеть ими в боях. На братьях Лугинцах оставались вербовка и снабжение. Тоже камушки не из легких. Ощутили нехватку учителя Бабченко и Табельчука – комиссары какие! Оба слегли, придавленные чахоткой.

Как ни странно, Николая в эту минуту тяготят не тревожные события, даже не предстоящие бои, а снабжение. Люди наполовину разуты и раздеты; фронтовики так-сяк, донашивают окопное. Жалкое зрелище вызывают рабочие, мастеровщина, батраки из хуторов и посадов. Продовольствием и фуражом запаслись за счет семеновских богачей; с них же волисполком сгреб в пользу кассы отряда и денежную контрибуцию в 200 тысяч рублей. Так что на первое время есть, люди будут сыты. Беда с боепитанием. Лавочники не торгуют патронами да снарядами. Помощники, особенно Зубов, тешат себя надеждой: в Новозыбкове разживутся, полк там запасной. Знает он, Николай, какие припасы имеют те запасные полки, побывал сам в них – винтовка на десятерых, пулемет на роту да одна захудалая пушка старого образца, деда и бабку знает, вроде той, какая болтается у них в хвосте.

Чего боялся, на то и вышло. Никакого повстанческого центра, никаких мало-мальски серьезных воинских частей в Новозыбкове нет и в помине. Впереди, в сторону Гомеля, раскатывают по рельсам два крохотных состава черниговцев; в самом Новозыбкове дружина самообороны в сотню штыков да длинный эшелон анархистов. Паровоз их, украшенный черным знаменем и цветными полотнищами с призывами, тяжело отдувался, распираемый парами. Как видно, не знали, куда свернуть: влево – на Унечу, в Совдепию, стало быть; вправо – через Семеновку, на Кролевец, в аккурат к немцам угодишь. Хрен редьки не слаще. Наверняка перетрясут «кровью завоеванные» узлы. Большевики идейные споры ведут страстно, не хватаются за кобуру; немцы неохочи до всяких споров, зато в момент сажают на мушку. Так что не след пороть горячку.

Встречу семеновцам новозыбковские уездные власти устроили пышную. Гармошки, митинг тут же на привокзальной площади, обед. Напуганные таким соседством – анархистами и немцами, – исполкомовцы открыли перед комиссарами, братьями Лугинцами, все свои тайники. Оружия и боеприпасов – кот наплакал; пригодились комплекты обмундирования, белья, шинелей и особенно обуви. Не отказались и от продовольствия, фуража – прицепили пару вагонов с мукой, овсом, крупами и растительным маслом.

За обеденным столом в здании городского исполкома среди командиров сидел главный анархист. (Хозяева подстроили с тайной надеждой.) Белокурое, чисто выбритое лицо, дерзкие зеленые глаза его нравились семеновцам. Анархист лихо пил из граненого стакана, с аппетитом ел и, не пьянея, согласно встряхивал роскошным светлым чубом. Предложение красногвардейцев-большевиков – всыпать немцам на ближнем полустанке, возле местечка Злынка – ему нравится, он поддерживает его. Жахнет из обеих мортир, полосанет из «максимов»; сам лично поведет своих парней в штыковую. Обещая, анархист исподволь выпытывал о пути за станцией Семеновка; страшно удивлялся, что, минуя Кролевец, можно попасть на Глухов.

– Из Глухова и Харьков рукой подать! – выказывал свою осведомленность по простоте душевной захмелевший Петро Лугинец.

Среди ночи эшелон анархистов без прощальных гудков тронулся в сторону Семеновки. В этот же самый час Семеновский отряд выходил на Злынку.

– Сволочи! Вот так с ними дела иметь... Жеребцы сытые! – костерил анархию Петро Лугинец. – А я еще чокался с тем кудрявым. Думал, взаправду локоть с локтем двинем...

Эшелон остановился на разъезде. Николай отдал команду выгружаться, выводить лошадей, скатить пушку. Даже для ближних было неожиданностью. Братья Лугинцы, а вслед и Квятек дружно запротестовали; отряд всю зиму воюет, но вагонов не покидал.

– Теперь покинет, – подтвердил свое решение Николай. – Драться с немцами, не выходя из теплушек... Абсурд. Вы научены уже горьким опытом. Удирать – да, удобно. Но

воевать... Немцы забили своими эшелонами все дороги. Впереди идут бронепоезда. Остановить их нам нечем. Одно, думаю, средство... Выманить солдат из вагонов в села, в лес. Выйти из-под удара их артиллерии. Врагу надо навязать партизанскую войну, какая выгоднее нам.

– А состав? – спросил Зубов, понявший замысел командира.

– А куда он денется? Это наша подвижная база. Отведем в Новозыбково. Понадобится – подкатим.

Тесно обступив ящик, за которым у десятиверстки сидел начальник штаба, обсудили действия отряда. По сообщению телеграфистов, из ближних станций Добруша и Речицы малочисленные группы немцев на подводах движутся лесом к посадку Злынка; бронепоезда их из Гомеля не видать. План напрашивался сам собой: занять в лесу оборону, желательно у болота или у речки, конную разведку выслать в посад. Выманить немцев, а удастся – изрубить, захватить оружие.

– Ты, Квятек, хлопцев разбитных, из местных, пошли на поиски черниговцев, – не тоном приказа сказал Николай.

– Чего их шукать, – поляк отводил взгляд: неловко за свою недавнюю горячность. – Катаются за лесом на своих «кукушках».

Оборону заняли у лесной речки, вздувшейся от снеговой воды, по обе стороны проезжей дороги, связывающей Злынку с хутором Скачки. Конная разведка ушла с рассветом; повел ее Божора, драгун. Рвался Зубов с конниками, Николай не пустил – поручил ему левую группу от дороги. Пока вставало солнце, они втроем, с Квятеком и Зубовым, обошли линию обороны, если можно так сказать. Бойцы не окапывались (нечем копать); каждый выбрал себе место посуше да повыше, наместил сушняку, сосновых веток.

– Во вороны! – посмеивался Зубов.

Николай не разделял его веселья.

– Людей учить надо вкапываться. Добрая половина понятия не имеет о том.

– Свистнет над ухом пуля, враз смекнут...

В придорожном кустарнике возился с орудием пушкарь Никитенко. До вчерашнего он был в отряде единственным артиллеристом; в последней партии добровольцев обнаружилось еще двое: крепыши, плечистые парни, как и сам командир несуществующей батареи.

– Неудобная позиция, – оправдывался Никитенко. – Мостка не видать, а то бы при нужде прямой... На взгорок тот вкатить бы.

– А дело за чем? – нахмурился Николай.

– Лошадей не впряжешь... Деревья. Нас-то трое.

– Поможем.

Облепили пушчонку муравьями. Взгорок в самом деле оказался удачным во всех отношениях: с седловиной на маковке, опушен орешником, а главное – господствует над покатою плечиной у речки; от мостка проглядывается далеко песчаная дорога, до опушки сосняка, за которым скрывается где-то Злынка.

Николай долго ощупывал в бинокль местность. Чем-то она его не устраивала, не поймет чем. Мосток расшвырнуть можно первым снарядом, но сама речка – не велика преграда, вброд по грудь, не глубже. Топкие берега. Это дело. Не сунешься с артиллерией, с тяжелыми пулеметами. Но у немцев есть легкие ручные пулеметы. Неизвестно, что за болота слева. Найдут в Злинке проводника... Заныло под сердцем; знает с детства за собой – тягостно переживает неизвестность. Обойдет, увидит собственными глазами всю оборону, сбегает с Ребенком на лошадях, убедится, так ли уж велики и надежны те болота.

И все же тревожил участок Квятека – по правую руку от мостка. Места посуше, лес реже, доступнее не только пехоте, но и коннице. Усиливала опасность и железная дорога, проходившая неподалеку; не удержат черниговцы, откатятся... Из бронепоезда могут полыхнуть, высадить в тыл штурмовиков.

За весь день Николай не присел. Костров разводить не разрешил – обнаружат аэропланы. Обошлись галетами и консервами. Сам тоже всухомятку, на бегу; Ребенок тянул

к мельнику в замшелый домик, приткнувшийся к песчаному обрывчику у водяной мельницы.

До захода солнца облазили весь берег и лесные чащобы, где укрепилась рота Квятека. Из трех годных «максимов» два выделил сюда. Подыскивал им места, намечал на глаз ориентиры. Тут и застал его конный: Божора привез «языка».

Штаб отряда разместился в рубленой избе мельника. Зубов уже допросил пленного. Не шибко языкастый попался, но кое-что из чудовищной смеси немецко-польско-белорусских слов его сумели сложить. Слушая Зубова, Николай разглядывал немца. Одетый, обутий, ухоженный; юношеский румянец во всю щеку говорил о крепком здоровье и аппетите. Вон как уплетает из котелка. По взгляду Ребенка догадался: то самое «горячее варево», дожидавшееся его с утра. Не удержал усмешку.

– В общем-то, можно предположить, Николай Александрович, – подытоживал Зубов, – в Гомеле сосредоточивается группа войск генерала Гофмана. Называет 41-й армейский корпус. Это по меньшей мере четыре-пять дивизий. Гофман тот самый, в Брест-Литовске...

– Что заставляет их топтаться в Гомеле, не наступать? – перебил Николай, расстегивая планшет. – Ведь еще Украина...

– Добивался. Не «язык», а олух царя небесного.

Немец, перестав жевать, осмысленно прислушивался.

– Брянск, Брянск, – закивал он. – Нах Москау.

– Ишь разговорился!

Именно на Москву! Договор с Советской Россией подписали... Но войска сосредоточивают. На кратчайшем пути. Правительство России переехало в Москву. Иначе зачем собирать тут такой кулак? Наверняка не для того, чтобы раздавить нас, горстку партизанских отрядов, возле Новозыбкова. Ждут момента удобного, провокацию готовят.

– Скажешь такое... – Зубов, меняясь в лице, медленно приподымался на ноги. – Ребенок, гони его в шею! Расселся тут, понимаешь, жрет... В сарай вон, не замерзнет.

Пленный, видя перемену, живо умелся в сенцы.

Ребенок тем временем собрал на стол. Запах разогретой тушенки вызвал у Николая приступ голода; давно не испытывал такого аппетита. С остервенением откусывал шершавую житную горбушку, поддевал из банки вилкой, но мысль работала. Немцы определенно не ведают об их присутствии; разъезжают по ближним к железной дороге селам, собирают дань, какую посулила им Рада. Сам мужик не потащит из хлевка последнего кабанчика, из закрома мешок зерна. Все это немцу брать силой. Оттого фургоны порожние; набить их еще надо...

Слушая краем уха помощника, рассказывавшего, как Тимофей вынул из фургона «языка», Николаю пришло вдруг на ум – налететь на спящих немцев в Злынке. Послать всех конников. Божора справится; нагонят страху, захватят обоз. Не забывались бы, куда пришли; встречать их тут будут не хлебом-солью... А что, самому повести разведчиков? Нет, мальчишество. Утром Зубова не пустил, обозвав подобные действия командира таким же словом.

– Ребенок, Божору, – сказал он, не отрываясь от банки.

Зубов догадался, зачем понадобился драгун.

– На Злынку?

– Да.

– Божора полдня болтался в седле... И люди его утомились, – попробовал он подсунуть свою задумку. – Не лучше мне все-таки? Охотников кликну, свежих... Кто лошадю может управлять.

Не вышло и на этот раз у Зубова.

В избу ввалился драгун. Лохматая бурка забита сеном – в скирде нашел его ординарец. Щурясь заспанными глазами на кособокий огонь в лампе, выжидательно встал копной у порога.

– Долго не задержу, Божора, – Николай подошел, сбивая за спину складки под офицерским ремнем. – Обойди своих казаков, кто не спит – уложи. Лошадям задать овса. В

три часа побудка. На Злынку... Места теперь знакомы. Крепки сны светом, знаешь. Задание ясно?

– Так точно, ваше... товарищ командир! – драгун сконфузился. – Спросонку это я, Николай Александрович.

– В каждом из нас немало старого. Новое еще приобретаем. Я бы и сам не прочь... с вами, – Николай хитро глянул на Зубова. – Начальник штаба не одобряет. Считает, командир должен всегда находиться на своем месте. Казаковать, говорит, не его дело.

– Верно кажет Зубов. Дозвольте идти?

– Иди.

Разговорились. Собственно, начал Зубов. Вышли из избы вслед за драгуном – проверить посты, подышать весенним ночным воздухом.

– Николай Александрович, ты дурно обо мне думаешь.

– С чего взял?

– Представил себя на твоём месте. Я бы думал плохо...

– За откровение спасибо. Сам-то я давно уже ставлю себя на твоё место.

– Нашел в чем копать... По шапке дали из отрядных. Да и отряд-то... размолотили в пух и в прах.

– Для меня и то опыт.

– Не прибедняйся. Вижу.

– Плохо видишь. Слишком собой ты, Яков, занят. Обидой своей. Из кожи лезешь, чтобы доказать кому-то что-то... Люди не обвиняют тебя. В худшем случае сочувствуют. А я вот... учусь. Да, да. И казнишь ты сам себя. Вот с разведкой... Весь день на горло наступаешь.

Из потемок вывернулся караульный; молча засматривал в самые лица.

– Ага, командиры... Шли б, оно лучше, дрыхнуть. Кой тут в глухомани цей явится. Нешто нечистый.

И так же, как возник, исчез.

– Вот они, богом клятые партизанские порядочки.

Не произнеси Зубов этих слов, Николай завернул бы караульного – втолковал бы обязанности постового. В следующий миг он ощутил щемящее чувство стыда; как бы извиняясь перед Зубовым, продолжил оборванный караульным разговор.

– Черт его знает... Может, для тебя это то единственное, что подымет самого себя в собственных глазах. Тогда поезжай. Чем скорее избавишься... тем легче будет потом твоим подчиненным.

На участок Квятека Николай пошел один. Увязывался Ребенок, не взял. Откровение Зубова принесло облегчение – лопнул этакий нарыв. Не обращал на него внимания, всячески старался не думать. И все-таки малейший повод – случайно перехваченный взгляд Зубова, слово – заставлял излишне напрягать нервы. Надо бы сразу начистоту с Зубовым... Неловко как-то. А может, не счел нужным? Пожалуй. Чего таиться перед собой. Вот и теперешний разговор... Человек распахнул душу. Не нашел подходящих слов. Одно успокаивало: понял его.

– Кто идет? Пароль?

Узнал голос брата. Вспомнил, с отъезда из Семеновки не видались. Назначал взводным, отказался. Квятек докладывал. Не вызывал, не потребовал почему-то исполнения своего приказа. Иди в строй, рядовым. Слов о том не поднимал и сейчас. Стояли молча; покуда Константин выкурил папиросу, он следил ухом за тоскливым переключением лебедей, затерявшихся где-то в звездной аспидно-синей выси. Подумал, птицы еще днем могли пролетать над Крымом. Все реже вспоминался солнечный двор госпиталя, невероятно белая палата; начали стираться из памяти даже какие-то черточки в лице Вали... Казалось, не Валя, а Глаша была там в крестастой косынке и обжигающе чистом халатике.

– Про дядю Казю я. Бросили у чужих людей...

Слышал Николай, а в толк сразу взять не мог. Выпуская из-под ворота шинели шарф,

утепляя горло, отозвался недовольно:

– Полегчает, Петро Лугинец доставит его в эшелон.

– Не полегчает уже... Кровь горлом пошла.

Не сознался ведь! Травить не хотел. Вот он, дядя, весь. Николай почувствовал, как не хватает ему в эту минуту именно его. Что-что, а человека он понимает, умеет проникать в душу, располагать к себе, вызывать на откровение. По-нынешнему эти качества в командире важнее всего. Все, что связано со старой армией, полетело в преисподнюю: окрики, зуботычины, слепое, бездумное подчинение. Солдат начал думать, обретать свою личность. Процесс неимоверно сложный, болезненный. Оттого ответственность командира нынче возрастает не по дням, а по часам. В то же время армия их, революционная, не может, как и любая, существовать без древних своих устоев – подчинения младшего старшему и исполнения приказа. Обсуждать приказ на митинге – крен неверный и опасный. Прямая тропка к анархии, партизанщине. Живой пример – Зубов. Партизанщина его одолела. По каждому пустяку сбегались всем эшелоном; случались и курьезы – стрелять по гайдамакам или не стрелять? Добро, руководство, уважаемые люди, спохватились сами, что отряду нужен командир. В яблочко попал Николай тогда на собрании, сцепившись с Квятеком, пригрозив приказывать.

– Может, съездить нам с Иваном Колбаско? – напомнил о себе Константин, перебрасывая винтовку с плеча на плечо. – В Семеновку, а?

– Поедете, конечно... Не сейчас же! Утром неизвестно, что будет...

Выкурил Константин папиросу до гильзы; затапывая окурочек, заговорил приглушенно:

– Дохлое дело ты, Николай, затеваешь... Ей-богу. Кругом мир, а мы... за винты ухватились. Ну оглядись! Россия откололась... Сама по себе. Помирилась с швабами. Рада наша и вовсе... рука об руку. Изо всей Украины Советы выперли. Харьков уже накрылся...

– Знаешь, Костя... – Николай приблизился вплотную. – Речи твои не красногвардейца...

Покорность в опущенных плечах, в голосе брата удержала от тех страшных слов, какие распирала его. Уйдет от греха. «Расхотелось вдруг искать в потемках и еловый шалаш Квятека. Спит человек, чего будоражить. До утра, видно, никто их в этом лесу не потревожит. Насолит уж Божора, вот тогда немцы ошестинятся. Ждать к полудню...

Позади, в стороне Новозыбкова, уже рассасывалась над лесом апрельская ночь.

Побудку отряду устроила стрельба. Бойцы спросонок вертели головами, в недоумении пялясь за речку. Заваруха там, за синевшим леском, куда вьется по песчаному голому косогору дорога от мостка. По цепи прошел слух: «Конники Божоры озоруют в Злынке». Подтвердил и пробежавший командир, Казимир Квятек.

Доодевался Николай на воле. Застегивая шинель, вслушивался: не заговорят пушки? Сомнения не было: Божора. Настораживал обильный огонь. Может, за ночь немцев еще подвалило?

Пальба не утихала. Напротив, она передвигается за лесом. Пожалел Николай, что вчера сам не проскакал в Злынку, не прикинул глазом местность. Судя по карте, посад от железной дороги в нескольких верстах. Вроде туда и распространяется бой. Если отзовутся орудия, тогда худо. Значит, подкатил бронепоезд.

Квятек видел беспокойство командира. Чувствовал себя в том прямым виновником; две партии отправил вдоль насыпи на Добруш, Речицу. Ни звука, как в болото. Сутки помалкивают.

– Еще, может, выделить людей, а? Мало что могло случиться...

– Потерпим. Моли бога, чтобы дольше не появлялись...

Успокаивал Николай других, а у самого тревога нарастала. "Выдавит немецкий бронепоезд черниговские эшелоны партизан на Новозыбково, отойдет и их состав. Тогда топтать по болотам... Обговаривали и такой вариант с Лугинцами: они укатят в Клинцы, ближе к Унече, городку на территории Советской России. Будут принимать их там. Но прежде хотелось все-таки набить морду пруссакам. Вестей от конников из Злынки ожидал с

большим нетерпением, нежели связных Квятека.

Стрельба вспыхнула совсем близко. В березняке, с правой руки. Не отрываясь от бинокля, сказал с нервной усмешкой:

– Квятек, тебе повезло... Каждые полчаса сообщай! Горячку не пори. Встречайте огнем на речке. Помни, у тебя может выдвинуться кавалерия. Я буду...

Квятек сорвался бегом. Сутуловатая спина его в пиджаке из шинели пропала за желтыми стволами сосен. Прятал в кожаную сумку бинокль и Зубов, готовый бежать на свой участок.

– Ты погоди, Яков. Картина неясная. Хорошо бы, попер дорогой... Но немец, знаешь, воевать умеет. Болот твоих боюсь. Они непроходимы для нас с тобой...

– Не расходуй резерв. На случай...

Из леса вырвалась подвода. Приблизил стеклами. Немецкий фургон. Возница, стоя на передке, хлестал нещадно лошадей. Гнал бездорожно, напрямую к мостку. Выскочили и всадники; они отстреливались, вертятся в седлах. Угадал буланого коня и бурку Божоры. Явно маловато. Лихорадочно обводил опушку – не появятся еще?

– Подзалетели... – пугнул матюком Зубов, тоже вскинув к глазам бинокль. – Ай, нет! Еще вон... Правее, правее...

Не утерпели, сбежали со своего наблюдательного пункта – песчаного обрывчика – к мосту. По широкому оскалу, шалым глазам Божоры можно догадаться, что у кавалерии полный порядок.

– Ноги унесли? – спросил издали Зубов, хотя успел уже пересчитать всадников.

Божора, не спрыгивая с седла, развязал у горла ремешок, невероятно усталым движением плеч освободился от бурки. Бурка повисла на взмыленном крупе; кто-то из конников сдернул ее.

– Тимофей, хвались трофеем.

Только теперь заметил Николай, что возницей на фургоне был знакомец, разведчик. Он все еще стоял на барках, растирал шапкой распаренное лицо. Из задка фургона, из-под брезента, выволокли немецкого офицера со связанными за спиной руками. Кивнул: в избу, мол, пленного.

Остановились перекурить у сарайчика. Божора, закручивая все еще дрожавшими пальцами сигарку, докладывал и не докладывал – хвалился:

– Как по писаному, Николай Александрович... Навалились зорькой. Голыми руками брали, теплых, из постелей. Оружие в фургон, а самих в сарай. Думаем, строим потом, с песнями... Ай выкуси! Это вчерашних-то. А за ночь, оказывается, еще привалило. Те разместились на другом краю. И спать не успели улечься. Кто-то из моих нос к носу с часовым. Первым полыхнул из винта. И началось... Мать моя! Дай бог ноги. Тимошка успел выхватить из сарая одного офицера...

– А тех... бросили? – спросил Зубов с придыханием.

– Ну куда ж... – Божора добродушно усмехнулся; видя построжавшие лица, успокаивал: – Да вы этого не слыхали. Мировой фриц. Кроет по-нашему матюком, а! Хлеще моего анархиста-морячка, ей-право.

«Язык» попался из разговорчивых. На вопросы военного характера отвечать категорически отказался, так как не считает себя пленным. Он офицер германской армии-победительницы; Россия потерпела в войне поражение, запросила мира. Его страна, великая Германия, мир приняла и оставила за собой все занятые ею земли. На Украине они, немцы, не воюют. Пришли как друзья, по приглашению украинского правительства. Совместно с армией господина Петлюры они очищают Украину от банд. Он, обер-лейтенант Хельмут Геймбух, требует отпустить его немедленно, иначе немецкое высшее командование предъявит ультиматум Советской России.

– Ультиматум Советской России? – не утерпел Николай. – Она ни при чем. Вы в плену одной из частей украинской Красной гвардии.

– Нет такой гвардии. Есть банда. Банды те оставили после себя русские большевики.

Зубов потянулся к кобуре. Николай пресек взглядом его намерение. Уставившись в водянистые глаза немца, осипшим вдруг голосом сказал:

– Господин обер-лейтенант, как офицер украинской Красной гвардии, могу принять за личное оскорбление...

– Вы офицеры?..

– Почему 41-й корпус генерала Гофмана остановился в Гомеле?

– Нет приказа о наступлении.

– Куда наступать?

Пленный, поняв, что ответа и на этот вопрос не избежать, начал с деланным усилием разбавлять русские слова своими.

Вот отчего они не торопятся захватить Новозыбково. Похоже на правду. Appetit у них! Затишье используют по назначению – собирают кулак. Нет, не будет им затишья...

В сенцах загрело сваленное порожнее ведро. Дверь рывком распахнул начальник караула.

– Немцы!

Мигом заняли свой обрывчик. Хорошо видать и без бинокля. Из сосняка на дорогу выходили фургоны. Шли шагом, освещенные полуденным солнцем. Удивляла и возмущала такая беспечность и откровенная наглость. Как видно, налет их конников не воспринят всерьез. Банда и банда; налетела и рассыпалась. Исчезновение солдата и офицера, наверно, не вывело их из себя.

– А не уловка, Николай Александрович? – посомневался Зубов. – Так открыто...

– На всякий случай выдвинь «максимку» к мосту. Фургоны не порожние... Кони напрягаются.

Первая же очередь из пулемета, установленного на сарайчике, подтвердила догадку. Из фургонов сыпанули солдаты. Враз попадали, извиваясь, ящерицами поползли по голому склону к речке. За теплую ночь серый склон зазеленел; лохматые кочки смотрелись отсюда удобным прикрытием.

– На батарею! – прокричал Николай в ухо Зубову. – Не пропустил бы Никитенко. По мосту... Дуром тут не палите.

Едва взбежал на взгорок, к пушке, стрельба вспыхнула и на правом фланге. На слух силился определить, что у Квятека. Бьют из винтовок кучно; умеючи вплетаются в разнобойную пальбу короткими оба пулемета. Вспомнил, Костя за одним, дальше, у колена речки... Стиснуло на миг сердце.

– Кинем парочку, Николай Александрович?

Никитенко без шинели, в распоясанной гимнастерке с закатанными рукавами. Волосатые руки любовно гладили снарядный стакан.

– Куда? В пустой след? Расползлись вон по лугу...

– Для остратки. Нехай думают, что и мы не лыком шиты.

– Дорогое удовольствие. Мост не пропусти... На сарае взмахнут белой тряпкой.

– А броневик ежели?

Николай пожал плечами: какой разговор, мол...

Хитростью не захватив мост, немцы навалились на участок Квятека. Березняком выходили к самой речке. По намерениям пехота готова сунуться в ледяную воду. Топкий открытый берег, простреливаемый насквозь, не давал им ходу. Вытыкалась на опушку и кавалерия в странно знакомой форме, на белых гладких лошадях.

– Польские уланы! – вскричал зло Квятек, посылая из ручного пулемета длинную очередь.

– Старые знакомцы, – пояснил он погодя, когда белые всадники исчезли в березняке и стрельба утихла. – Уланы Довбор-Мусницкого... Под Калинковичами встречались.

Тут и застал Николая вестовой от Зубова. Развернув донесение, вскочил как с шпаренный. Болота! Чужало сердце. Пехота до батальона, пишет Зубов. Пятьсот штыков... Очумел он! Квятек тоже прочел записку. Молча выпрямился.

– Пулемет, брата моего... и взвод выдели. Случится что со мной, Зубовым... примешь командование. Пробивайтесь на Унечу.

Подоспел кстати. Зубов встретил у сваленной сосны. Мокрый весь, в болотной тине, но довольный; набивая круглый диск ручного пулемета медными патрончиками, клокотал от восторга:

– Вон они, ландверы... залегли на перекур. Чесанули мы их! Спасибо Божоре, подмогнул с конниками... Две атаки отбили. Минут через десять-пятнадцать жди опять...

Точность поразительная. Большая черная стрелка трофейных часов, сохранившихся с времен Анапского полка, обошла три деления – немцы поднялись. Устраивая «льюис» на стволе, Николай до рези вглядывался в сосновую чашу; мешали заросли орешника. Видал какие-то тени в сгущавшихся лесных сумерках. Позади, на поляне, светло. «Солнце еще не село», – подумал он.

– Приготовиться!

Зубов обернулся: ничего, мол, что подменяет его? «Ничего», – ответил взглядом Николай. С каким-то легким чувством нажимал на спусковой крючок. Впервые вот так близко он целится в человека. Стрелял некогда через Прут, наобум – река широкая, камыши. Днем, у Квятека, стрелялось тяжелее – видна цель. С уверенностью не может сказать, что попадал. После его выстрелов люди двигались, вставали, ползли, даже бежали. Тут человека не видеть...

Дважды подымались ландверы. Не раз Николай менял опорожненные диски. Помогал Ребенок, будто прикипевший к локтю. Наполнив очередной диск, он брался за свою винтовку.

Немцы прекратили атаки, отошли. Стреляли издали вяло. Такое впечатление, будто давали знать о себе.

– Ага, поджали хвосты! – ликовал Зубов. – Переночуете в болотах...

Николай не разделял уверенности своего помощника. Неспроста умолкли. Затаились, покуда стемнеет, бросятся в штыковую. Может, подкрепления ждут? Глядя на потемневшее небо с обозначившимися звездами, на слух старался угадать, что делается на мосту и у Квятека. Тоже постреливают слабо.

Позади, у моста, вдруг раздался взрыв. Снаряд! Первое мгновение подумали на Никитенко.

– Это еще что? – с удивлением обернулся Зубов. – Хохол наш по мосту шарахнул? За каким?..

– Не-е, – протянул разведчик. – Швыряют издаля.

Трижды кряду трянуло землю. Шпарят тяжелыми.

Не бронепоезд?..

К полуночи ввалились в избу. Ландверы не кидались; как видно, остыли до утра. Свели потери – семь убитых, до десятка раненых.

– Может, у Квятека прибавилось? – отсовывая тетрадь, с горечью сказал Зубов. – Подождем... А, легок на помине.

Одного вида достаточно, чтобы определить, с какими вестями явился Квятек. От остановившегося взгляда его делалось не по себе.

– Стрелял бронепоезд, – сообщил он от порога. – Явились двое моих... Прошел на разъезд. Черниговцы откатились в Новозыбково...

Этого ожидали. Сам-то Квятек ждал не меньше других.

– И что? – Зубов ядовито усмехнулся. – Медвежья болезнь скрутила? Такое, будто всю роту уложил...

Татарские глаза поляка ожили. В смуглом лице появилось скорбное, растерянное. Николай почуял недоброе.

– Уходят... Исчезают тайком.

– И ты?! Ты же сам подписывал... Расстрел, кто покинет бой!

Страшный смысл коснулся сознания Зубова. В чем был, без шапки, без шинели,

выскочил в дверь.

Николай опустил на лавку. Рука машинально, восстановив забытую привычку, потянулась к оставленному Зубовым портсигару; мял папиросу, тупо уставившись на вывоженные в болоте сапоги. Квятек взял себя в руки; сделав пару глубоких затяжек, взглянул осмысленно.

– До света останется ли половина... Какая-то гайдамацкая сволочь поработала. Зачем зачисляли всякий сброд на вокзалах? Боюсь, и наши, семеновцы, дрогнут... Зубов вот прибежит... У него еще больше анархии всякой. Что делать, Николай Александрович?

Знал бы сам... Спросить легко. А ответить? Первой мыслью было собрать людей к мосту, напомнить их клятву, выявить зачинщиков... Но зачинщиков как таковых уже нет. Выход один. Да, да, уходить. Бесшумно снимать людей и уводить. До света оторваться от немцев. Затемно до Новозыбкова не поспеть; вцепиться в удобный рубеж у попутных хуторов: Скачки, Деменки. Сохранить боевое ядро отряда...

На пороге встал Зубов. Его можно не спрашивать. Николай швырнул к печке размочаленную папироску.

– Сымайте бойцов... Без шума. Лесной дорогой, на Скачки. Я с конниками прикрою.

Квятек и Зубов молча покинули избу.

Семеновский отряд отходил с боями. Пулеметными заслонами встречали немцев у хуторов Скачки и Деменки. Роты таяли. Оставались наиболее стойкие да кому возвращаться по домам опасно. В Новозыбкове застали свой эшелон. Двигались в сплошном потоке составов через Клинцы на Унечу; прикрывал их отход петроградский бронепоезд.

В середине апреля 1918 года Советская Россия подписала с гетманом Скоропадским перемирие, по которому определялась пограничная полоса; по условию тому украинские партизанские отряды, попавшие на советскую территорию, подлежали разоружению. Николаю Щорсу пришлось распустить отряд.

Часть бойцов-семеновцев возвращалась на Украину. Уходили ночами. Среди них был и Константин Щорс. Николай проводил брата за околицу поселка.

– Ты-то сам теперь как? В Красную Армию? Не возьмут по здоровью...

– Россия велика. Может, удастся в университет...

Расстались братья холодно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Мартовские метели резко сменились теплыми ветрами, редкими в такую пору на Брянщине. Днями грело солнце, нещадно съедая улежалые потемневшие пласты снега в лесных чащобах, буераках. Шумела талая вода на спадах, затопляя низкие места. На опушках, в затишке, зеленели сугревные склоны; отходили после зимы, наливаясь бражной силой, деревья; набухали почки.

Подступавшая весна разрывала истосковавшееся сердце солдата-хлебороба. Революция даровала ему мир и землю. Чего еще мужику? Шел он с фронта, шел, полный светлых надежд. Но надеждам тем не суждено так скоро сбыться...

Весной 1918 года молодую республику огонь охватил со всех краев. Занималось на востоке, на Волге; всюду полыхали южные окраины – Дон, Кубань, Ставрополье; сбежавшиеся туда генералы подымали белое казачество против Советов. Завесы, именуемые революционными колоннами, только-только сводились в регулярные полки Красной Армии. Неудачное затишье устанавливалось на западе. Глотком свежего воздуха явилось перемирие с Германией в Брест-Литовске. Предсовнаркома Ленин ценой невероятных усилий согнул маловеров, убедил в необходимости хотя позорного, грабительского, но мира.

Между Советской Россией и оккупированной Украиной пролегла нейтральная полоса. Немцы и гайдамаки заботливо опутались колючей проволокой. Советская охрана разместилась вдоль своей линии. На железных дорогах действовали контрольно-пропускные пункты. Бойкими и людными пунктами на советской стороне на Брянщине слыли станции Унеча и Зерново. Валом валил туда и сюда люд самый разный: бродячие солдаты, мешочники; под их видом попадались чекистам важные птицы – царские офицеры, бывшие жандармы, надеявшиеся найти у гетмана Скоропадского применение своим рукам. Но еще больше шли ночами, глухими проселками, скапливаясь в нейтральной зоне. Одолевали спекулянты; на север они везли сахар, муку, а на юг – мануфактуру, галантерею.

Своя обособленная жизнь протекала на ничейной земле. Полоса шириною до 15 верст. Враждующие соседи по мирному договору сапогом не ступали туда. Постепенно ею завладели украинские большевики; в селах создавались ревкомы, хотя кое-где оставались и старосты. Из Украины беспрерывно пробивались малые и крупные группы повстанцев, преследуемые карателями.

29 апреля оккупационные власти в Киеве разогнали Раду; вместо нее провозгласили «гетманом всея Украины» пана Скоропадского, украинского помещика, бывшего флигель-адъютанта царя Николая. Кайзер Вильгельм больше не нуждался в мелкобуржуазной демократии – украинских эсерах и меньшевиках. Прикрываясь обольстительными речами о «демократии», «свободах», те привели на Украину германских оккупантов, а потом устелили коврами дорогу гетманщине. Гетманская власть – открытая диктатура помещиков и капиталистов. Первым делом, с чего начал гетман, он занялся

созданием жандармерии, «державной варты» – для охраны буржуазно-помещичьего строя.

Стон, плач по всей Украине. Загуляла по мужицким спинам вартовская нагайка. Немецкая военщина не получала обещанного радощами хлеба, угля, металла. Надеюсь, гетман выколочит плетью и свинцом давние недоимки...

Лопалось терпение народное. В ответ на насилия в селах, посадах и хуторах стихийно возникали партизанские отряды; в ход пошло дедовское оружие – топоры, вилы, косы. К лету уезды, губернии были охвачены повстанческим движением. Распространялось больше в лесистой местности, на Черниговщине. Отряды сходились в лесах; они совершали набеги на немецкие и гайдамацкие гарнизоны, разместившиеся по крупным селам, у железных дорог, поблизости от демаркационной линии. Подопрут каратели – повстанцы пробиваются через проволочные ограждения на советскую территорию; на глазах у немецких офицеров они складывали оружие – интернировались.

Украинские партийные и советские работники собирались в Москве; расселялись по гостинным дворам. Иные не видались с зимы: мыкались с отступающими войсками, эвакуировали людей, вывозили хлеб, уголь, станки. Из Донбасса прибыли Федор Сергеев (Артем), Андрей Бубнов, Николай Скрипник, Сергей Косиор, Эммануил Квириг, Владимир Затонский, Юрий Коцюбинский; через Воронеж, Курск добирались братья Межлауки, Валерий и Иван, Владимир Ауссем, Сергей Петренко. Все они испытывали вину перед своим народом, оставленным под сапогом интервента. Что далось кровью зимой, отдали с большими жертвами. Создать свои регулярные части – нужны кадры, средства. Ни того, ни другого. Надежда одна – на Советскую Россию...

Переживаниями делу не поможешь. Понимали, надо собраться с духом, сплотить воедино волю всех, выработать план действий. Партийные большевистские организации на местах понесли большие потери; в условиях гетманщины и оккупации они ушли в глубокое подполье. Назрел вопрос о создании Коммунистической партии большевиков Украины. Организационно оформить ее может только съезд. В апреле в Таганроге – туда перебиралось украинское Советское правительство из Екатеринослава – состоялось совещание; на нем избрали оргбюро по созыву съезда. Местом проведения съезда после недолгих споров была определена Москва.

В середине мая предик Свердлов организовал членам оргбюро встречу с Лениным. Беседа продолжалась около полутора часов. Вышли они окрыленные, с полной верой в победу своего дела – Владимир Ильич обещал всемерную поддержку и помощь украинским рабочим и крестьянам в их борьбе.

Оргбюро развернуло бурную предсъездовскую деятельность. Штаб работал круглосуточно. Тогда же через Брянский участок, по черниговским лесам, проходили Коцюбинский Юрко и Андрей Бубнов; в конце мая они провели в Киеве, в подполье, широкое партийное совещание, на котором был избран Временный всеукраинский центр по организации и руководству восстанием. Тайными, малохоженными дорогами проезжали транспорты с оружием, литературой. Теми же путями с Украины пробирались делегаты съезда.

5 июля 1918 года в Москве открылся съезд украинских коммунистов. В историю он вошел как Первый съезд КП(б)У. Накануне В. И. Ленин по поручению ЦК РКП(б) встретился с группой делегатов, обсудил повестку дня. На съезде разгорелись споры по важнейшему вопросу – сроку вооруженного восстания. Бубнов, Пятаков, Косиор страстно звали к немедленному выступлению; более холодные головы под руководством Квирига остужали их пыл, доказывая, что условия для всеобщего восстания на Украине еще не созрели и всякое выступление поставит под угрозу срыва Брестский мир.

Съезд объединил большевистские силы, оформил создание КП(б)У и определил задачи в борьбе с германо-гетманским режимом. Отныне Коммунистическая партия Украины вошла составной частью в единую Российскую Коммунистическую партию большевиков. В Цека были избраны Артем (Сергеев), А. Бубнов, С. Косиор, В. Затонский, Э. Квириг, Г. Пятаков,

Л. Лаврентий (Квартвелишвили). Для руководства освободительной борьбой и подготовкой восстания был образован Центральный Всеукраинский военно-революционный комитет, ЦВРК; возглавил комитет Андрей Бубнов.

Началась упорная работа. В местечке Середина Вуда, на станции Зерново, образовался своего рода штаб ЦВРК – главная база; здесь подолгу жили и работали Бубнов, Ауссем, Затонский. Местом формирования, сведением партизанских отрядов, кроме Брянска, вскоре определились районы Зернова, Унечи и Почепа, у самой нейтральной зоны.

Андрей Бубнов с головой окунулся в близкую своей душе стихию. Жил только восстанием. Дни и ночи проводил в приграничных ревкомах. Люди, оружие; оружие, люди... Приглядывался, ощупывал цепким взглядом каждого, мало-мальски заметного; питал слабость к военным. Беспеременно слал своих людей за немецкий кордон – будоражить, поднимать по хуторам и посадам селян. В свои тридцать пять лет этот человек уже оставил позади себя немало боевых дорог; половину из прожитого – в компартии. В пятом году еще ухватился впервые за бульжник; с той поры – аресты, ссылки. Пылкий, легко воспламеняющийся нрав не угасал с годами – напротив, душа рвалась к горячему делу, на передний край. В октябрьские дни в Питере он входил в состав Военно-революционного комитета, был членом Политбюро и Военно-революционного центра по руководству восстанием. Участвовал в борьбе с Калединым. Теперь вот – немцы, гетман Скоропадский...

Силы с каждым часом прибывало. Подбирался славный народ. В июне в местечке Середина Вуда появилась сотня червонных казаков с Виталием Примаковым. Сотня, правда, без лошадей; она привезла седла и велосипеды, взятые на складах «союзников» в Архангельске. Красные казаки своим появлением навели быстро порядок в нейтральной полосе, усмирив разнузданную партизанскую вольницу, анархию. Возле Примакова сколотилась крепкая группа: политработник Довнар-Запольский, Брагинский, киевский рабочий, начальник штаба сотни, адъютант Боря Кузьмичев, Туровский, помощник командира.

Виталию Примакову едва перевалило за двадцать. В октябре он вел на Зимний отряд красногвардейцев. Сын сельского учителя, окончил гимназию; в Чернигове участвовал в революционных кружках. В 1914 году вступил в РСДРП и работал под кличкой «Артем»; в пятнадцатом в Киеве за агитацию среди солдат военно-окружным судом был приговорен к ссылке на поселение (отбывал в Красноярской губернии). Полгода назад юный полит-ссылный, страстный большевик, гнал со своими «червонцами» синежупанников Петлюры далеко за Киев, а совсем недавно, отбиваясь клинком, оставил Харьков солдатам кайзера.

В Середина Вуде Андрей Бубнов опирался на червонных казаков и на молодого их вожака. Дороги у них скрестились еще на площадях Питера, слились в одну на Украине – всю весну бедовали вместе под Харьковом и в Донбассе. Немало приложил он усилий, чтобы Примаков со своими казаками оказался ныне под Брянском. Заседая, встречаясь с партизанами, споря до хрипа с соратниками, Бубнов всеми помыслами был за кордоном. Там решалась в эти дни судьба Украины и его личные чаяния и надежды; добрая половина из их руководящего украинского ядра и по сю пору не поддерживают идеи немедленного всеобщего восстания против немцев и гетмана. Вопреки маловеерам он гнул упорно свою линию. Восстание, только восстание!

В мае в Киевской губернии восстали крестьяне. Вооружившись кто чем, из своих сел они двинулись на Таращу, уездный город, освободили тюрьму. Так стихийно возник Таращанский отряд. В течение двух месяцев отряд напал, отбивался, поражал неуловимостью, дрался дерзко, зло. Вооружались повстанцы за счет немцев и гайдамаков.

Крупный бой у Стеблева заставил таращанцев покинуть Киевскую губернию. Беспеременные бои, преследования карателей не были помехой для роста отряда. До села Антоновки повстанцев насчитывалось более 4 тысяч; после боя в Снежках, понеся большие потери, таращанцы круто повернули к Днепру. Переправились между Кайловом и Рудяковом, южнее Киева. Остатки отряда с боями прошли Полтавщину, Харьковщину. По

предположениям, они нынче где-то на подходе к Курской губернии; там должны выйти на советскую территорию.

С напряжением следил Андрей Бубнов за таращанцами. Сведения доставлялись с опозданием, случайными оказиями; тяготило бессилие, невозможность помочь им, оказать поддержку оружием, людьми. Повстанцами долго командовал некий прапорщик Гребенко, не то украинский эсер, не то социал-демократ. По донесению теперешнего командира Баляса, прапорщик где-то на Харьковщине бросил отряд и увел часть людей в Советскую Россию. Сам Баляс со слов связных – из рабочих, большевик.

Таращанское восстание не явилось той искрой, которая могла бы взорвать бочку с порохом. Бубнов это понимал и всячески искал иных путей, более действенных. Вскоре волна недовольства охватила Черниговщину. Подпольный губком, создавая в селах партизанские отряды, запросил помощи. Вот он – центр восстания! Наиболее близкий район – легче держать связь, обеспечивать доставку оружия, литературы. Под руками и люди, кто мог бы возглавить повстанческий подпольный штаб. Выбор остановили на Николае Крапивянском – черниговец, боевой офицер, большевик. Вот уже полтора месяца, как он под кличкой «Полковник» орудует в Нежинском уезде, формируя отряды партизан, налаживая повстанческий аппарат; с середины июля повстанцы начали уже давать о себе знать – участились налеты на немецкие гарнизоны, на карательные отряды – варты.

В первом же приказе (от 19 июня) Полковник выступил с призывом: «Предлагаю всем военно-революционным организациям, стоящим на платформе Советской власти на Украине, войти в тесный контакт со мной». Далее дается ряд практических организационных указаний. За месяц с небольшим штаб выпустил еще четыре приказа. Все они направлены на усиление военно-организационной работы – формирование отрядов, обучение их; штаб требовал установления строгой дисциплины, «товарищеской спайки», учитывал военные материалы, готовил командный состав, проводил мобилизацию. Из приказа в приказ переходило: «строгая дисциплина», «поддержание дисциплины», «поднятие дисциплины». Чувствовалась хватка Николая Крапивянского; четверо его помощников тоже были из офицеров.

Военный повстанческий штаб работал рука об руку с Нежинским подпольным уездревкомом. Совместными усилиями – штаба и партийных организаций удалось в короткое время взять на учет в уезде более 5 тысяч крестьян и рабочих. До 1000 повстанцев свели в отряды, вооружили. Пушек не имелось, были винтовки, три пулемета и гранаты.

Революционные события на Черниговщине нарастали. Ждали всеобщего выступления...

В эти дни, полные мучительного ожидания, Андрей Бубнов попал в село Юриновку. В каменном купеческом доме, где размещался повстанческий штаб, его разыскали. Человек в гимнастерке, офицерские защитные бриджи, сапоги, ремень; в руках мятая черная шляпа. Пуговицы стоячего ворота застегнуты наглухо. По выправке, без сомнения, из офицеров. На худом, бледном, без загара, лице с аккуратно подстриженными усами и бородкой выделялись серо-голубые глаза. Не представляясь, он вынул из нагрудного кармана документы.

Едва скользнув взглядом по командировочному удостоверению, Бубнов оживился.

– Товарищ Щорс, я имел о вас разговор... С семеновцами, вашими. Слухи, будто сменили винтовку на студенческую скамью.

– Нет, не слухи. Хотел. Но менять винтовку... рано.

– Верно, – Бубнов тряхнул бумажкой. – Но тут... вам разрешен обратный въезд в Москву.

– Не понадобится.

– Тогда подключайтесь к Петренко. Центральный штаб задыхается без военспецов.

– Я из строевых офицеров, Андрей Сергеевич.

– Что ж... Командиры тоже нужны. Вот, позарез. И земляки, кстати, обрадуются...

За обедом Николай поделился тем, что привело его в Юриновку.

– В Зернове семеновцев... раз, два. Я знаю, где их гораздо больше. Потому и разыскал вас.

– Хотите кликнуть людей из-за кордона?

– Сам туда пойду. Подыму Городнянский и Новозыбковский уезды. Базу устроим в Елинских лесах.

– Пока не вижу смысла раздувать огонь в Елинах. Рукой подать. А трудности останутся те же, что с таращанцами, нежинцами... Снабжение, связь. Скликайте людей сюда, в нейтральную. Открыто восстанавливайте отряд. Тут и помощь наша...

Бубнов все больше испытывал теплое чувство к этому человеку, которого видит в глаза впервые, ничего, по сути, о нем не знает. Не скрывая, поделился назревающими событиями в Нежинском уезде; от давней затеи отговорил. Прощаясь, спросил:

– Вы член партии? Большевиков имею в виду.

– Не оформлен.

Взгляды их встретились.

– Жду вас в Зернове.

В последние дни августа на станцию Зерново съехались из разных мест давние семеновцы. Из Унечи прибыли братья Лугинцы, Константин и Петро; вслед за ними прикатили пушкарь Никитенко и драгун Божора. Квятек и Зубов, окончив в Москве кратковременные курсы краскомов, явились сперва в Орел, в распоряжение украинского повстанческого центра; оттуда напрямик в нейтральную зону. У Николая Щорса дорога извилистее – не раз за лето под чужими именами топтал лесные елинские тропы. Не давала ему покоя мысль – разбить в Елинских лесах партизанский лагерь. Она-то и привела его в село Юриновку...

Встреча была радостной. Поселились в классном вагоне, раздобытом Лугинцами в тупике. Держались спайкой; не желая привлекать внимания разного «нейтрального» люда, забившего до отказа приграничный поселок, одевались кто во что – напяливали шляпы, пиджаки, куртки с чужого плеча. Зубов выражал вслух неудовольствие; хотелось ему при дневном свете покрасоваться перед будовскими девчатами в своем роскошном командирском одеянии – гимнастерке, обшитой со всех сторон, кроме спины, малиновыми клиньями – «разговорами». Костерил почем зря «конспирацию» и «мирные договора», какие мешают ему в открытую брать на мушку всякую сволочь.

Ночами до вторых петухов просиживали в вагоне возле лампы. Мало едено из одного котла, не длинный путь пройден совместно, да и крови пролито не так уж много, а прикипел Николай сердцем к каждому из них. Чувствовал, и они тянутся к нему; оказалось, не так слабо их и связывает – две-три ночи потратили на воспоминания из житья-бытья в Семеновском отряде. Всех сгадали, кого добрым, кого худым словом.

– Казимир Михайлович как? – спросил Константин Лугинец в первый же вечер. – Слышал, в Курске?

– В Калуге. Плохой он...

– А в Сновске своем бывал?

– Доводилось.

– А Костя? – поинтересовался тут же Зубов.

На этот вопрос Николаю не хотелось отвечать; загодя зная, что таковой последует, ощутил горячий прилив стыда. Да, видался с братом; произошел меж ними и разговор. Но лучше бы того не случилось: Костя наотрез отказался покидать Сновск; выразил сожаление, что некогда уже совершал подобную глупость. Махнул на все: па Советы, на немцев, на гайдамаков; днями пропадает на реке с удочками.

– Боюсь, можем ненароком столкнуться. На середке, меж берегов, долго не продержишься, куда-то выплывешь...

– Не бойсь, я стрелять не стану...

Отводя взгляд от лампы, Николай неопределенно ответил:

– Рыбачит...

При встрече с Бубновым и Ауссемом пошел сразу разговор о создании партизанского отряда. Николай думал, от него требуют восстановления бывшего, Семеновского; пробовал доказывать, наученный горьким опытом, что партизанщина не годится для борьбы не только с регулярными войсками немцев, но и частями гайдамаков. Нужна армейская организация – батальоны, полки.

Ауссем, устало сдавливая худыми длинными пальцами переносицу, вяло возразил:

– Товарищ Щорс, не смейте вслух выражаться такими словами, как «батальон», «полк».

– Владимир Христианович, – перебил резко Бубнов, не отрываясь от писанины, – не морочь ему голову. Напрямую выкладывай.

– А что из того получится? Народ молодой, горячий. Наломают дров. Вон возьми, червонный казак наш, Виталий...

– Дрова!.. – Бубнов, отбросив ручку, встал из-за стола; на сухощекое носастом лице его, в глубоких провалах, вспыхнули стальные глаза. – Кострище распалим! Не тлеть же... сырыми полешками. А мы с тобой начинали... Кстати, сколько вам, Щорс?

– Двадцать третий.

– А что?! – Ауссем оживился, победно лоя взгляд своего соратника, метавшегося у дальней стенки. – Примакову тоже... давай коней, давай форму. А завтра, попомни, потребует медные трубы! Вот они, двадцатилетние нынешние...

– Да, трубы. А какая же она, воинская часть, без оркестра. И форму, наша с тобой задача, выбить во что бы то ни стало. Не вечно же гнутья... в подполье.

Скурив до пальцев сигарку, Бубнов заметно остыл, уселся опять за стол.

– Вы, Щорс, не обращайтесь внимания... – извинялся он. – У нас с Владимиром Христиановичем давние болячки. Партизанский отряд, если хотите... ширма. Нам нужны регулярные части – роты, батальоны, полки. Да, да. Полки! С железной революционной дисциплиной. Вы военспец, знания у вас, опыт. Приступайте немедленно. В Унечу двигайте. В Юриновке есть народ, сами видите. Подчиняйте все отряды, малые и великие, в том районе, включая Почеп и Брянск.

– В качестве кого предстану?

Бубнов, переняв взгляд Ауссема, ответил:

– Уполномоченный ЦВРК.

В открытое окно из палисадника запыхавшийся молодой голос потребовал Бубнова на вокзал, к аппарату. Взмахнув кепкой – увидимся, мол, – тот исчез за дверью.

– Уяснили свою роль? – спросил Ауссем, прислушиваясь к топоту по скрипучим порожкам крылечка.

– Не вполне, Владимир Христианович.

– Конечно же, формировать воинскую часть, а не табор, – болезненно скривился он. – Но со стороны это должно выглядеть партизанщиной. Наше ведь положение, в нейтральной зоне... Не можем мы ставить под удар гостеприимство Советской России. Украинские части, по договору, она обязана разоружить. А тут – в открытую формирует!

– Я сам интернировался... Другое не уяснил. Оружие, обмундирование...

Положил Ауссем на язык пилюлю, запил из кружки, стоявшей тут же под рукой. По знакомым признакам на его изможденном лице Николай определил болезнь. Хотелось дознаться, какие принимает лекарства.

– Сколько такое может тянуться... не скажем, – навалившись локтями на стол, продолжал Ауссем. – Думаем, недолго. События не стоят на месте. Вы сами бывали там, видели... А приказ сочинить, объявить полками – пара пустяков. Главное, иметь их, полки. Один из них вам и поручаем сформировать. В районе Унечи – Почепа – Брянска как раз и набирается партизанских отрядов батальона на три. Полк!

– Оружие, Владимир Христианович, – напомнил Николай. – Да и вообще снабжение...

– Обещаю твердо пушки. В скором времени. Две, не больше. А остальное... Проявите инициативу. На станции, в вагонах, кое-что имеется. Там сейчас копаются один наш товарищ.

Подмогните ему. Кстати, подходящий адъютант штаба. Коцар Никита.

Едва не бежал Николай на железнодорожную станцию.

Никиту Коцара нашел в одном из дальних вагонов, в тупике, за водокачкой. Им оказался светловолосый коренастый парень с мальчишеским золотистым пушком на мягком подбородке. Явно видал уже где-то эти грустные тихие глаза. Представившись, без обиняков поделился разговором с Ауссемом. Желая отделаться от навязчивой мысли, спросил:

– Где я встречал вас?

– Я знаю Зубова и Квятека из вашей компании... По Орлу. Может, там?

– Нет. В другом месте. Глаза эти, родинка на губе...

Заливаясь краской, Коцар смущенно потупился.

– Будет время, товарищ Щорс, еще вспомнить... Принимаю предложение. Только, чур, братву вашу сюда... Одному вовеки не переверочать тут. Видите что? Их до полсотни вагонов.

– После обеда нагрянут. А покуда я с удовольствием...

В четыре руки пошло веселее. Николай, не остыв от возбуждения после встречи с начальством, с наслаждением запуская пальцы в ящик с патронами, как в песок; облапывал любовно винтовки, подкидывал их, будто ребенка. Винтовки американские, марки «ремингтон»; новехонькие, в заводской смазке, тяжести ощутимой – приклад из темного дуба.

– Изготовлены в Америке по заказу царского правительства, – пояснил Коцар. – Сделаны на совесть.

– Да, совесть... Вот страна, Америка! Полмира залито по колено человеческой кровью. А она на этой самой крови жиреет, вздувается от золота. Где бы какой пожар ни случился – тут как тут. Тянет уже руки...

К ночи вместе с подоспевшими братьями Лугинцами, Никитенко и Божорой переверочали все вагоны. Винтовки, патроны, пулеметы, взрывчатка, ручные гранаты, седла... Не было совершенно обмундирования. Раздосадованные, уставшие, ввалились уже потемну в свой класный.

– Ты, Никита, навовсе до нас перекочевывай, – предложил Петро Лугинец, выкручивая фитиль в лампе. – Тащи вещи.

– Какие у меня вещи... Шинель да сумка, вот они.

– Да, шинели... – вздохнул Петро. – Без обмундировки дохлые дела будут с вербовкой. Котел худой можно еще перетерпеть. А без шинелей, без обувки... Стужа не за горами. Ты, Николай Александрович, трясина за душу начальство. Коль такое они вынашивают, регулярную часть, расчет на то имеют. В Брянск, Орел надобно ехать. В Курск.

Коцар прикуривал от лампы. Николай вдруг вспомнил, где видал его. Вот так же он тянулся к лампе с сигаркой. С ним был кто-то, худощавый, бритый, с высоким умным лбом.

– Видал ведь тебя, Никита, говорю... – за день не заметил, как перешел на «ты». – В Брянске, на вокзале. В начале августа...

– Могло, – согласился Коцар, выпуская дым в опущенное окно; заметил, как бережно относились к больному Щорсу его побратимы – заядлые курильщики. – С Исаковичем мы добирались в Орел в ту пору, сворачивали на Брянск. Да, Николай Александрович... Вот кто нам бы пригодился, Исакович. Вы незнакомы с ним? Военком для полка. Если по типу Красной Армии, комиссар обязательно потребуется. Белорус, из рабочих. Бубнов, боюсь, его направит к таращанцам, в Юриновку.

– В Юриновке Петренко, – высказал сомнение Константин Лугинец.

Вернулись Квятек и Зубов. Они, как краскомы, по распоряжению повстанческого центра объезжают дальние села, куда выходят из Украины какой уже день таращанцы и нежинцы. Таращанцы, собственно, прошли; в Юриновке их собралось около четырехсот человек. Нежинцы начали появляться по одному, малыми группками. Ждут с ночи на ночь самого вожака, Николая Крапивянского. На нежинцев надежды возлагал Бубнов. Нынче всем

стало очевидно, что нежинское восстание, как и тарашанское, было преждевременным.

Никита Коцар, с легким сердцем переступивший порог их крохотной, но спаянной уже семьи, вполне разбирается в происходящих событиях. Оказалось, мальчишка, он давно имеет партийный билет; это повергло в явное замешательство политкаторжан Константина Лугинца и Квятека – они-то уж половину прожитого борются за светлые идеалы партии, а билетов не имеют. Николай тоже почувствовал неловкость; вспомнился разговор с Бубновым в Юриновке...

– А что, Никита, билет такой непременно нужен в кармане? – по простоте душевной полюбопытствовал Петро, не подозревая о возникшем напряжении, скрытом от его глаз.

– Главное в ином... веришь ли? Готов отдать всего себя без остатка общему делу?

– Петро, ерунду задаешь человеку, – укорял младший Лугинец брата, довольный ответом Коцара. – А ты, Никита, не потакай. Скажи лучше вот про что... коль заговорили о нежинцах. А что нынче наша украинская партия, как она глядит на будущее?

В разговор Николай не вмешивался. Наевшись сала со свежим пшеничным хлебом, устало отвалился к дощатой перегородке купе. Обхватив ладонями кружку, сдувая пар, прихлебывал мелкими глотками. За Коцаром наблюдал исподволь. Не так и прост адъютант штаба будущего полка. Обманчив его совестливый вид. Легко и охотно смущается по всякому пустяку. Слова выдают: кроет напрямик, без околичностей. В том и странность. Ловко посадил Лугинца. У Квятека сузились недоверчиво и без того узкие глаза, а под степными скулами заходили желваки. Конечно, главное, на чьей ты стороне. И все-таки иметь в кармане билет или не иметь... К нему, Щорсу, уже подступают открыто. Бубнов не зря спросил; теперь председатель ЦВРК умышленно обходит тот разговор, видит в нем только военспеца...

Нет, сам Николай не видит в себе военного специалиста; признаться, и чин никакой, и опыта, по сути, никакого. Страстное желание вызволить свою землю от завоевателей-чужеземцев, установить на ней справедливую народную власть – Советы; ради такой цели он борется. Выходит, другие со стороны не видят в нем ничего подобного. Для них он военспец, ни больше ни меньше. Вкралось подозрение: неспроста Коцар очутился среди них. Не случайно предлагал его Ауссем – обговаривалось. Восстанавливая в памяти встречу в вагоне, убеждался, что Никита ждал его.

Николай ощутил подступившую обиду: ведь никто вот так не подошел к нему из партийных работников и не сказал прямо в глаза: «Вступай». Нет, нет, что-то не то. Никита прав – дело это совести каждого. Оттого Бубнов только осведомился...

Шевельнувшаяся обида угасала. Не обида, скорее всего безотчетная вспышка, вызванная кратковременной неприязнью. Неприязнь зряшная – Никита парень дельный, внешне обаятельный.

С каждым днем наваливались заботы. С боем выбивали пустые вагоны, с боем выколачивали лишнюю винтовку, ящик патронов, гранат; тут же загружали, пломбировали их, сами становились в караул. Обмундирование все не подвозили; с нетерпением ждали и обещанных Ауссемом пушек.

Как-то в полдень в дверях вагона встал возбужденный Щорс.

– Никита, есть обмундирование!

– Где же оно!

– Здесь, на станции, в железнодорожном складе. Сейчас же создать комиссию и по акту принять. Железнодорожники согласны.

Со времен войны завалилась малая партия ботинок, гимнастеров, брюк, белья и котелков. Шинелей не было. Без помощи посторонних перетаскали со склада в вагон подвалившее богатство.

Вечер провели шумно. Разговоры, естественно, вокруг полка. Кому-то пришлось в голову, коль будет полк, надобно загодя обзавестись полковой печатью и штампом.

– Нужно еще придумать название полку, – подсказал Зубов.

Посыпались предложения:

- Первый Украинский революционный.
- Первый Украинский.
- Украинский революционный.

Чувствовали все какую-то неудовлетворенность.

– А не связать с каким-нибудь именем? – подумал вслух Никита Коцар. – Взять из истории. К примеру, из сподвижников Богдана Хмельницкого... Вот Иван Богун! Отважный казак, славно рубился с татарами и польской шляхтой. И нам от него есть что взять – отвагу, военную сметку, хитрость в борьбе с захватчиками. В украинском народе крепко сидит память о Богуне, о его подвигах. Да и сам он плоть от плоти простолудин. Считаю, имя удачное. Повалит народ до нас...

Так родилось название полка.

Наутро Петро Лугинец укатил случайной дрезиной в Брянск – заказать печать и штамп. Решено по кругу печати вывести название «Украинский революционный полк им. т-ща Богун», а в середине, где обыкновенно изображается государственный герб, написать: «Именем революции – за власть Советов».

Местом формирования полка назначалась Унеча. Станция Унеча, как и Зерново, – крайняя перед нейтральной зоной со стороны РСФСР. Настал час, когда к вагонам подогнали паровоз. С имуществом отбыли Квятек, Зубов, братья Лугинцы, Никитенко и Божора. Щорс и Коцар задержались на пару дней в центральном штабе.

В Унечу прибыли к вечеру. Состав свой нашли на запасном пути. Вербовочная комиссия работала полным ходом. В штабном вагоне людно, дым коромыслом. Толклись у столиков братьев Лугинцов.

Николай задержался возле них. Братия сырая в большинстве, безусая, из ближних сел, возможно, из-за кордона. Трое, не то четверо в шинелях, смушковых папахах. Особняком, у дальнего оконца чадил трубкой моряк. Что-то заставило повнимательнее всмотреться в его широкую спину. Без скрепленных пулеметных лент, черный бушлат распояской, расстегнут, бескозырка насунута на лоб. Не деревянная кобура, свесившаяся до пола, вид у него был бы оригинальный для нынешних моряков, запрудивших все мало-мальски крупные железнодорожные вокзалы в приграничной полосе.

– Михалдыка, – шепнул Зубов. – Тебя... Ни в какую... отряд сдавать. Рвет и мечет.

Взглядом Николай попросил дать ему дослушать. У стола сидел курносый, стриженный парень в красноармейской, мало ношенной одежде. Отвечал на вопросы бойко. По выговору – из здешних мест, черниговский, а со слов – явился с Волги; служил в Красной Армии, пороха понюхал под городом Симбирском. Полк их наступал по железной дороге от Поклонной горы; выбив чехов из Симбирска, переправились по мосту на тот берег Волги и заняли Нижнюю и Верхнюю Часовни...

– Каким способом очутился обратно в Унече? – допытывался Константин Лугинец, переворачивая его потертые бумаги.

– Наш батальонный писарь тож украинец... Рассказал, тут формируются части, какие пойдут высвобождать Украину от германцев. Предложил возвратиться. Выдали проездный документ до Брянска – «по важным военным делам». Ота бумажка, голубенькая...

– Обмундировку не потребовали назад?

– А зачем? Каждый месяц жалованье еще получал по двести пятьдесят рублей.

– Здесь жалованья не будет, – вмешался Зубов. – Зато за пьянство, картежную игру, грабеж и вообще за неподчинение – расстрел на месте, без суда.

Парень потерянно повел взглядом: куда, мол, попал?

– Откуда сам? – спросил Николай.

– Село Хоробичи. Там и батька с матерью.

– Земляк, выходит. Дом свой в тяжелую годину не кидаешь. Что ж, будем воевать.

Младший Лугинец, переняв его взгляд, протянул парню заготовленный листок с клятвой-присягой.

– Читай и подписуй. Обмундировка тебе не требуется. Оружие получишь. Да, ты

грамотей! В пятую роту писарем.

– Поимей сердце, Константин Потапович. С таким-то ростом писарем. Правофланговый!

Николай спиной ощущал матроса у дальнего окна. Знал и о Приднепровском отряде, какой следует подчинить, и о самом жожаке, Михалдыке. Не дольше как утром в Брянске сталкивались с матросней – стихия, вконец разболтавшаяся на земных волнах. Там их полета глоток, а горланят за полную команду крейсера, бузотерят, грабят. Не кто иной, как Михалдыка, выдворил их на днях из Унечи. Анархией той тоже не побрезговали – матросу Андрею Матвеевко с эскадренного миноносца «Свобода» поручили с Коцаром организовать команду из анархистов, кои изъявят согласие сражаться в рядах украинских войск. Надеждой, право, не тешились.

Как поведет себя Михалдыка сейчас? Не анархист – большевик, партиец. Чувствовал, не готов к разговору с ним. Горлом не возьмешь. В самом деле, дурацкое положение его, уполномоченного. Приказ был бы о формировании полка – баста. Краем глаза увидел: Михалдыка, гася большим пальцем трубку, неторопливо подходил. Не здесь же, при народе, объясняться?

В последний миг нашелся – протягивая руку, назвал себя. Тот уводил взгляд, сказал притворно-бесшабашно:

– Черт с тобой, Щорс, забирай отряд, пользуйся готовым.

– Так и готовым? – сощурился насмешливо Зубов.

– Доделаете, что не по-вашему.

Мирный тон у матроса. Видны на использование его в полку они с Коцаром обговаривали у Ауссема. Человек военный – на командирскую должность, доверить батальон; Ауссем склонялся больше к партработе.

– А зачем забирать? – удивился Николай, упорно лова его взгляд. – Засучивай рукава и... с божьей помощью. Формируй батальон.

Вот он, взгляд. Закатное солнце вызолотило выпуклые чистые белки; не поймешь, какие у него глаза, зеленые, голубые? По всему, предложение его не обидело. Оголив в кривой усмешке крупные зубы, мотнул головой.

– Вам, пехтуре, чего? Каждую кочку от самой Варшавы пузом ощупали. А я?!

– Ощупаешь и ты, – поддел Зубов. – Обратный путь, от Унечи до Варшавы.

В этот же вечер вскрылась причина такого легкого приручения матроса. Пододвинувшись, Михалдыка вполголоса сознался:

– С начальством по прямому трепался... Да, приказ готовится о сведении отрядов. Иначе, Щорс, ваш классный я прицепил бы к хвосту брянского, как то сделал со своими «братишками».

– Вот видишь, – хитро подмигнул Николай. – Иногда необходимо повисеть на прямых проводах с высоким начальством.

Широкая рука Михалдыки, избитая татуировкой, крепко сдавила его колено.

Знакомство завершилось согласным смехом.

22 сентября 1918 года Всеукраинский Центральный военно-революционный комитет издал приказ о сведении украинских повстанческих отрядов, расположенных в нейтральной зоне и вблизи демаркационной линии, в две дивизии. С этого дня серая кишашая масса партизан, сбившаяся в узкой полоске ничейной земли, начала постепенно обретать строй, упругость. Так бывает по осени: жестокие ветры сгоняют с ближних и дальних бугров перекасти-поле в глубокий буерак. За зиму бурьян улежится под сугробами, а к весне уплотняется в войлок. Руками не разрешь – одному огню подвластен.

Приказ тщательно скрывался. Формирования продолжались под видом партизанских отрядов. На самом деле всю осень шла ожесточенная борьба с партизанщиной. В строй брошены лучшие партийные силы. Давала знать нехватка военных специалистов. Советская Россия, сама охваченная на востоке и на юге фронтами, делилась из своих скудных запасов

оружием, одеждой, провиантом. Не густо, всех дыр не заткнешь; перебивались с оружием, боепитанием, даже нищенским пайком, с обмундированием беда – не сводили концы с концами. Надвигались холода, а с ними простуды; начал косить тиф – враг не менее страшный, чем немцы и гайдамаки.

Для Николая смешались дни и ночи. Забыл свою болезнь, самого себя. Получив среди ночи пакет из Зернова, к утру 24 сентября издал первый приказ по Богунскому полку. Утверждался командный состав, зачислялись в роты бойцы; роты распределялись по батальонам. Михалдыка назначен командиром первого батальона, Зубов – второго; третьим батальоном в полк вливался отряд Барабаша, сформированный в Брянске.

Горький опыт Семеновского отряда укорял на каждом шагу. Только строй может выдавить из рыхлой массы богом клятую партизанщину. Первым делом навалился на теплушки; с ними отрядники год уже не могут расстаться. Показал пример – из классного бронированного вагона штаб перебрался в купеческий дом, недалеко от станции, предоставленный Унечским ревкомом. Напротив, в деревянном флигеле разместились политический аппарат и вербовочная комиссия – удел Константина Лугинца; там же прижился и ревтрибунал под председательством Петра Лугинца. Помимо него и помощника-писаря, на общем собрании в трибунал были выбраны Квятек, Зубов и двое из отрядников.

Немало хлопот доставило жильё бойцов. На время приспособили под казарму одноэтажное каменное здание, выкрашенное в желтый цвет. Недели через две переселились в дощатые бараки за железной дорогой.

День в казармах проходил строго по расписанию. Подъем в 6; до обеда строевые занятия; после обеда до вечера снова строевая. Только в этом видел Николай спасение. Строй, строй и строй. На глазах подтягивались бойцы, обретали военный вид. Заметно убавлялись дырявые свитки, кожушки, веревки вместо поясов. Украшали строй новенькие американские винтовки с коричневыми ремнями, со штыком. После ужина – беседы на политические темы, разучивание революционных песен. Пели «Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу», «Вихри враждебные веют над нами», «Замучен тяжелой неволей», свои украинские. В каждой роте выявлялись запевалы; пели в бараках и в строю, шагая на занятия к леску и обратно. Получалось слаженно, дружно.

Первое время не хватало Николаю дня. Разрывался между ротами за поселком и тылами; тылы нуждаются в большем догляде. Убедившись, что отделенные и взводные, подобранные из унтеров, справляются со своими обязанностями, стал дольше задерживаться в поселке. Организация служб обеспечения, команд, хозяйственной части оказалась куда сложнее, нежели строя. Одно снабжение портило кровь, забирало уйму сил и времени. До двух десятков пароконных бричек выделено продотряду. Кормить людей с каждым днем становилось труднее. Все дальше и дальше забивались продотряды от Унечи: реквизировали, скупали у богатеев и селян хлеб, картошку, расплачиваясь квитанцией с полковой печатью. За годы войны убавился по селам скот, не осталось по дворам излишков. Вместо мяса снабженцы умудрялись доставать рыбу. Скудный, несытный паек. На сутки выдавали кусок хлеба около фунта; хлеб несеяный, из овса или гречихи. Мало приходилось поесть ржаного. Варили иногда борщ с капустой и картофелем, а чаще с прелой фасолью. Николай видел, старики не так тяжело переносят недоедание, как семнадцати-восемнадцатилетние. Делал вид, что не замечает, когда взводные на обратном пути с занятий оставляют пару-тройку ребят с сумками – покопаться в собранных картофельных делянках. Вечером, до ужина, пекли ее в костре или варили в мундирах.

Одолеvalo курево. Махорки поступало мало. Курили все, что можно завернуть в обрывок газеты, из чего валит дым; пробовали старую вату из своих пиджаков с сухими листьями березы. У кого появлялся самосад – курили отделением, пуская табачный дым один другому в рот.

Прибавлялось дел и политическим работникам. Очень скоро Николай почувствовал, что не все поддается голосу командира. Чаще и чаще среди бойцов вытыкает голову

неповиновение: отказался запевала на походе петь, не пополз боец по луже, не побежал, не поднялся с нар после первой команды... Разбираясь в проступках, анализируя, приходил к выводу, что причины неповиновения порою скрыты глубоко, – Главный политагитатор полка Константин Лугинец вечерами пропадал в бараках, за неделю сорвал до хрипа голос. Именно он высказал тревогу:

– Сдается, Николай Александрович, кто-то в бараках орудует... Против нас.

– Что имеешь в виду?

– Каждый вечер долбишь: трудности, мол, временные, скоро пойдем на родину, освобождать собственные семьи, дома, там есть хлеб, мясо... Ждут того часа. Иные ждут терпеливо, понимают. Раздаются и такие голоса: рвать, мол, с москалями, они голодом морят...

– Кто?

– Черт его знает...

– Голос-то натурального националиста, петлюровца.

– Голос... Морду ведь он тебе не кажется. Беседовал с одним таким, голосистым...

Парнишка, молоко материнское на губах. С чужих явно слов.

Поздно вечером Николай с адъютантом полка Коцаром попали к председателю Унечской организации РКП (б).

– На огонек, товарищ Иванов, – отряхивая с фуражки капли дождя, от порога отозвался Коцар.

– А, богунцы... Опять что-нибудь просить? Пробивайтесь.

Просторный кабинет забит стульями, табуретками, сташенными со всего дома. Люди только ушли; плотный слой табачного дыма окутал у потолка электрическую лампочку. На столе у председателя горела лампа под зеленым абажуром.

– Проси не проси, всех наших дыр не залатаешь. – Николай, разгребая ногами стулья, пробился к столу. – Но нужда привела серьезная...

Иванов оторвался от бумаг, снял очки. Серое, давно не бритое лицо, припухлые мешки под уставшими глазами говорили о том, что этот человек редко покидает помещение.

– Что там у вас?

Богунцы поделились своей тревогой. Слушая, Иванов выставил: хлеб, холодную говядину. Из соседней комнаты вынес эмалированный чайник; ощупывая его, подмигнул: не остыл, мол.

– В поселке всякой сволочи предостаточно, – заговорил он. – Вот статисты подали сегодня... Нетрудового элемента ложкой не повернешь. Не придумаешь, что и делать.

– Выставить, – подсказал Коцар, сочувливо опуская глаза.

Хозяин передернул плечами, поправляя сползавшую шинель.

– И придется. Не сомневаюсь, контакт есть и с казармами. А помощь какую вам?

Подключу Чека. Были они вот...

Наполняя кружки, спросил:

– Свою партячейку не создали в полку?

Коцар переглянулся со Щорсом.

– Собственно, мы. Николай Иванович, и по этому вопросу. Принимайте нас в Унечскую организацию.

– Что ж, давайте объединимся. От такой силы, как вы, дураки одни будут отказываться.

Кстати, а сам комполка оформился в партию?

Николай растегнул полевую сумку, порывшись, вынул сложенный лист – заявление.

– Добро. Рассмотрим.

Провожая поздних гостей, Иванов пообещал:

– А чекиста выделю. Пускай приглядится...

Всю ночь хлестал в прикрытые ставни дождь. Николай долго не мог уснуть, ворочался, мерз. Задремал к свету. Вскочил на скрип двери. Коцар с лампой. Одетый, в шинели. Жили с

ним тут же, в штабе, занимая смежные комнатки.

– Куда собрался?

– Вернулся уж, Николай Александрович. Встречал на вокзале Исаковича. С ним начдив.

Остатки сна как рукой сняло. Николай мигом влез в сапоги.

– Где они?

– Здесь, в штабной. Командиров и политотдельцев уже поднял.

– А комполка в последнюю очередь... Не дело, Никита.

– Пока соберутся... Вы не спали ночь, ворочались.

С первой встречи установились меж ними душевные отношения. Тянулись друг к другу, чаще норовили быть вместе, вдвоем. Отсутствие каких-либо неясностей в том, о чем шла речь, прямота мыслей и действий отличали обоих. Подобного у Николая не получалось ни с Зубовым, ни с Квятеком, ни с Лугинцами, а ведь их связывает гораздо большее. Семеновцы, хотя с ним на «ты», смотрят как на командира, по привычке, по обязанности, движимые чувством подчиненности. Никита не позволяет себе панибратства, зато внутренняя доброта, понимание и забота проявляются в каждой мелочи. Вот и сейчас.

Пальцы не ощутили железной дверной скобы. С Исаковичем знаком. Скванность вызвал в нем другой. Много наслышан, проникся к его громкому имени, популярному среди повстанцев. За кордоном попадались объявления германской комендатуры: некий майор Гот доводил до всеобщего сведения, что такого-то числа в городе Нежине по обычаям войны расстреляны в качестве бандитов такие-то крестьяне таких-то деревень или сел, а в конце неизменно стояло: «За поимку предводителя банд Крапивянского назначена награда...» За голову того «бандита» майор Гот от объявления к объявлению неизменно повышал цену; к осени довел до баснословной по тем временам цифры – 50 тысяч.

Вот она, встреча.

Крапивянский сидел у окна, закинув ногу на ногу. В солдатской шинели, узкий ремешок от полевой сумки через плечо. Серая папаха уложена на коленях. Облокотясь на подоконник, склонив тяжелую лобастую голову, рассматривал в упор. Николай, кинув ладонь к козырьку, невольно обежал пальцами складки под ремнем.

Исакович, пожимая руку, представил:

– Начальник дивизии. Крапивянский, Николай Григорьевич.

Доклад начдив выслушал сидя. Слова не уронил. Изменил позу – убрал ногу с колена да локти с подоконника. Вопросов, замечаний не последовало и за скорым завтраком. Николай, сбитый с толку его упорным молчанием, распорядился было отменить строевые занятия в поле и построить на смотр полк у барачков.

– Не к чему ломать распорядок, – заметил он.

– Дождь, товарищ начдив.

– Дожди будут лить всю осень... Отмените боевую учебу? –

Сгорел бы со стыда. Черт дернул его; сам-то он так и делает – плюет на погоду. Не станешь же оправдываться, не будешь доказывать, что распорядился ради него, начальника, смотр провести на месте, а не таскаться в поле.

До полудня месили грязь по ельнику за поселком. Николай, строго блюдя субординацию, – на полшага позади. На редкие односложные замечания давал такие же скупые объяснения. По распаренному, чисто выбритому лицу его, по добревшим глазам видел – отходит. Отделения, взводы сносно выполняли команды – построения, приемы владения оружием. Сам отменил послеобеденные строевые занятия в поле.

– Займитесь немецким оружием. Скоро придется владеть им... Бойцам надобно обсохнуть, обмять с одежды комья грязи.

Непременного в таких случаях совещания с комсоставом не проводил; в штабной комнате в присутствии комбатов и ротных сделал несколько замечаний, не поспешил десятком добрых слов для второго батальона, отметив четвертую роту Квятека. Зубов расцвел; толкая под столом ногу дружка, ликующе подмигивал.

– Первый батальон вызывает у меня опасение, – продолжал начдив, строго взглянув на опустившего чубатую голову Михалдыку. – Матросу на суше... Не его стихия.

После обеда Крапивянский отбыл в Почеп, в расположение червонного казачества, к Виталию Примакову. На перроне, взяв за локоть Щорса, сказал:

– За богунцев спокоен. Вместо матроса подберите строевика.

– Мы уже обговаривали. Смена есть.

– Не сбавляйте темп. Формируйтесь. Не исключено, скоро может поступить приказ...

– Вопрос, Николай Григорьевич. Мы готовим ночные налеты на немецкие гарнизоны... Приказа на то не имеем.

– Бейте в хвост и в гриву. Конечно, по-умному. А приказа на то не ждите. Я его не дам.

– Понятно.

Вечером во флигеле собрался партийный актив и командиры. Беседу проводил Владимир Исакович. Прибыл он наладить в полку политическую работу. Намерение богунцев объединиться с Унечской парторганизацией одобрил; высказал мысль, что надо выделить комиссара полка. Остановились на Михалдыке. Матрос, раздосадованный нелестным отзывом начдива, без громких слов оставил батальон.

В Зернове Николай успел повидаться накоротке с Исаковичем. От Коцара знал, что у него опыт подпольщика, хотя лет немного. Слушая, проникался; чем-то напоминал он Бубнова – худое бритое лицо, открытый лоб, даже голос, хрипловатый, глубокий. А пожалуй, схожи страстью. Да, страстью, скрытой, без внешних проявлений. Единственный жест – то расслабляет кулак, то сжимает, надавливая на крышку стола.

– Не будем скрывать, товарищи, летние восстания показали слабые места нашей работы на Украине. Налицо недостаточный организационный охват масс. Что это значит? Мы не успевали за ростом революционных настроений селян и рабочих, отставали от политической ситуации. Переход от революционных слов к революционному действию не получился из-за различных причин. Отставание военно-технической и военно-организационной работы. Раз. Неактивная пропаганда среди войск оккупантов. Два.

Кулак дважды опустил на стол.

– Центральный Комитет КП(б)У, учитывая те ошибки, призывает рабочих и крестьян Украины к более тщательной подготовке всеобщего вооруженного восстания против оккупантов и украинской контрреволюции. Многие теряют самообладание и готовы уже сейчас, немедленно, не дожидаясь соседа, не объединившись, не сплотившись, опять биться с хорошо вооруженным коварным врагом. Но разрозненные вспышки неизбежно кончатся катастрофой. Восстающие кучки оказываются стертymi с лица земли, и уменьшаются наши силы, дезорганизуется наша подготовительная работа, расстраиваются наши ряды. Так действовать нельзя.

Буря надвигается, товарищи. Восстание грянет не сегодня-завтра. Мы должны быть готовы к этому моменту. Готовьтесь к главному удару изо всех сил.

Обе повстанческие дивизии формируются и существуют нелегально. Причина тому, думаю, вам известна. Но есть и другая сторона... Советская Россия готова хоть сейчас ввести нас в состав Красной Армии. Тогда мы сами уничтожаем *идею* возникновения дивизий из повстанцев Украины. Советская Украина должна иметь свои регулярные войска. Именно нам с вами предстоит сделать первый шаг в освобождении отчей земли от иностранных завоевателей.

Николай понял Зубова, вынувшего из нагрудного кармана френча массивные серебряные часы. Да, пора: за окнами стемнело. Они отправляют нынче первых разведчиков за кордон. Знают об этом немногие даже из присутствующих. Готовились втайне, подбирали надежных, крепких парней. Набралось до взвода. Зубов сокрушался, что нет под руками Тимофея – сгинул где-то разведчик. Божора напрашивался со своими конниками, отставили – безлошадным сподручнее одолеть колючую проволоку...

Из местечка Посудичи – штаба дивизии – посыпались приказы. Открываются двухнедельные инструкторские курсы по подготовке командного состава на должности отделенных, взводных и полуротных командиров. Предписывается прислать в село Погар от каждого полка по 20 человек. Наблюдающим за школой назначен начальник штаба дивизии Петренко. Из червонных казаков разворачивалась 1-я пехотная бригада под командованием Примакова.

Через день спецкурьер на дрезине доставил еще пакет. Войскам дивизии надлежит усиленно готовиться к предстоящим боям. Этим приказом полки 2-й и 3-й сводились во 2-ю бригаду. Управление бригадой поручается командиру 3-го полка имени Богуна.

Никита Коцар поздравил Николая с назначением. Исакович, довольный, подмигивал.

– Лег на душу ему, Николай Александрович. Грешным делом, когда ехали к вам, я переживал. Нрав Крапивянского уже успели испытать на себе...

1-я повстанческая дивизия за месяц, к концу октября, была, по существу, сформирована. 1-я бригада червонного казачества насчитывала более 2 тысяч штыков, две сотни конников и 8 орудий; Таращанский полк – 2 тысячи человек пехоты, полторы сотни и 4 орудия; Богунский – 1500 человек пехоты, одну сотню и 2 орудия. Кроме того, при штабе дивизии созданы команды для охраны числом около 700 штыков; начдив мыслил из них сформировать пятый полк, который состоял бы у него в резерве как ударный.

Пополнение прибывает. Бегут крестьяне из Украины. Штабисты надеются через две-три недели довести состав дивизии до 12–15 тысяч. Тормозит формирование, как и прежде, вооружение и обмундирование; острая нехватка ощущается в командах.

Рос и Богунский полк. Боевая изнурительная учеба днем перемежалась с ночными налетами на приграничные села за кордоном. В помощь немецким гарнизонам гетман Скоропадский выдвинул на унечский участок курени гайдамаков – батальоны. В ночные вылазки бойцы шли с охотой. Случалось, отбивали в пристанционных поселках Робчик, Лыщичи, Стародуб собранный немцами для отправки в Германию скот, хлеб; кое-что перепало из оружия, одежды.

Начальник штаба полка Осипов расписал на десятиверстке цветными карандашами целую операцию. Перед этим с неделю усердствовала полковая разведка – установили, где какая застава, секрет, вплоть до наблюдателей на соснах. Комбат Кощеев повел свой батальон на Лыщичи, а Зубов с четвертой ротой Квятека и пятой Тищенко двинулись на Робчик. Проплутав в потемках среди болот, в лесу, обходя поселок с тыла, опоздал к назначенному времени. Первый батальон на рассвете, в урочный час, навалился на спящих немцев в Лыщичах; Зубов вывел свои роты к Робчику, когда солнце встало над лесом. Немцы, всполошенные боем в соседнем селе, их уже ждали...

Налаживали закордонные связи. Константин Лугинец и Михалдыка со своими политотдельцами подыскивали подходящих людей, инструктировали их и отправляли за нейтральную полосу для работы среди немецких солдат. Совместными усилиями написали воззвание.

«Октябрь, 1918 г.

Слушай, товарищ немец! Седьмой месяц ты хозяйничаешь у нас в России, но не как добрый хозяин, который думает о будущем. Твое будущее – гибель, помни, что придет время, когда терпение русского народа истощится и он в своем справедливом гневе возьмет тебя за горло. У тебя пушки, пожары и расстрелы, а у нас – страшный народный гнев. Бойся его, товарищ! У нас нет никакой организации – все задушено, задавлено украинскими и вашими властями, но у каждого из нас есть душа, способная любить и ненавидеть, есть свободный дух, который не выдохся после революции.

Ты пришел к нам голодный, и мы кормим тебя, отдаем последнее, но зачем ты кричишь: «Найне свобода!» Зачем разгоняешь наши Советы, зачем сажаешь в тюрьмы наших выборных депутатов, зачем топчешь каблуками все завоевания нашей Великой русской революции? Ведь свое революционное знамя мы окрасили кровью лучших сынов

нашей Родины. Этого тебе никогда не простит русский народ. Уходи, товарищ, в свою землю. Мы обмануты жестоко, предательски: нам говорили – мир заключен, немец не придет в Россию, и мы оставили наш фронт, а ты пришел – и мы безоружны.

Но знаешь ли ты, как дикий тигр неслышно подкрадывается к своей добыче? Видел ли ты, как орел с вышины бросается на свою жертву? У них нет ни пуль, ни штыков. Так мы, безоружные, будем защищать свою Родину. Мы не хотим крови, мы говорим – да здравствует интернационализм и мир всего мира. Уходи, товарищ!»

Исакович, помогая готовить агитаторов, подсказал: недурно-де обратиться через Зерново к Московскому интернациональному отряду с просьбой о присылке в полк немецких коммунистов. Отправили письмо за подписью комполка: «Просим прислать в Украинский революционный полк имени тов. Богуна (ст. Унеча) трех человек немцев-коммунистов, которые могли бы вести агитацию на тему «Коммунисты среди немецких солдат, находящихся на прифронтовых полосах Украины».

– Поглядим, кто больше страху нагонит пруссакам, – посмеивался Константин, глядя хитро на Щорса. – Ты своими ночными вылазками, не то наши агитаторы...

– Прошлой ночью мои разведчики в Кустичах сняли с виселицы твоего агитатора, – сказал Квятек, остужая развеселившегося друга.

– А по-моему, всяко надобно бить, что ни попадет под руку... Гнать их, сволочей, захребетников, с нашей земли, – мрачно отозвался и Петро Лугинец.

Помыслы у всех были об Украине. Во сне и наяву ждали, когда ступят на свою черниговскую землю. Набирались роты, заполнялся строй. Каждый день прибывали люди. Немобилизованные шли сами; иные со слезами просились в полк.

Казалось, все идет по-доброму. А беда надвигалась. Изнутри, невидимая, вползала. Немногие в полку ощущали ее приближение. Враг использовал каждую щелку, маломальскую прореху, каждое неосторожное слово, неверный шаг. Иванов, председатель парторганизации, сдержал слово – подключил унечского чрезвычайкома Трифонова. Тот со своими чекистами перекрыл кое-какие тайные тропки из поселка в солдатские бараки за путями. В первую же ночь попало несколько человек, «цивильных» и военных. Народ оказался пришлый. Всю осень через контрольно-пропускной пункт Клиницы – Унеча бредут пешком по шпалам военнопленные – немцы распускают концентрационные лагеря. В Унече пограничные власти после беглой проверки сажают их в теплушки и отправляют в Брянск. Многие остаются, напрашиваются в полк, кому некуда идти, кого не особо ждут дома. Среди них и попадаются «военнопленные», кто вчера только в Новозыбкове сменил синий жупан гайдамака на измызганную серую шинель с чужого плеча.

После недавнего крупного набега в полку произошло событие, взбудоражившее все бараки. Двое парней из пятой роты батальона Зубова при отходе от Робчика бросили станковый пулемет «максим». Удачно, на него налетел комроты Тищенко; пулемет был благополучно доставлен в команду. Беглецов арестовали и препроводили в Чека. Пошли кривотолки, слухи: расстреляют, мол, а за что? Пулемет не достался врагу, парни молодые, глупые... Суток трое длилось нехорошее молчание. Потом по чьему-то распоряжению в один день прошли по ротам и командам собрания – избрали по выборному из рядовых в товарищеский суд.

Каждый час ставит перед Николаем проблемы. Перед командиром и человеком; долг и совесть его в постоянном напряжении. Внешне незаметно; казалось, в нем все согласно: слова, поступки. Понимание общественного долга, трезвая оценка происходящего брали верх над жалостливым сердцем. Победа давалась ему нелегко; ночами, когда он один на один с собой, порою мучительно трудно оправдать свои поступки, жестокие слова, сказанные при холодном рассудке. Сколько мук, душевных терзаний доставили эти горе-пулеметчики! Струсил в бою, бросил оружие, бежал с пустыми руками, сея панику и страх... В бою нет тягчайшего преступления. Молодые, не нюхавшие пороха; кроме «мамы», у них нет ближе других слов... Закон войны знал одно наказание для такого проступка – расстрел. Он, командир, неся нелегкий крест обвинителя, на самочинно

возникшем товарищеском суде именно этого и добивался. Дважды выступал; говорил необычно много, говорил страстно, убедительно о той жестокой схватке, которая ждет их, может быть, через час, иные из них наверняка погибнут...

– Я требую расстрела. Трусам нет никакого оправдания. Этим мы поднимем боеспособность полка. Пусть будет уроком для всех.

Поддержали командиры; ни одна рука выборных не поднялась.

Странно, ночью он не метался в постели. Привиделся Сновск, ребячье место на реке у моста и, кажись, Глаша... Лицо не помнит отчетливо, а одежда солдатская – в гимнастерке, кобура на поясе. Плескаясь под рукомойником, вдруг ощутил подступившее тепло. В гимнастерке, та, смуглолицая, с грустными глазами. Подумал, что труда не составляет увидеть ее. Смелая. Красивая. Фрума Хайкина была грозой унечской контрабанды. Последнее время все чаще в Чека их сталкивали неотложные дела, виделись почти каждый день.

Оглядывая с осуждением себя в зеркало, с облегчением вспомнил, что ему все равно надо быть нынче в тех краях. Повеселевший, он поспешно сменил расхожую гимнастерку на шерстяную, вошел в штабную комнату. На вопросительный взгляд Никиты Коцара сказал, будто оправдываясь:

– У Иванова буду... Партийное собрание он на сегодня назначил. Ты знаешь?

– Я объявление на дверях вешал.

Весь день, как обычно, Николай провел в бегах. Строевые занятия в поле, снабженцы; с полудня задержался в околотке, а к вечеру попал в ревком. До собрания заглянул в Чека, к Трифонову. Окидывая пустые столы, наигранно-беспечно спросил:

– Куда народ твой подевался?

– Самая работа для нашего брата, ночь... – посмеялся Трифонов, отсовывая кипу бумаг, – А тебе кого, Хайкину? Держи с ней контакт. Молодая – не беда, глаз зато у нее нацелен верно. Напала на след, ведущий в твои бараки... Выход вижу один: разгонять из Унечи всякую нетрудовую сволочь. Они пускают корешки в полку. Спыхватимся – будет поздно. Иванов ставит нынче вопрос о разгрузке поселка. Пошли, время.

Голосованием Николай был избран председателем собрания; секретарствовать посадили Брагинского. Правда, в повестке вопрос о разгрузке поселка стоит первым.

Некстати председательство. Думал через пару часов исчезнуть: прибывает начальник штаба дивизии, Петренко. Отпрашиваться теперь неловко посреди собрания. Остается уложиться. Вынул из кармана часы.

– К одиннадцати закончим.

– Благие намерения. До трех как минимум. Один Ольховый затянет до одиннадцати. Говорун стойкий.

Кривая усмешка Брагинского прибавила Николаю решимости. Объявив повестку, он тут же утвердил регламент.

Возникло было спор по первому вопросу. Не знали, кому поручить разгрузку поселка от «непроизводительного элемента» – гражданскому комиссару или чрезвычайному. Избрали комиссию из трех: представителя парторганизации Щорса, чрезвычайного Трифонова и председателя гражданского отдела.

Ольховый, как и предрекал Брагинский, не уложился, В руках у него еще толстая пачка листов. Добавили четверть часа.

Текущие дела тоже не застаивались. Вскрылось – коммунисты проявляют небрежность к военным занятиям. Постановили: занятия проводить с 8 до 9 с половиной. Заведующий отделом продовольствия высказал тревогу, что из-за массовых реквизиций приток хлеба с Украины совершенно прекратился и поселку угрожает голод. Обязали продотдел вступить в переговоры с представителями украинского синдиката о скорейшей доставке одного вагона муки. Временным заместителем заболевшего Ермишина на посту предревкома избрали Никитченко.

Ровно 10. Уложились в два часа.

Иванов, принимая протокол, восхищался:

– По-военному, Николай Александрович, всегда буду вводить тебя в президиум. Мне за год не удалось достичь такого успеха в проведении партсобраний. А ты за какую-нибудь неделю... Уж больно слов у нас, гражданских, много. Ей-богу.

– Открою секрет... Времени у меня в обрез. Встречаю начальство.

Прощаясь, Николай приложил руку к козырьку.

Случилось поздно вечером.

С утра Николай возился с начальством. Петренко сопровождал важного гостя с советской стороны. По виду военный, недавно ходил в больших чинах. Официально не представлялся; Петренко шепнул: консультант, мол, оперативного отдела Наркомвоена. В дивизии он уже несколько дней; побывал во всех полках. Сейчас, проездом в Серпухов, задержался в Унече. На закате солнца Николай усадил их в поезд на Брянск.

Не удалось с глазу на глаз побыть с начальником штаба дивизии. Из коротких реплик его, намеков понял, что большие события назревают, не заставят теперь долго ждать. Конечно, речь о Советской России – не случайно здесь этот консультант. Происходят какие-то изменения и у них в дивизии. Непонятное делается с Крапивянским, будто смещают. Не от Петренко пошло – его сопроводителей. У таращанцев тоже намечаются новшества: вместо Барона в командование полком будто бы вступает Василий Боженко. О том в Унече уже слыхали. Что сообщил Петренко определенно: дивизия перемещается на другой участок, южнее, ко Льгову. Предупредил: готовьтесь, ждите приказа. Посоветовал вывести третий батальон из Брянска. С комбатом Барабашом он, комполка, еще толком и незнаком: видались как-то на бегу.

Вечером, уже по-темному, Николай попал к себе в штаб. Снял усталость холодной водой, умывшись до пояса; ординарец подогрел ужин. Не елось – привык с Коцаром. Со вчерашнего опустела его комнатка; опустело и на душе у Николая. Остро ощутил одиночество. Коцара отозвал ЦВРК; с ним отбыл и Исакович. Привык к обоим; почувствовал, как их не хватает. Сейчас, сопоставляя факты, слухи, он начал догадываться, зачем они понадобились. Вероятно, в дивизии укрепляется, политотдел. Подумал и о своем наболевшем: ни Константин Лугинец, ни Михалдыка явно не «тянут». Колотить себя в грудь, кичась социальным происхождением, каторгой, страшно мало, да и устарело. Нужны подготовленные, политически грамотные партработники, с большим тактом, чутким сердцем. Бойца окриком нынче не возьмешь, как, бывало, царского солдата; умеючи добираться до души, овладевай сознанием. Ни тот, ни другой такими качествами не обладают. С Исаковичем был разговор. Тот указал на Барабаша; обещал посоветоваться в политотделе дивизии. Рекомендует Барабаша и Унечский ревком – опытный партработник, организатор. Сразу встанет вопрос о комбате: кем Барабаша заменить?

В штабной комнате, увидав пустой столик Никиты. Николай подумал, кого бы назначить адъютантом. Где-то среди дня являлась мысль: «Квятека». Ротный из него получается толковый, курсы краскомов пошли впрок. Но и адъютант полка нужен не дурак...

– Николай Александрович, подпишите.

Во взгляде Щорса было такое, что заставило Осипова выйти из-за стола, разъяснить:

– В Брянск. Приказ Барабашу прибыть с батальоном... Посылаем Михалдыку. Человек он более всех свободный в полку, к тому же... с кулаком. «Братишек» там до черта. А он сможет с ними...

Не пригляделся еще к начальнику штаба. Неделя прошла, как живут под одной крышей. Срок немалый. Каждый день видятся, решают, сидят за обеденным столом, а определенного сказать о нем не может. Что-то в его лице, гладко выбритом, в холодном взгляде выпуклых глаз не дается ему, ускользает. О Михалдыке сказал скверно. С трудом удержался, чтобы не сделать замечание. Поставив подпись, протянул бумажку.

– Пусть отъезжает немедленно.

– Распоряжусь.

Ворвался Божора. Без папахи, волосы разметались по мокрому лбу, гимнастерка располосована от ворота до ремня; бурку волочил по земле.

– Восс...ста-ание!.. – выдавил он, дергая шейю. Сглотнув ком, продолжал отчетливее: – Вырвался еле... Пулеметчики, ссво-оллочи!.. И мои... конники... Пулеметы выкатили...

Холодом занялось в груди. Поправляя под ремнем складки, Николай вплотную подошел к черному вестнику. Мысль работала четко; уже осознав всю беду, какую обрисовывал ему не однажды чрезвычайком Трифонов, он усиленно искал выход. Пулеметчики, конники... А что роты? Тоже ухватились за винтовки? Оружие, патроны в бараках...

– А роты... тоже?

– Вроде и там буза... Один из моих, слышал, драл глотку... «Айда... пехоту!» Сунут сюда, на штаб, Николай Александрович. Бить «офицере»...

В подтверждение слов Божоры над крышей прошла пулеметная очередь. Из «льюиса», ручного пулемета. И не издав далеко. Послышались винтовочные выстрелы. Да, уже в поселке... Николай повернулся к Зубову и Квятеку. Опорожнив кобуры, они молча ждали приказа.

– В батальоны!

Шум, гортанные голоса подступили к самым воротам. Вбежал часовой с перекошенным от страха ртом. Он успел запереть чуланную дверь. Напористый залп и треск раздробленного дерева заполнил весь дом. Поняв, что чуда произойти не может, Николай сделал знак следовать за ним. Метнулся в свою комнатку. Помнит, окно выходит в сад...

Недавнее казалось кошмарным сном. Так и не смогли они пробиться к батальонам. Пулеметчики, конники и пушкарники, окружив плотно бараки, держали под прицелом орудий и «максимов» все двери. Выпускали, кто брался за винтовку и вливался к ним. Зубова признали в темноте; ушел каким-то чудом. Жалуясь на боль в глазу, делился виденным:

– Четвертая рота в бараке... Подперли дверь дрючком. Эти, бандюги. Два «максима» усталились... Винтовки вытащили, ворохом, тут же в грязи валяются...

Разъяренная толпа, подогретая самогонкой, всю ночь горланила в поселке, разнося в щепы еврейские лавочки, грабя богатые дома; запылала какая-то постройка. К вечеру волна откатилась к баракам...

Так прошла еще ночь. Видя, что стрелковые роты не поддерживают, зачинщики тайком уходили в лес. За ними, бросая винтовки, покидали полк и бойцы, подавленные на громкие голоса. Утром у семафора со стороны Брянска, пыхтя, остановился тяжелый бронепоезд; сзади двигался состав теплушек – прибыл рабочий отряд Барабаша, третий батальон. Ездил все-таки Михалдыка.

В действия чрезвычайкома Трифонова Николай не вмешивался. Причины «восстания» вскрылись скоро. Те же самые «волки в овечьих шкурах». Затесались из-за кордона в обличии «добровольцев»; используя трудности, нехватку в обмундировании и довольствии, распускали слухи, поносили на чем свет большевиков, Советскую Россию. Цель их – увести полк в черниговские леса, бороться якобы с оккупантами, за вольную Украину, за народную власть – Радугу. Заправила исчезли. По всему, у них не было согласия, крепкой организации. Шли за событиями. Масла в огонь подлили горе-пулеметчики...

Сейчас, взвешивая все обстоятельно, Николай приходил к мысли: вынеси товарищеский суд суровый приговор пулеметчикам, могло бы обернуться большей бедой. Бойцы в остервенении, ослепленные провокационными речами, пошли бы куда угодно. Понимал и свою вину: увлекся одной стороной дела – военной. Восемь часов строевой! На политвоспитание выпадало всего ничего – вечер. После изнурительной шагистики до газет ли, разговоров?

Повинился перед Ивановым.

– Ты военный человек, Николай Александрович, как командир выполняешь свой долг. Формируешь, обучаешь... Из серой, бесформенной массы делаешь военный строй. На глазах у нас. Видим же, чем ты занимаешься. Одних песен твоих заслушаешься... Весь поселок из

хат выскакивает, когда идут роты. Хотя с коммуниста Щорса следовало бы спросить...

– Это и привело меня к тебе, Николай Иванович.

Иванов, вымученно улыбнувшись, положил ему руку на колено.

– Понимаешь свою вину, значит, признаешь. По-большевистски. Но скажу тебе, не терзайся... В случившемся я больше виноват, вернее, виновна вся наша парторганизация. Не проникли в каждую душу бойца. Известно же, свято место пусто не бывает. Не мы, так они. Согласен с тобой, политотдел в полку ни к черту. Лугинец, Михалдыка... А, что говорить, не вина это их, а беда. Но где взять партийные кадры! Во всей Красной Армии сейчас самая горячка. Создаются политорганы. Тысячи, десятки тысяч требуются политработников, комиссаров.

– Есть человек.

– Барабаш? Был от Исаковича звонок. Барабаша я знаю с весны... Ревком не против. Но ты, Николай Александрович, помалкиваешь... Снимается ведь полк из Унечи.

– Приказа еще нет.

– А что делать нам тут? Никакой, по сути, защиты. Жидкая цепочка пограничников. Что посоветуешь?

– Отряд самообороны, – Николай прихлопнул по планшету. – Поможем организовать. Оружие вы достанете.

– Да, хотя бы полуроту, – оживился Иванов, хватаясь за карандаш; бегали глаза, ища, на чем бы записать для памяти.

– А еще надежнее, Николай Иванович... Партсобрание нынче! Я внесу предложение о формировании коммунистического отряда. Кликнем добровольцев. До утра произвести запись. Выделю подходящих взводных. Не насовсем, конечно...

– Не знаю, как и благодарить. Верно! Тебе и поручим боевую учебу. Членов партии наберется с полсотни, годных к строю. Сам первым запишусь. Фу, – выдохнул облегченно Иванов.

В кабинет кто-то вошел. Не оглядываясь, по глазам Иванова, странно изменившимся, догадался. С недавних пор Николай стал ловить на себе многозначительные взгляды унечских ревкомовцев и чекистов; давали те взгляды о себе знать, когда поблизости появлялась Фрума. Они уже с ней встречались – заходил к чрезвычайному Трифонову. Фрума, кладя на стол какие-то бумаги, поздоровалась...

В канун годовщины пролетарской революции пришел приказ о переброске 1-й Повстанческой дивизии на Львовское направление. За начальника дивизии подписал Петренко. А Крапивянский? Нет в дивизии? Хлынул поток кривотолков. Теряясь в догадках, испытывая неприятный осадок, Николай приструнил скорого на язык Зубова, дошедшего в громогласных предположениях черт знает до чего: пустил, мол, пулю в какого-то высокого, чуть ли не в Квирига.

– Болтают в батальоне, – пристыженный, оправдывался Зубов.

Предпраздничная суматоха добавила забот. Роты готовились к военному параду, отработывая строевой шаг; снабженцы и фельдфебели, изворачиваясь всякими способами, одевали, обували бойцов. Прикрывали дыры как могли и нем могли. Многих просто выводили из строя → не хватало уж фантазии. Не всякую прореху заделаешь красочными нашивками.

Не меньше забот навалилось и на командование. После тщательной чистки из полка было отчислено и арестовано более сотни человек. Пятую роту Тищенко, вернее остатки ее, рассовали по другим ротам; на ее место сформировали новую. Из Брянского отряда спешно создали третий батальон – седьмую, восьмую и девятую роты. Возле Барабаша оказалось крепкое окружение. Молодые, энергичные ребята; одного из них, Данилюка, назначили на должность оперативного адъютанта штаба полка вместо переведенного в политотдел Осипова. Барабаш возглавил партийную работу в полку.

Не отремела на площади бравурная музыка, страстные речи еще не умолкли с трибун,

не успели унечцы приглядеться к красочным транспарантам, обилию алых полотен, радио принесло весть – в Германии революция! Один праздник перешел в другой. Народ повалил на улицу, громче ударил духовой оркестр, еще страстнее стали слова и жесты ораторов.

Унечские власти с представителями Богунского полка, украсив флагами и лозунгами агитпоезд, выехали за демаркационную линию. В селе Робчик стоял гарнизон 106-го немецкого полка; комендант гарнизона, тучный бритоголовый гауптман, выслушав делегацию, заявил, что о событиях в Германии он ничего не знает и от своего высшего командования никаких указаний не получал; с солдатами встретиться не разрешил. Пока велись холодно-вежливые разговоры начальства, у агитпоезда солдатам-охранникам из полы в полу сунули листовки. В соседнем селе, в Лыщичах, куда был отправлен с группой Константин Лугинец, миссия удалась: богунцы вернулись с немецкими солдатами. Шли они с красным знаменем. На вокзале в их честь были устроены торжества.

Глухой ночью из Унечи в Москву на имя Предсовнаркома пошла приветственная телеграмма:

«12 ноября 1918 г.

23 часа 30 мин.

Представители революционных солдат Германии, делегаты Лыщичинского Совета солдатских депутатов совместно с Унечской организацией РКП(б) приветствуют в вашем лице мировую революцию.

Представители революционных немецких войск с. Лыщичи, Кислиник, Солдисполком.

Председатель Унечской РКП (б) Иванов

Ревком Линд

Чрезвычайком Трифонов Командир Богунского полка Щорс

Инструктор Всечрезвычайкома Уткин».

На другой день из Москвы был получен ответ:

«Унеча

Председателю Унечской РКП (б) Иванову.

Благодарю за приветствие всех. Особенно тронут приветствием революционных солдат Германии. Теперь крайне важно, чтобы революционные солдаты Германии приняли немедленно действие в освобождении Украины. Для этого необходимо, во-первых, арестовать белогвардейцев и власти украинские, во-вторых, послать делегатов от революционных войск Германии во все войсковые германские части на Украине для быстрого и общего их действия за освобождение Украины. Время не терпит. Нельзя терять ни часа. Телеграфируйте тотчас, принимают ли это предложение революционные солдаты Германии.

Срочно Предсовнаркома Ленин.

Вне всякой очереди.

Доставить мне сведения, во сколько часов принято Унечой»².

Тут же Владимир Ильич телеграфировал Орловскому губкому партии для украинцев. Поделившись радостной вестью – получил из Унечи приветствие от революционных солдат Германии, – попросил, чтобы те сообщили об этом во все пограничные пункты. Отвечая благодарностью от его имени за приветствие, обратились бы к ним с просьбой помочь быстрым и решительным действием освобождению Украины. Пусть революционные солдаты Германии довершат начатую ими славную германскую революцию арестом белогвардейцев на Украине и освобождением Украины.

Пока командующий Резервной армией Глаголев ждал разрешения Реввоенсовета республики на движение войск, Богунский полк самочинно, без всякого приказа сверху, утром 13 ноября с развернутыми флагами, под духовой оркестр двинулся через нейтральную зону. На околицах сел Лыщичи и Кустичи-Брянновы его встретили не менее возбужденные

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 205.

немецкие солдаты. Перед отправкой Щорс отбил в Кремль телеграмму:

«Прибыла немецкая делегация в числе 9 человек от 106-го и 19-го немецких полков с первым красным революционным знаменем в Богунский полк, где оно и хранится. Была оказана торжественная встреча, на вокзале был устроен митинг, на котором присутствовали делегаты, местные коммунисты Богунского полка и остальных воинских частей, после чего был устроен ужин. Переночевав, делегация с музыкой и знаменами с Богунским полком в полном боевом составе отправилась в 9 часов утра 13 ноября на манифестацию за демаркационную линию в села Лыщичи и Кустичи-Брянновы, откуда прибыли представители немецких частей. Меры, указанные в телеграмме, приняты. С утра высланы представители, коммунисты-агитаторы. Немецкие солдаты соглашаются арестовать своих офицеров. Дальнейшее сообщим.

Командир Богунского полка Щорс».

Богунский полк обратно в Унечу не возвратился. Штаб и политотдел остановились в селе Найтоповичи; батальоны разместились в Лыщичах и Кустичах. Схлынуло возбуждение – начались переговоры. В Лыщичах состоялось заседание Совета немецких солдат 106-го ландверского полка совместно с делегацией украинских повстанцев – от пограничного ревкома и командования Богунского полка. Председательствующий, немецкий солдат Пильц, сказал на открытии:

– Немецкие солдаты-рабочие должны взять власть в свои руки, иначе через несколько лет нас погонят снова на бойню. Российская революция указывает нам пути, по которому мы должны идти.

Приняли резолюцию о передаче всей власти Советам, совместно с первой социалистической республикой бороться с международной буржуазией. За неделю немцы надеялись провести все выборы солдатских комитетов вплоть до созыва армейского съезда в Киеве.

На словах выходило одно – на деле другое. Прошли все сроки, а дальше полкового солдатского Совета в 106-м выборы не продвинулись. Из пяти близлежащих гарнизонов гарнизон села Робчик колебался. Офицеры, правда, отстранены и не участвуют ни в переговорах, ни в выборах в комитеты. А мер против них не принимают; они тут же, при своих частях. Вдобавок в полковом Совете оказались и шейдемановцы – сторонники Ф. Шейдемана, одного из лидеров правого оппортунистического крыла социал-демократической партии Германии.

Оторвавшись от дивизии, не испытывая локтя Таращанского полка, среди кадровых немецких частей богунцы ощущали неопределенность своего положения. Нет связи, кроме конной с Унечой. Из штаба дивизии, из Орла никаких распоряжений; там сами ждут результатов их переговоров. А переговоры затягиваются на глазах: слова, слова, а доходит до конкретных сроков... Пока здесь немцы, ни о каком продвижении и речи быть не может: в Клинцах, в Новозыбкове – бронепоезда, артиллерия. Известно, под их крылышком пребывают и гайдамацкие части.

Как быть? Этот вопрос не дает покоя. Действовать совместно, как обговаривали, немецкие гарнизоны в Лыщичах и Кустичах не решаются; на встречах в их словах начали проскальзывать мотивы «нейтралитета». Силу в Совете забирали шейдемановцы.

Ломали головы Щорс с Петренко. Петренко, оставив дивизию, догнал полк уже в Лыщичах; по прибытии подключился к агитации среди немецких солдат. Убедившись, что переговоры приняли затяжной характер, он выразил желание связаться с Москвой. Николай черкнул записку председателю Унечской чрезвычайной комиссии Трифонову: «Прошу немедленно запросить округ об имеющихся свободных телеграфных аппаратах Морзе и проводах, которые могли бы начать работу с Москвой – Кремлем из штаба 2-й бригады из Лыщич. Если свободных не имеется, то пусть укажут, в какой включить».

Проволочную связь с Москвой наладить не удалось. А дни шли. В штабе полка отчетливее раздавались голоса о наступлении. Подавали их командиры; неистовствовал Зубов, возбуждая других комбатов – Гавриченко и Кощеева. Раздвоение наметилось среди

политотдельцев. За продвижение ратовали Константин Лугинец, Михалдыка; остужал горячие головы Барабаш. Политкомиссара поддерживал Петренко.

В первую же ночь, когда они остались одни, Николай вызнал о дивизионных делах. Петренко не особо из разговорчивых, но кое-что прояснил. Оказалось, приказ о переброске дивизии отпал сам собой. Под Льгов успели перекинуть только полк червонных казаков с Примаковым. Вместо червонцев теперь формируется Новгород-Северский пехотный полк; командир из унтер-офицеров, Тимофей Черняк. Нежинскую роту тоже разворачивают в полк. Обе повстанческие дивизии влились в Резервную армию; армия та формируется в Орловском военном округе. Командует ею Глаголев.

– У нас тут слухи... Что с Крапивянским?

– А что с ним... – уклонился от ответа Петренко, укладываясь спать. – Командую пока я.

Николай погасил лампу.

Час избавления настал.

Советская Россия незамедлительно аннулировала грабительский Брестский мирный договор, развязав себе руки. Совнарком дал указание Реввоенсовету республики о подготовке к наступлению советских войск, предназначенных для освобождения Украины, Белоруссии и Прибалтики. 17 ноября был создан Реввоенсовет группы войск Курского направления; в него вошли В. Антонов-Овсенко, И. Сталин, В. Затонский. На третий день РВС группы направил директиву революционным повстанческим организациям Украины о мобилизации сил для борьбы за освобождение украинского народа.

Создавались два направления: Киевское и Харьковское. Войска Киевского направления составила 1-я Украинская советская дивизия, Харьковского – 2-я дивизия под командованием Ауссема.

Революционное брожение захватывало немецкую оккупационную армию. Главнокомандующий Восточного фронта был вынужден издать приказ об эвакуации из Украины. Немецкая армия откатывалась на запад; безнадежнее становилась власть гетмана Скоропадского. Кровавый режим, державшийся на иноземных штыках, встал поперек горла даже собственной буржуазии и помещикам – не мог гетман потопить в крови революционное движение.

В ноябрьские дни, тревожные для контрреволюционных сил Украины, вновь всплывает фигура Симона Петлюры. Тайно Украинский национальный союз образовал Директорию – контрреволюционное националистическое правительство под председательством бывшего главы Украинской рады Винниченко. Петлюра, вошедший в состав Директории, взял в руки булаву «главного атамана войск Украинской народной республики».

Петлюра открыто, еще при гетмане, начал формировать армию. К нему густо повалили сыны кулаков, белогвардейцы и всякий сброд, скопившийся в Киеве. Стержнем армии явился полк сечевых стрельцов – галичан – под командованием атамана Коновальца; полк тот некогда использовал Скоропадский для подавления восставших крестьян в Тараще и Нежине. Обманутые националистической пропагандой, обещаниями, в армию шли и середняки. Под парчовые стяги Петлюры встало до 300 тысяч человек.

Директория едва не с первого дня своего существования негласно от народа повела переговоры с Деникиным, с США и странами Антанты, Англией и Францией. Связь эта вела к войне с Советской Россией и новой оккупации – англо-французскими войсками.

29 ноября 1918 года Временное украинское рабоче-крестьянское правительство выпустило манифест о восстановлении Советской власти на Украине. Именем восставших рабочих и крестьян, именем революционной армии Украины власть гетмана была объявлена низложенной.

Наступление советских войск на Украину началось. Навстречу, меж отходящих рядов немецкой армии, выдвигались петлюровские полки гайдамаков. Обильно полилась украинская кровь...

Ноябрь 18-го года на Черниговщине выдался холодный. Изнурительные дожди внезапно сменились снегопадами; ударили морозы.

Получив сообщение, что Таращанский полк с боями занял Стародуб, богунцы приободрились. Со слов вестового узнали подробности. Вскрылось: немцы способствовали местной буржуазии эвакуировать город – вывезти в Новозыбково банки и казначейства, склады продовольствия. Сами немцы, помимо хлеба и скота, забивают вагоны машинами и товарами. Гребут все, что попадает под руку.

Николай видел, как загорелись глаза у Зубова. Именно он досаждал больше всех: не полагайся на немцев! Бить их заодно с гайдамаками. По его, тоже бить. Но ему хотелось бы использовать самую малую возможность избежать крови. А ведь ее избежать можно, как показывали эти дни, нужно иметь великое терпение. Немцы народ особый, отличимый от них, живет больше рассудком, нежели чувствами; в поведении их преобладает расчет. Зубов прав, утверждая, что они «уважают» силу, бить только крепче их надо. Лопается терпение и у пего; отдаст сейчас приказ о наступлении на Клинцы. А там сильный гарнизон, штыков 500, немцев и гайдамаков, две трехдюймовые батареи; по ветке Клинцы – Новозыбково курсируют бронепоезда. В Ардоне попробует столкнуться с полковым Советом...

Задолго до рассвета Богунский полк выступил на Клинцы. От посада Ардон верст пять. Полпути шли в колоннах побатальонно, потом развернулись в боевой порядок. При приближении к железнодорожной станции немецкий бронепоезд, видневшийся на фоне побелевшего неба, бесшумно уполз за березняк, в сторону разъезда Святец. Николай, зачехлив бинокль, обернулся к Зубову; во взгляде его – торжество, лукавая усмешка: «Что?

Фома неверующий, говорил тебе...»

– Неизвестно, сколько синежупанников в городе. За ночь, могло быть, подвалили... Уж больно тихо, что-то душа ноет.

Станцию заняли без боя. Города не видать за сосновым бором; еще версты две. Не останавливаясь, цепи вошли в лес. Внезапно, разрывая лесную тишину, зачастили взрывы. Орудийная пальба доносилась не только из города, но и с тыла, со стороны станции. Засада! В пылу Николай даже не подумал, что это мог вернуться немецкий поезд. С «льюисом» в руках поднялся над залегшей в снег цепью.

– Батальон, за мной!

Увязая в глубоких сугробах, он шагом направился через открытую опушку к видневшимся садам. Оттуда, из окопов, усилился ружейно-пулеметный огонь...

Пока батальон Кощеева, прижатый к снегу, отбивал контратаки, батальоны Зубова и Гавриченко с правого фланга, со стороны кожевеного завода, ворвались в город. Но, не выдержав штыкового натиска гайдамаков, они отступили в лес.

С тыла сгущался орудийный огонь. Снаряды рвались кучно, прицельно. Ворохнувшееся подозрение подтвердили разведчики: да, бьют немцы! Вернулся бронепоезд; за стрелками, в березняке, скапливаются темно-зеленые фигурки в касках.

Надвигались сумерки. Боясь окружения, Николай отвел полк назад в Ардон. В штабе вскрылось полностью коварство немецкого командования в Клинцах: пленный молодой солдат, знавший лично Пильца, председателя полкового Совета, ничего не скрывал, поведал как на духу. Разгневанный неудачей, напрасными жертвами, обуреваемый обидой на словоотступников, Николай написал в Стародуб комполка Барону. Сообщил, что в Клинцах немцы продались за 2 миллиона рублей для защиты фабрикантов. При попытке вступить в город богунцы были встречены орудийным и ружейным огнем. Из Новозыбкова подогнали бронепоезд с пехотой. В самих Клинцах сильный гарнизон – человек 500 немцев и гайдамаков и 8 орудий. Он намерен жестоко расправиться. С этой целью стягивает все силы бригады в Клинцы. Попросил с этим же кавалеристом передать ответ, когда прибудет, и о передвижении.

Перечитав, остался недоволен: всего-навсего донесение равного равному, в лучшем случае – просьба. На другом листе написал: «С получением сего – двигаться по марш руту – с. Блинка на Большую Топаль и Туросну. Цель – Клинцы. Дойдя до ст. Займище, дашь мне

знать». С силой нажимал чернильным карандашом: «Командир 2-й бригады Николай Щорс».

Наутро Николай почувствовал себя плохо. Душил кашель, потел. Дался вчерашний день. Украдкой поглядывал на носовой платок. Скрывая недомогание и дурное настроение, провел разбор неудавшейся операции. Не давая воли гневу, придерживал и срывавшихся на голос комбатов; на Зубова прицыкнул, будто на мальчишку. Не обиделся; сидел важный, скрестив руки, – его батальон действовал выше всяких похвал. Первая рота у Кощеева подвела. Тыкалась бестолково меж сосен, боясь высунуть нос на опушку, когда соседи со штыками шли на гайдамацкие окопы.

Комиссар полка, перетирая в пальцах клочок бумаги, предложил сместить комроты Середу с должности.

– Круто, товарищ Барабаш, – вступился за чужого ротного Гавриченко. – Первый бой у парня. Обломается, войны на его век еще хватит.

– Середка начал ее с трусости.

– Может, растерялся?

Это голос Кощеева. Николай, кутая горло шарфом, делал вид, что не замечает взглядов, обращенных к нему. Ждут его решения. Комиссар в одиночестве; чувствуя это, он морщит лоб, с трудом сдерживается, чтобы не поднять на него, командира, глаз. Конечно, берет он круто: Середка в самом деле растерялся. Вчера сам вывел из соснового бора топтавшуюся без дела роту. Можно бы его и оставить, удовлетворившись крепким разговором. Нет, падет авторитет Барабаша. Ротного подобрать легче, нежели комиссара полка. Есть подходящие из вернувшихся с двухнедельных курсов.

– Кого предлагаешь? – спросил он у Барабаша.

– Выдвинуть помкомроты Ковшера.

В полдень хоронили павших под Клинцами; среди них помощник командира третьей роты моряк Иванов, пулеметчик Исаенко Василий. Их немного, кого удалось вынести с поля боя, семеро. Провожал их в последний путь весь полк...

Болезнь не свалила Николая в постель. Пропарившись в хозяйской баньке, отошел за двое суток в тепле. Горло успокоил топленным молоком со смальцем. Камень с души сняли добрые вести. Таращанский полк, выполняя его предписание, из Стародуба выступил на Клинцы; заняв посад Елинку, распространяется в села Гулевка, Туросна и Смотрова Буда. Помощь кстати. Тут же приказал таращанской конной сотне захватить разъезд Святец – отрезать отступление немцам и гайдакакам на Новозыбково. Ответит той же самой ловушкой, какую они устроили ему.

Донесение подписал Боженко. Обида ворохнулась на Крапивянского. Назначен им командиром бригады. Кроме давнего приказа, никаких на то признаков. Практически, как был командиром Богунского, так и остается. Палец о палец не стукнул для другого полка – Таращанского. Не бывал в нем; ни сном ни духом не ведает, что там делается. Никакой связи меж полками, никакой подчиненности. По сути, нет бригады как таковой. Два самостоятельных, не связанных оперативно друг с другом полка. Чехарда и с командирами: Баляса сменил Барон, Барона – Боженко. За каких-нибудь два месяца. Начдив вершит сам, не соизволив даже ставить его, комбрига, в известность. На днях прорвалось, черкнул: «Комбриг я или не комбриг?» Ответа от Крапивянского не получил...

События под Клинцами захватили Николая. Ночами, после сутолочного дня, его одолевали сомнения; где-то глубоко обвинял себя за то, что так получилось с немцами. Не хватило выдержки, поторопился, пошел на поводу у своего комсостава, бряцавшего оружием, поддался резкому голосу пребывавшего в полку в те дни начштаба дивизии Петренко. Немцев, Пильца и его окружение в полковом солдатском Совете, тоже надо понять. Не так уж велика и сила их в войсках, крепко сколоченных, стойких, бездумно подчиняющихся своим офицерам; революция, скинувшая кайзера Вильгельма с престола, не всколыхнула до самого дна всей гущи солдатской массы. Кадровики, в большинстве дети зажиточных бауэров, фермеров, не хватившие лиха в окопах Мазурских и Пинских болот, они по духу далеки от революционных веяний; не трогают их эти события не только на

чужой земле, которую они топчут, но и у себя в фатерлянде. Рабочих от станков, заводского пролетариата, мобилизованных в годы войны, в частях доля малая, и не они составляют силу.

Все это узнали от Пильца. Из рабочих он, человек волевой, честный; за дни, проведенные вместе в Лыщичах, они подружились, поверили друг другу. За случившееся в Клинцах винить Пильца навряд ли стоит. После недолгого колебания Николай, посоветовавшись с Барабашом, отпустил пленного с запиской. Пилец ответил незамедлительно: полковой Совет готов встретиться, договориться о солидарности и совместных действиях. Посыльный – тот самый молодой немец – на словах передал, что делегацию возглавит Пилец; придут они в посад Ардон 7 декабря.

Завтра, значит. Допоздна обговаривали пункты, которые предъявят. Силились предугадать, что выставят немцы.

– Что бы ни выставили, – заявил категорично Константин Лугинец, – гнать их в три шеи из чужой хаты.

По недоброму взгляду семеновца Николай понял, что метит он в Барабаша. Как-то сразу не сложились у них доверительные отношения; Лугинец-младший болезненно воспринял назначение Барабаша – Унечский ревком утвердил того в должности политического комиссара полка. Михалдыка и то легче перенес свое смещение. Барабаш не лезет на рожон – выдает усмешку: что бы, мол, тут ни говорили, его слово, политкомиссара, последнее. Николай бессилен был что-либо поправить, изменить. На Константина Лугинца не цыкнешь, как на Зубова, – на десяток лет старше. Барабаш не дает повода для откровенного разговора; как-то попробовал – тот пожал плечами, сделав вид, что не понимает, о чем речь.

– Легко сказать – гнать, – покрутил тяжелой головой Михалдыка. – Всыпали они нам уже по первое число.

Заметив усмешку в глубоко посаженных глазах Барабаша и наперед зная, что она непременно объединит спорщиков, Лугинца с Михалдыкой, Николай поспешил вмешаться.

– Всыпали поделом. Будем учиться воевать. Речь о другом. Что предъявим? Главное, на мой взгляд, очистить Клинцы. Указать сроки.

– Сроки жесткие, – поддержал Барабаш.

Кивнул ему в знак согласия.

– О пленных наших... Отпустить. Раненые пленные тоже должны быть освобождены. Возвратить оружие.

– Мосты чтоб не взрывали, гады, – отозвался позади Квятек; адъютантская должность отучила его разговаривать – часами может обходиться без слов за командирской спиной.

– Да, мосты и порча путей. Не взрывать мостов, не портить телеграфов, телефонов и вообще всех средств передвижения и сообщения.

– Не вывозить средства производства, – добавил Барабаш. – Машины, станки.

В штабную комнату ввалился заиндевелый человек в полушубке, закутанный по самые глаза башлыком. Не раздеваясь, вынул из-за пазухи пакет. Вскрыл Квятек; протягивая командиру полка сложенный вчетверо листок, недовольно оглядывал вестника, свалившегося, по поговорке, как снег на голову.

– Вызывают в Стародуб, – объявил Николай. – Нас с комиссаром. Штаб дивизии туда перебрался.

Жаль, не встретятся с Пильцем. В штадив надо: что-то срочно, назавтра. А признаться, давно не терпелось самому побывать. Кроме Крапивянского и Петренко, никого из управления и в глаза не видал. Хотелось войти в контакт со снабженцами.

Предчувствуя важность встречи с немецкой делегацией, Николай подобрал заместителя – в годах, из сельских учителей, Брилов. Надеялся на уравновешенный нрав его, душевный такт. Обговорили все до мелочей; посоветовал подобрать людей степенных, чтобы не обострять дела.

Выехали с рассветом. Божора принарядил было в охрану отделение конников;

Николай, отчитав его, сунул под сено свой неразлучный «льюис», велел Квятеку прихватить больше запасных лент.

В штабе дивизии, оказывается, кипели свои страсти. Все перевернуто вверх дном, похоже, после погрома. Крапивянский оставил все-таки пост; новый и начальник штаба, Фатеев, вместо Петренко. Он и распоряжается здесь, выполняя роль гостеприимного хозяина. С драгунской выправкой и усами, украшавшими смуглое, сухощекое лицо; его голос можно слышать из любого места в богатом купеческом доме, отведенном под штаб дивизии. Пожимая руку, пристально вглядывался в глаза.

– Товарищ Щорс? Иван Семенович ждет.

– А Иван Семенович – кто это? – спросил Николай.

– Локатош. Начдив.

Словоохотливый начштаба сообщил, что заседание закрытое, при узком круге приглашенных, с участием представителя Временного рабоче-крестьянского правительства Украины Аверина. Политкомиссаров он, Фатеев, собирает отдельно. Заседание уже идет.

Николай открыл указанную дверь. Круг, правда, узкий – все вместились за столом. Человек восемь. Ближе всех Петренко; моргает, приглашая рядом с собой на свободный стул. Оглядевшись, угадал еще одного – Боженко; пожалуй, он самый пожилой тут. В августе, в Юриновке, их представляли, как бы даже не Петренко. В те времена, не будучи еще тарашанцем, Боженко ходил в нейтральной зоне при больших должностях – командуя всеми повстанческими отрядами на участке Унеча – Зерново. С тех пор он заметно помолодел; защитный френч с боевыми ремнями поубавил грузное тело, тугой высокий ворот скрыл рыхлый подбородок. Что-то его сейчас угнетало; сидел распаренный, неловкий, глаз не отрывал от рук, сложенных на коленях. Явно не новая должность смущала.

Освоившись, Николай понял, что говорит Локатош. Слова жесткие, как гвозди; Николаю казалось, что их вбивают ему в виски.

– ...до сих пор дивизия, ее командный состав почти не считались с центральными органами власти. Этим главным образом объясняется безалаберщина и дезорганизация дивизии. Инциденты, инциденты! На каждом шагу инциденты. Командный состав не консультирует своих действий с органами революционной гражданской власти на местах. Во избежание печальных инцидентов прошлого я требую полного контакта с ревкомками, исполкомами. А что получается? Крапивянский объявляет мобилизацию за одни годы, Щорс – за другие, а командир какой-нибудь части – тоже по своему усмотрению. Необходимо уяснить себе, что повстанческая армия представляла и представляет орган Красной Армии.

В командном составе наблюдаются нелады, взаимное неподчинение. Они отражаются на массах, в конечном счете разлагают их. И это нужно в корне изжить. То, что совершилось в Стародубе, в дальнейшем иметь места не может. Повальный грабеж, мародерство, бандитизм! Других слов у меня нет. Как нет и оправдания такому явлению. В Красной Армии за подобные явления – расстрел на месте. Без суда и следствия. Я за такое наказание. И потребую от вас, командиров, исполнения его. Идет народная армия, идут освободители... С хлебом-солью встречает народ. А тарашанцы?!

Невольно покосился на Боженко. По всему, разгон уже был. Локатош повторяет для него, опоздавшего. Слухи доходили и в Ар дон о погромах в Стародубе. Ломали, крушили, предавали огню все, что не могли увезти немцы. Почему Боженко не встанет и не объяснит? Честь всего полка... С трудом удерживал себя, чтобы не вступить. По виду вину тарашанец признает. Что-то было, чего он, комбриг, не знает. Наверно, из-за того полетел и Барон.

– Я призываю командный состав вверенной мне дивизии к сознательному отношению к революционным органам власти, – закончил успокоенным тоном Локатош.

О взаимоотношениях между командным составом и революционными органами власти записали в постановлении: «Разграничить сферу влияния, избегая всячески какого бы то ни было вмешательства во внутреннюю жизнь и распорядок ревкомов и т. п., подчинив всю работу фронта установлению самой теснейшей связи с тылом, зная, что победа будет

обеспечена в том случае, если фронт и тыл будут представлять одно целое и если фронт, опираясь на тыл, будет черпать из него материальные, физические и духовные силы».

По второму вопросу тоже выступил Локатош. Он просто зачитал распоряжение Военного Совета армии о сворачивании их дивизии в бригаду. Не давая устояться гнетущему молчанию, слово взял Петренко.

– Не нахожу это нужным. Необходимо оставить остов существующих полков. Пополнение идет быстрым темпом. Полки растут. Возможно, что их придется развернуть в бригады.

– Центр совершенно не знает о количестве штыков, – хмурясь, сказал Локатош.

– Сведения я посылал. Что касается слияния артиллерии и кавалерии, то такое возможно.

– Кавалерию сведем. Это является первой необходимостью. – Гораздо выгоднее иметь крупное соединение кавалерии. На Дону возьмите! Я только что из Царицына. В 10-й армии кавдивизия уже действует. Думенко, слышали?

– Из газет знаем, – кивнул Петренко.

Локатош предоставил слово соседу Николаю, штатскому:

– Товарищ Аверин.

– Мое дело, сами понимаете... – заговорил тот, не вставая. – Убедить вас выполнить все-таки распоряжение Военного совета – свернуть дивизию в бригаду. Но вы вправе отстаивать свою точку зрения. Я доложу ее... Высказывайтесь, товарищи военные.

Николай, переняв на себе его взгляд, поднял руку, как школьник.

– Полагаю, свертывание дивизии технически невыполнимо, – сказал он. – Для этого нужно стянуть все части в Стародуб. А такое может повлечь за собой занятие противником уже нами занятых местностей.

Постановили: просить Аверина доложить Военному совету о технической и стратегической невозможности переименования дивизии в бригаду. Название изменили –

1-я Советская дивизия. Полки: 1-й советский Богунский;

2-й советский Таращанский; 3-й советский Новгород-Северский. По предложению начдива Нежинская рота вливается в Богунский полк.

Начальник штаба Фатеев подписал приказ по политотделу о назначении политического состава частей дивизии. Барабаш утверждался политическим комиссаром Богунского полка на основании полномочий Военного совета группы Курского направления.

Из Стародуба Николай выехал в ночь. Как идут переговоры с немцами? До чего дотолковались? Порадовался: свежая кровь запульсировала бурно. Резкие, жесткие слова, оценивающие их дела, как ни странно, не тяготили, не подействовали так, как на Боженко; напротив, вызвали в нем приток душевных сил, будто ощутил спиной стену, опору. Прошло чувство одиночества, неуверенности, какие прижились в нем издавна, с того часа, как ранней весной неподалеку, в Семеновке, выкликнули его имя. Видел только то, что было перед ним; врага знал в лицо, но ничего, кроме пустоты, не ощущал за спиной. Не на что было облокотиться, чтобы вздохнуть, глотнуть свежего воздуха. Совсем паршиво чувствовал себя в дни недавней заварухи в полку...

Кутаясь в тулуп, толкал в спину кучера: поднажми. «Что же там с немцами? – вновь возвращался мыслями в Ардон. – Что выдвигают? Как ведет себя Брилов?» Боженко получил недобрую весть. Вчера немцы разоружили на разъезде Святец два взвода его кавалеристов. А ведь по его распоряжению, комбрига, Боженко направил полк под Клинцы. Сообщая, старик не преминул подчеркнуть это. Нынче, определяя у карты боевые задачи, Локатош не отменил того распоряжения; приказал не топтаться у Клинцов, а добиваться главной цели – Чернигов – Киев.

– Наша дивизия входит в полосу Киевского направления. Таращанский и Богунский полки – ее острие, – сказал он на прощание.

Весть дрянная – разъезд Святец, но и она не могла омрачить настроения. Крови не

пролилось. Признак добрый. Подошел бронепоезд, высадил до сотни солдат; забрав оружие у таращанских конников, немцы укатили.

Предчувствие не обмануло. Достигнута обоюдодоприемлемая договоренность с солдатским полковым Советом о солидарности и совместных действиях. Пильц приводел с собою трех делегатов; Брилов тоже выставил равное число. Протокол совместного заседания по всей форме, с подписями, печатями. Мы оставляем немцев в покое, даем им возможность уехать. Они, в свою очередь, обязуются завтра, 11 декабря, очистить Клинцы, обещают пробыть в Новозыбкове одну ночь, оставлять на пути отхода все мосты, телеграф и телефон в полной сохранности. Гарантируют нас от столкновения с гайдамаками. Вчера отпустили наших пленных, а сегодня привезли раненых.

– А что на разъезде Святец? – спросил, едва сдерживая ликование.

– Вернули немцы оружие, – ответил Брилов. – Квятек от вашего имени дал предписание эскадрону Таращанского полка отойти из Святеца, освободить целиком дорогу для эвакуации.

В его отсутствие в полку произошло событие; сыграл в нем не последнюю роль Яков Зубов. Как-то по-иному взглянул на него. В бывшей роте Квятека перепились бойцы. Вскрылось, угостил хозяин, у кого стояли на постое; в подвале, под зимней кухней, обнаружили целый перегонный завод – гибла чистейшая пшеница, какой не дашь цены. В сердцах Зубов размолотил прикладом гадюшник, а «заводчика» приказал вывести на огород и расстрелять. Сам Зубов умолчал – докладывал Петро Лугинец. По его, подобный способ ни больше ни меньше как самочинство. Судить и рядить – дело трибунала.

– Ты требуешь наказания Зубова?

– Да не, мера вообще-то правильная, – не выдержал Петро неморгающего взгляда командира. – Закон военного времени...

В полдень строим, с песнями Богунский полк вошел в Клинцы. Все население встречало на улицах с красными флагами. Делегация от рабочих преподнесла хлеб-соль. Заводы, фабрики, электрическая и телефонная станции работали.

Пока идет по писаному. На сутки немцы затянули. Ночью из Унечи пошла телеграмма в Москву, наркому по иностранным делам Г. В. Чичерину:

«10 декабря с. г. в с. Туросна Черниговской губ. немецкими солдатами обезоружены гайдамацкие отряды, заявив им: «Довольно маскироваться, бегите куда глаза глядят. Мы вас больше не защищаем, вас защищает Скоропадский».

Немецкие солдаты требуют переизбрания соглашательского Гомельского немецкого Совета. В с. Туросна наши повстанцы соединились с немецкими солдатами и довольствуются с одной кухни, поют интернациональный гимн.

Командир бригады Щорс.

Политический комиссар Барабаш».

Выполнялось немцами все, кроме сроков. Затягивали, урывали сутки, двое на каждом населенном пункте, на каждом полустанке, разъезде. Неотступно, шаг за шагом следовали за ними богунцы и таращанцы. У Локатоша лопалось терпение – даешь Чернигов! У Новозыбкова немцы нарушили еще один пункт – взорвали мост.

Николай стойчески выдерживал натиск начдива и холодную рассудочность немецкого командования, он предпочитал молчаливое упорство. Даром время не терял – в освобожденных поселках устанавливал Советы, ревкомы, делился с ними последним.

От Новозыбкова пошло веселее. Заслонившись от гомельской группировки немцев небольшими силами, Богунский полк оторвался от железной дороги. Круто взял на юго-запад, напрямую – Городня. Путь пролегал по знакомым, хоженным местам, через Злынку на Спиридонову Буду. Левее, от посада Климово, устремился Таращанский полк. В Городне полки-побратимы должны встретиться. Таращанцы опередили. Получив сведения от разведчиков, Василий Боженко отправил конного в Семеновку, в штаб дивизии: «Доношу, что в городе Городня имеется до 2 тыс. человек гайдамаков и офицеров, а также и

петлюровские отряды. С петлюровцами надеюсь поладить и переубедить их, заставив перейти на нашу сторону. Гайдамаков думаю там бить. Срочно и затребовал один батальон Богунского полка. Следовало бы сюда стянуть и Нежинскую роту – к сахарному заводу, в Коряковку. Предлагаю именно там отрезать гайдамацким бандам отступление. Стянуть сюда Нежинскую роту следовало бы сейчас же, ибо время не терпит».

Локатош сообщил, что Щорс занимает Спиридонову Буду и будет принимать в лет о но направлению Городни. Нежинский батальон овладел селами Холмы и Авдеевка. Посоветовал связаться с ними и узнать лучше о Городне. Если слабая оборона, то занять. Не представится возможным закрепиться до подхода богунцев. Если петлюровцы перейдут на нашу сторону, то командный состав арестовать, солдат обезоружить и отправить под конвоем в штаб.

Боженко, не ожидая соседей, кинул на рассвете эскадрон Баляса на Городню. Конники ворвались на железнодорожную станцию, захватили вокзал. До трех десятков петлюровцев дружно подняли руки. После недолгих переговоров пленные были освобождены под честное слово не сражаться с красными. Они заявили, что перейдут все на кашу сторону – 600 человек. В город выехала делегация с политкомиссаром полка Шафранским.

Богунский полк вступил в Городню 2 января. Рукой подать до Сновска. Не может Николай вырваться даже на час. Одолевали окрестные партизанские отряды; ничтожный процент вливался в полк, брал молодых, годных к службе, стариков отправлял восвояси. Попадались и свои, сновские; где-то возле Злынки нежданно-негаданно предстал перед глазами не кто иной, как Сашка Мороз. Год назад отказался с ними уходить на Семеновку; теперь принесла какая-то нужда. Из беглого разговора оказалось, что он ушел из дому от гайдамаков. Хотели расстрелять. За что, Сашка так и не ответил. От него вызнал и о Константине. Как предрекал, на то и вышло: не удержался брат долго на середине реки, приблизился к берегу – чужому. Мороз толком не мог объяснить; не гайдамаки взяли – какие-то «офицеры». Укатил с ними в Екатеринослав. На отца, на младших хотелось взглянуть...

Немало хлопот доставляли немцы. Из Бахмача все тянутся на Гомель. Нынче остановились два эшелона; командование заявило, что им необходимо занять станцию и линию железной дороги для урегулирования эвакуации остальных полков, следующих из Конотопа и Бахмача. Николай послал с ответом Константина Лугинца: они-де не уполномочены решать такие вопросы и воспрепятствуют силой оружия. После долгих пререканий немцы постановили увезти эшелоны в Гомель и оттуда ходатайствовать перед рабоче-крестьянским правительством в Курске о скорейшей эвакуации оставшихся германских войск.

Ближайший рубеж – губернский центр Чернигов. До полуночи просиживали с начальником штаба Дани-люком над картой. За малым побольше полсотни верст; на полпути – местечко Седнев. Каждое утро конные разведчики Горянкина доставляют сведения. Постепенно прояснилось. В Чернигове полторы тысячи войск: офицерский отряд – 300 человек; петлюровцев – 200; батальон Черноморской дивизии – 400 штыков; местной охраны – 250; немцев – 100; остальные – сброд. В Седневе небольшой заслон петлюровцев и гайдамаков. Вызнали: офицерский отряд морально подавлен; половина из местной охраны не настроена воевать с большевиками.

Сила в Чернигове немалая, если учесть пушки и пулеметы. В городе колонна автомобилей, панцирный и броневой дивизион. Чувствовалось, при подходе к Киеву сопротивление врага растет.

Николай днями не покидал рот, батальонов, ночи проводил в штабе. С приходом Локатоша из тылов скудной струйкой потекли грузы – сапоги, шинели, белье. Всех не одеть, но на малые дыры – заплаты. На строжайшем учете каждая пара бязевого белья, простыня. Легче поделить боеприпасы между бойцами, хлеб, нежели обмундирование. Сапоги, шинель, комплект верхнего выдавались как высокая награда за боевой подвиг. И он, комполка, делил, распределял, награждал; тратил время на эту работу, приравнивая ее к оперативным делам.

Стужа набирала силу, а нужда брала за горло.

Среди ночи в штабную ввалился Петро Лугинец. У порога тер нещадно рыжей собачьей шапкой уши; не кряхтел, как обычно, входя с мороза в тепло.

– На огонек, Петро Потапович? – встретил начальник штаба.

Трибуналец не отозвался. Николай, взглянув ему в лицо, насторожился: с чем занесло? Движимый непонятным желанием оттянуть, по всему, недоброе сообщение, сказал укоряюще:

– Спал бы уж давно.

– До сна тут...

Так и есть, стряслось. Чутье подсказало, что случившееся касается его лично. Подтвердил взгляд, брошенный Петром на Данилюка. Этого еще недоставало – старший адъютант помешал.

– Что у тебя? – строго свел брови.

– Не обрадую, Николай Александрович... Снабженец наш, Гольдштейн, не докладывал?

– Смотря о чем.

– Вот-вот, бестия, ужом улизнул. Другие нехай...

Даже Данилюк, с проволочными нервами человек, и тот не выдержал:

– Не тяни, Петро Потапович.

– Обчистили снабженца. Оберемок простыней! Один из помощников...

Обухом по голове. В глазах зарябило. Сашка Мороз! Искал ему применения, намеревался еще в строй; окрутил снабженец Гольдштейн, окурил сладким дымом: без Мороза-де снабжение полка совсем захиреет. На тебе! Коварнее преступления не придумаешь. У себя же, своего серошинельного...

Лугинец тем временем выкладывал подробности:

– Все из-под полы пустил. Даже нестираные, из лазарета. Простыни что-о... От седел у разведчиков подкрылки пообрезал! Эти – сапожникам городнянским. Кожаный костюм зато справил себе, тужурку, галифе. Зараз бражничает в Сновске, «комиссарит» в хrome...

– Через час... на стол приговор ревтрибунала.

– Да приговор что, вот он...

Не видел Николай слов, отбитых на машинке; подпись ставил внизу листа наугад. Не слышал и собственного голоса:

– К утру доложишь исполнение.

Местечко Седнев лежало в низине; крайние хаты выходили на берег Снова. Родная река. Сердце замлело у Николая, когда поймал в бинокль заснеженную излучину, опушенную на том боку желтым камышком. Версты две до огородов.

Короток январский день. Уже вечереет, а ведь Городню оставили на рассвете. Малиновое солнце над зеленой щеткой сосняка. И вся картина выглядит такой мирной, безмятежно-покойной, что в Голову полезли мысли, далекие от действительности. Мальчишкой он бывал в этом местечке, летом, на телеге, с дедом Михайлой. Вспомнил и хату, у кого останавливались, поили коня, сами сидели за столом под камышовым навесом. Конопатая девчонка, без передних зубов, с красной тряпочкой в волосах, вела его огородом... Столб врытый, не то сухое дерево; наверху шапкой колесо, ворох хвороста – гнездо... Знает, вели его к аистятam. Не может вспомнить, видал ли их?..

За березняком – ружейная стрельба; прошел дважды короткими очередями пулемет. «Максим», – определил, сдерживая всполохнувшегося коня. Поступило донесение от головного разъезда: полчаса назад в Седнев по дороге из Чернигова вступил курень гайдамаков со станковыми пулеметами на санях, одним орудием и обозом. Орудие и обоз на площади; синежупанники кучно размещаются по хатам, часть пулеметов выдвинута на восточную окраину.

– Что за стрельба? – спросил Данилюк у разведчика.

– Пристрелка обнаковенная, оринтиры приглядывают...

Николай с адъютантами среди конников Божоры; опередил пехоту, тащившуюся следом на крестьянских обывательских подводах. Взяла тревога: пока подоспеют да развернутся для наступления, стемнеет, гайдамаки могут выскочить без потерь. Поделившись с начальником штаба, он послал распоряжение комбату Кощееву пересадить первую роту на сани с лучшими лошадьми и гнать что есть мочи.

– Мы атакуем с тыла. Зайдем этой балкой.

– Лошадью не пробьешься, – выразил сомнение Божора. – Снегу по брюхо.

– Спешимся.

Дали большой крюк по балке; вывела она их к южной окраине, к реке. Десятков до четырех спешенных конников. Подождав последних, негромко, осиливая одышку, Николай подал команду:

– В цепь...

Бежал, увязая в глубоком снегу, полы шинели путались в ногах. Огородами, садами достигли крайних дворов. Слышали, с правой руки разгорелась стрельба. Мешали плетни, клуни; проулки куда-то подевались. Не успели перекрыть главную улочку, уводившую на черниговский шлях. Гайдамаки густой вязкой массой уходили той же самой дорогой, какой недавно пришли; одуревшие от страха ездовые нахлестывали сытых коней. Пол-обоза с дымящимися кухнями осталось на площади; кинули впопыхах и пушку-трехдюймовку с упряжкой и зарядными ящиками.

Подбежал командир первой роты Процек; размахивая карабином, выдавил:

– Николай Александрович... Боялся опоздать... Гнал всю!

– Мы вот опоздали... Ушли ведь! Балка подвела...

– Не жалкуй... Все в Чернигове окажутся.

На ночь штаб расположился в школе. Не задерживали долго командиров; выдав приказы на завтра по овладению Черниговом, отправили спать. Укладывались уже и штабные. Квятек собирался тушить лампу. Вбежал в расхристанном полушубке Константин Лугинец. Лица на нем нет.

– Яков... Зубов! Застрелился...

Квятек пугнул матюком. Николай не сводил остановившегося взгляда с черного вестника...

Терял Николай близких и дальних; немало уже оставил после себя могил, братских и отдельных. Но эта утрата... Уму непостижима. Потрясла нелепостью. Дуло – в висок. Возмущение, гнев, дикая душевная боль, оторопь, жалость – все смешалось, спеклось в груди кровавым клубком.

Из Городни Зубов, напросившись, ездил в Семеновку, в штаб дивизии; заскакивал домой, дома узнал новость: невеста, ради которой ехал, вышла замуж. Вернувшись, с горя напился, куролесил на квартире. В политотделе всыпали ему все дружно. Вроде обошлось. А случилось дня через три... Как теперь выяснилось, у Зубова произошел еще разговор; кто-то из бойцов во всеуслышание ему ширнул в глаза: сам-де, мол, хлещешь, сходит с рук, а человека за самогонный аппарат на огород вывел...

В полдень 12 января Чернигов был взят. Операция повторилась седневская. Там участвовали конная разведка да одна рота, а здесь – весь полк. Первый батальон, на санях, с пулеметной командой и конниками, дав за ночь двадцативерстный кружный путь, на рассвете вышел к Десне и перекрыл шоссе на Киев; второй батальон ворвался в город по гомельскому шоссе; третий наступал на восточную окраину. Полуокруженные петлюровцы на улицах не оказывали сопротивления. В помощь наступающим выступил подпольный ревком. Упорный бой завязался на Десне, за Киевский мост. Стемнело уже, когда Николай по льду повел батальоны в атаку...

Дорога на Киев открылась. Начдив Иван Локатош денно и ночью подгонял части, не давая отдыха. 10 января в поселке Семеновка издал приказ о формировании дивизии, тем самым узаконил ее существование. Отменил названия у полков – «Богунский», «Таращанский», «Новгород-Северский». Как было, образовал две бригады; в 1-ю вошли 1-й

и 2-й полки под временным командованием Щорса. 2-ю бригаду составили 3-й и 4-й (из Нежинского батальона) полки под командованием Ковтуна. Приказ завершил грозными словами: «Вопреки точному приказу Революционного совета Украинской Советской Армии некоторые воинские части сохраняют свою старую организацию и старые названия. Категорически предписывается это своеволие прекратить. Все повстанческие отряды и так называемые полки и самостоятельные батальоны должны влиться в формируемые советские украинские пехотные и кавалерийские полки. Особые названия могут быть присвоены полкам лишь решением рабоче-крестьянского правительства Украины за особые боевые отличия.

Части, не подчиняющиеся этому приказу, будут считаться враждебными рабоче-крестьянскому делу, и с ними будет поступлено как с таковыми».

Богунцы опустили головы. Как понимать угрозу? Какими словами объяснить бойцам ликвидацию наименования? Николай, обескураженный еще и тем, что не знал, как воспринимать свое «временное» назначение на бригаду, постарался разрядить гнетущее состояние:

– Что ж, будем в боях заново добывать это имя.

Последнюю неделю января 1-я бригада не выходила из боев. Богунцы заняли Козелец; в тот же день таращанцы овладели Нежином. Петлюра уже не помышлял о сохранении Киева; терзала его одна мысль – подольше продержаться, чтобы вывезти из столицы не столько напуганную до смерти Директорию, как ценности, склады с оружием и продовольствием. Под пригородные села Семиполки, Дымерку, Богдановку и Пуховку бросал все новые и новые силы; у Броваров – пригородных позиций – готовился дать генеральное сражение. Лично руководил боем, призывал лечь до последнего солдата. Все не легли; сам «головной атаман» первым покинул «генеральное» сражение.

1 февраля в 2 часа дня бригада ворвалась в Бровары. Впервые так тесно, локоть к локтю, сошлись в бою полки-побратимы – Богунский и Таращанский.

До Киева рукой подать. С колокольни видать золотые купола.

– Ну, Мькола, ось вин, наш древний Киев! – радостно тряс его Боженко. – Кидай клич – утром буду со своей таращой звонить во все колокола, встречать богунцев.

– Не торопись, батько. В Киев войдем со своей музыкой. В Чернигове богунцы трофеем обзавелись – духовым оркестром.

– Чув. Дують вже, разучують «Интернационал».

– Займись, Василий Назарович, строим. Приодень, подтяни бойцов. Гости до нас... Антонов-Овсеенко.

Комфронта нагрел среди ночи. Николай, не искушенный в таких делах, был застигнут врасплох. Выручил вездесущий, пронырливый комендант штаба Гофман. Пока приезжие оттирали с холода уши, отводили душу табачком, он накрыл в соседней комнате стол. Получился ни поздний ужин, ни ранний завтрак.

Николая смутил внешний вид командующего фронтом. На военного он никак не похож, скорее на сельского учителя; длинные, по плечи, волосы, худое, в очках, лицо не вяжутся с защитным френчем, с огромными накладными карманами, модного покроя со времен Временного правительства. Притерпевшись возле него, послушав, ощутил обаяние, внутреннюю силу. Бубнов, помнит, производил такое впечатление. Куда подевались небрежные рыжие космы, сухожилая шея, длинные костлявые кисти рук. Говорил он не о Киеве поверженном, а о борьбе, которую они ведут, о тех сложностях во взаимоотношениях отдельных людей. В поведении некоторых советских руководящих учреждений по отношению к Украине, по его, сказываются еще до сих пор колебания; им, непосредственным работникам по восстановлению здесь Советской власти, приходится серьезно опасаться за будущее этой работы. Колебания те обусловлены тем преувеличенным значением, какое придают некоторые национально-сепаратистским тенденциям на Украине; он лично в ее рабочей среде тех тенденций не видит, в крестьянстве они в громадной степени изжиты за месяцы жестокой оккупации, когда «своя» национальная власть показала

реакционное обличье.

– «Самостийность» и помещичья кабала, – продолжал он, протирая носовым платком очки, – для громадного большинства украинского народа стали синонимами.

Потому Советская Армия, помогающая сбросить начисто эту кабалу и, по существу, сознательно, ни в чем не посягающая на самобытность Украины, встречает радушный прием со стороны ее крестьянских масс.

Им, непосредственным работникам по восстановлению здесь Советской власти, нужно быть чуткими, лояльными. Петлюровская пропаганда во все колокола звонит о «самостийности», ратует за «самобытность Украины», тем самым вносит в мысли трудящихся вредные идеи, колебания.

Разговор перекинулся на политику Петлюры и Винниченко. Начдив Локатош выразил удивление по поводу того, как они умудряются находить еще поддержку в среде трудового народа.

– Какого народа! – предупредительно поднял палец его сосед, член Реввоенсовета фронта Щаденко.

Николай знал, Локатош и Щаденко оба «царичане», в конце ноября, не то в декабре они появились у них целой группой вместе с бывшим командующим 10-й армией Ворошиловым. Из их разговоров, Ворошилов отошел якобы от военных дел и сейчас в составе Временного украинского правительства.

После ужина вернулись в штабную комнату. Прикуривая от лампы, Щаденко обнаружил ленту. Николай готов был сгореть. Помнит, сам засунул ее в ящик стола. Пройдоха этот Гофман подсунул высокому начальству не без умысла.

– Владимир Александрович, читайте! – Щаденко выставил над головой широкую алую ленту с текстом, написанным белыми масляными буквами: «За храбрость товарищу Щорсу от товарищей красноармейцев 8-й роты 12 января 1919 г.». – Во! Бойцы награждают своих командиров... Знаете, знаменательно. У нас в Царицыне такое считалось высокой наградой. Иван Семенович, подтверди.

Локатош возился с портсигаром, не ответил. Антонов-Овсеенко, ощупывая тонкими длинными пальцами прохладный шелк, мягко усмехался:

– Да, награда. Двенадцатое. За Чернигов, выходит.

Не хотелось Николаю поднимать разговор, но вызвал Щаденко – поинтересовался жизнью бригады.

– Хвалиться нечем, товарищ член Реввоенсовета.

– Обмундирование?

– На то жаловаться не намерен. Утром сами посмотрите.

– А что? – повернул голову Антонов-Овсеенко.

– Неуютно чувствую себя в качестве командира бригады. Бригада на бумаге. Фактически два самостоятельных полка. Тут в Броварах нас свела боевая обстановка. Нет штаба бригады, нет политорганов.

– Думается, товарищ Щорс, – комфронта перевел взгляд на Локатоша, – это временное явление, период организационного роста. Так, Иван Семенович?

– Да, да, – закивал начдив.

Николай умолчал о своем «временном» назначении на бригаду и об изъятии наименований полков.

Днем в Бровары прибыла из Киева делегация от подпольного комитета. Петлюровские войска эвакуируются; опасаются, сечевики могут учинить погром. Комфронта дал свое согласие к выступлению. Утром 5 февраля богунцы и таращанцы начали входить в оставленный город. В тот же день командование Украинского фронта послало представление о награждении 1-го Украинского советского полка, на что был незамедлительно дан ответ:

«Постановлением Временного украинского правительства от 7 февраля Богунскому и Таращанскому полкам за геройски-доблестные действия против врагов рабочих и крестьян вручаются Почетные Красные знамена. Командирам названных полков тов. Щорсу и тов.

Боженко за умелое руководство и поддержание революционной дисциплины во вверенных им частях вручается почетное золотое оружие. Богунскому и Таращанскому полкам сохраняется их наименование».

Локатош был назначен начальником гарнизона Киева, Щорс – комендантом.

Войска входили в Киев. Февральское солнце радовало, слепило; потеплевший ветер трепал флаги, далеко разносил звуки духового оркестра. Киевляне вышли на улицы. От Подола, пристанища бедноты, народ шел сплошной стеной. На Крещатике – Царской площади – состоялся митинг. С балкона думы, увитого кумачом, кромсал кулаком ростепельный воздух Андрей Бубнов. Прибыл в город он раньше войск, еще ночью, своими хоженными путями; тотчас вывел из подполья исполком Совета. Сиплый от волнения и важности момента голос его не доставал края площади, забитой до отказа. Разгоряченный, после речи обнимал тут же на балконе Боженко и Щорса.

Не имел еще пристанища, крыши над головой, а комендантские обязанности уже навалились на Николая. Обступили у здания думы какие-то гражданские и военные, тыча бумажки, на кои нужны немедленно печать и подпись коменданта города.

В этот же день горластые мальчишки размахивали на всех перекрестках свежей газетой «Киевский коммунист», изнудившейся в долгом подполье. На самом видном месте – приказы от имени Временного Советского правительства Украины.

Приказ № 1

Объявляется гражданам г. Киева, что вся власть в Киеве принадлежит исполнительному комитету Совета рабочих депутатов. Органы прежней власти упраздняются. Все приказы и постановления исполкома беспрекословно должны исполняться.

Виновные в неисполнении таковых подлежат суду военно-революционного трибунала.

Приказ № 2

Г. Киев объявляется на осадном положении. Хожение по городу разрешается до 7 час. вечера. Предлагаем гражданам сдать все имеющееся оружие, бинокли, военное снаряжение и т. п. коменданту города в 24 часа. Виновные в неисполнении данного распоряжения подлежат суду военно-революционного трибунала.

Приказ № 3

Приказываю всем солдатам и офицерам войск гетмана и Петлюры немедленно явиться для регистрации к коменданту.

За укрывательство такие виновные подлежат суду.

Приказ № 4

Обыски, выемки, реквизиции, аресты и т. п. будут производиться по ордерам чрезвычайной комиссии.

Лица, пытающиеся произвести обыски, реквизиции и т. п. без ордеров или по ордерам, выданным не чрезвычайной комиссией, должны быть задержаны и доставлены в чрезвычайную комиссию для привлечения к законной ответственности.

Приказ № 5

Приказываем караульным частям по охране революционного порядка г. Киева грабителей беспощадно расстреливать на месте преступления.

Приказ № 6

Продажа спиртных напитков безусловно воспрещается. Винные склады, магазины и распивочные должны быть закрыты. Граждан в нетрезвом виде арестовывать.

Продающие спиртные напитки будут преданы военнореволюционному суду, а имущество конфисковано.

Начальник гарнизона г. Киева И. Локатош

Комендант г. Киева Н. Щорс.

Всеведущий комендант полка Гофман предложил разместиться штабу в бывшей резиденции Петлюры.

– Я все там осмотрел. Нас ждут.

Данилюк, переняв построжавший взгляд Щорса, поддержал хозяйственника.

– Николай Александрович, все одно дворец тот охранять нам. Ценности, хоть и царские...

– Бывшие, – обрадовался Гофман. – А теперь наши.

Николай молча потянул с вешалки шинель.

Мрачный на вид дворец занимал целый квартал в аристократической части города – Липках. Не один десяток лет он служил царствующей фамилии резиденцией в Киеве. Недолго довелось «царствовать» в нем Скоропадскому, а еще меньше – Симону Петлюре. Вошли в парадный подъезд. В большом зале, по-видимому приемной, уже выстроилась длинная шеренга людей, одетых в одинаковые темно-синего цвета фраки с блестящими пуговицами. От шеренги отделился осанистый седой человек.

– Я дворецкий, – с поклоном сказал он. – Являюсь старшим из прислуги. Всех нас сорок человек. Мы много лет обслуживаем дворец и его хозяев. Петлюровские молодцы хотели вывезти отсюда ценности, но мы их прятали и отстояли. Во дворце все цело и в порядке. Надеемся, что и вы останетесь нами довольны. Все ключи у меня. Какие будут от вас распоряжения?

Николай усмехнулся.

– То, что вы бережете дворец и его ценности, – правильно. Теперь этот дворец со всем, что в нем имеется, принадлежит трудовому народу. Нам же никакой прислуги не нужно, обслуживаем себя мы сами. Мы осмотрим дворец и займем три-четыре комнаты. Все остальные помещения заприте. За их целость вы отвечаете.

– А как же с нами? – оторопело спросил дворецкий. – Ведь мы все здесь живем.

– Ну и живите пока, как жили. Советская власть обеспечит вас жильем и работой.

День и ночь Николай пропадал в комендатуре. Редко появлялся в царских хоромах. Норовил к обеду. Штабисты собирались в дворцовой столовой – просторном зале, отделанном мореным дубом и цветным мрамором, с лепным потолком. Сидя небольшой кучкой за огромным столом – вместит до роты, – ели борщ и кашу из походной кухни комендантской команды полка. Со стен, казалось, с неудовольствием, как на дворовых людей, глядели на них из богатых рам все украинские гетманы, Портрет последнего – Скоропадского – у всех вызывал усмешку: к его губам какой-то шутник-богунец прилепил махорочный окурок.

Из комендантской чаши Николай хлебнул в первую же ночь. С темнотой в городе поднялась стрельба. Караульные сперва кидались на каждый выстрел. Кто стрелял? В кого? Больше стрельба бесцельная, бессмысленная; палят свои же, из озорства – сдернул винт с плеча, нажал пальцем, в темный свет как в копейку. Прихватили до десятка. Другие стреляют, мол, вот в ответ. Что велишь? Посадить на гауптвахту? Всех не пересажаешь. Гоняясь за любителями-стрелками, упустили матерых белогвардейцев-provokаторов, паливших в темных закоулках, а то и убийц, грабителей, охотников до чужих душ и кошельков. Оказалось, ночью перед вступлением советских войск в город бежало из Лукьяновской тюрьмы немало бандитов-рецидивистов. Утром вскрылась еще беда – массовые хищения дров, заготовленных для Киева. В Совете ухватились за голову: через неделю город нечем будет отапливать.

Следующая ночь не принесла облегчения. Начались повальные грабежи, убийства. Промышляли «лукьяновцы» и шайки, сбежавшиеся со всей голодной России в сытый край;

под видом грабителей орудовали петлюровцы, офицеры без роду и племени. Поползли слухи один другого страшнее – о тучах китайцев-нехристей с кривыми ножами, состоявших на службе у евреев-коммунистов, в Одессе высаживаются какие-то черные из-за дальних морей-океанов, волосатые, зубов полон рот.

Случались ночи, когда Николай добавочно подымал в ружье ротами таращанцев и богунцев. Сам с вечера и до утра не покидал автомобиля, мыкаясь по черным тесным тупикам городских окраин. Газеты пестрели приказами: об ответственности за хищение дров, о сдаче оружия, о борьбе против антисемитизма, о привлечении к ответственности военнослужащих за бесцельную стрельбу, об учете отпуска горючих и смазочных материалов, о правилах проезда военнослужащих в трамваях, об ответственности за распространение провокационных слухов, об учете жилых домов, принадлежащих буржуазии, для переселения в них семей рабочих и т. д.

Приемная комендатуры всегда битком. Толкались жалобщики, просители, частные и от всяческих обществ; нужда в крепкой комендантской руке ощущалась у вновь создаваемых советских учреждений. По-прежнему густо вились журналисты; сторожили они у дверей кабинета, на перекрестках, зная в глаза задрипанный, некогда черный комендантский автомобиль.

Нынче с утра Николай побывал в Казенной палате. Тревожные вести получил от комиссара по охране культурных учреждений и организаций Мазуренко. Какие-то элементы, по всему из «лукьяновцев», рвались ночью в архив; служащие, боясь открытых нападений, отказывались выходить на работу. Там же выдал главному архивариусу охранное свидетельство: «Архив бывшей Киевской Казенной палаты, который имеет историческую ценность, находится под нашей охраной. Служащие архива должны продолжать свою работу и охранять архив от порчи и уничтожения. Ни один документ не может быть выдан из архива без разрешения комиссара по охране культурных учреждений и организаций».

В приемной, проталкиваясь к своей двери, Николай споткнулся взглядом о знакомое лицо. Уже в кабинете, стаскивая шинель, вдруг ощутил горячий прилив к щекам. Никита Буряк! Соученик по фельдшерской школе.

Шел тот на год старше, но это не мешало им водить одну компанию. Из Чернигова Никита. Помнил, по окончании его направляли в военный госпиталь, за крепостной вал. Укорял сам себя: до сей поры не проскочил на Гору. Четыре года! Приказав помощнику выкликнуть того из приемной, с напряжением глядел на дверь.

Ввалилось человек пять. Ба! Еще один – Петруня Андрей. С этим и вовсе был близок. Сдерживаясь, чтобы не кинуться на шею, крепко жал однокашникам руки, выискивая взглядом в возмужалых лицах сохранившиеся мальчишеские приметы. Находил, восстанавливал в памяти. У Андрея шрамик над бровью давний; глубокая морщина, похоже как ножевой порез, разделила на равные доли выпуклый лоб. Не было ее...

– Бороду к усам выкохал, – оголял в улыбке обкуренные зубы Петруня. – И не угадать. А был чистеньким, румяным хлопчиком...

– Возмужал, – нашелся Никита Буряк.

Однокашники щадили. Выводя их из неловкого положения, Николай перевел разговор на давнее. Школа, как и госпиталь, существует, но едва тянет ноги. Тот же и начальник, генерал Калашников; постарел, правда, до ветхости. На месте многие воспитатели, врачи; перебрали всех по кличкам. Николай, не выбиваясь из веселой беседы, мельком окидывал бумагу, подsunутую Петруней. Нужда, нужда. Нет дров, нет госпитального белья, нет медикаментов, нет продовольствия... В палатах до сотни больных.

– Петлюровцы? – спросил он.

Напряженное молчание разрушил самый пожилой из просителей, с голым теменем, бритый кругом старикан, с густыми темными клочками бровей. Представили как врача. Не помнил его; ни в школе не видал, ни в госпитале на практических занятиях. Обдавая горячим дыханием стекла пенсне, шевеля бровями, напомнил с укором:

– Гражданин комендант, долг врача... выше всякой политики.

– Лаврентий Капитоныч! – ухватил его за рукав Петруня. Виновато моргая припухлыми веками, сглаживал: – Это всего – до сотни. С красными. А из тех., и двух десятков не оставалось. Кого надо, Петлюра эвакуировал.

– Напрасно встревожились, – успокоил Николай. – Долгу врача нас вместе обучали... Правда, не помню, чтобы долг отрывали от политики.

Получив охранное свидетельство, ходоки покинули кабинет.

Поздно вечером в комендатуру нагрянул с какими-то гражданскими Шафранский. Высокий, смуглолицый, с роскошной черной шевелюрой, он с первой встречи лег на душу Николаю. Еще в Стародубе того назначили политическим комиссаром в Таращанский полк. Видя, что у Барабаша не клеится, все чаще поглядывал на Шафранского, общительный, жизнерадостный, таким людям легче пробиваться к красноармейским сердцам. С Барабашом расстался без сожаления. Получив приказ о сведении таращанцев и богунцев в бригаду, настоял об утверждении военкомбригом его.

– Кого привел! – ослепляя с порога улыбкой, заговорил громко Шафранский. – Сотрудников Украинского телеграфного агентства. УТА называется. Не могут тебя прихватить. Все подступы на Крещатику перекрыли к комендатуре, «форд» твой ловят.

– По Крещатику пешком я хожу.

– Не хмурься, Николай Александрович, нужен им комбриг, не комендант. А признаться, и сам я рад глянуть, В штабе не появляешься. Засосало...

Выйдя из-за стола, хозяин усадил сотрудников УТА к кафельному камину, недавно прогоревшему.

– Товарищ Щорс, – с лету навалился рыжебородый толстяк в волчьей дохе, пристраивая на коленях пухлый, затасканный блокнот, – нарисуйте, пожалуйста, в общих чертах картину наступления советских войск на Украину вообще и на Киев в частности.

– Исчерпывающий ответ вам могут дать только в штабе фронта.

Шафранский, оглаживая ладонями теплый кафель, кивал: давай, мол, иначе от этого народа не отбояришься. Пришлось рисовать «общую картину». Еще с лета 18-го в районе Курска началось формирование группы войск Курского направления. А с ноября повелось наступление по всему Украинскому фронту.

– Из кого комплектуются советские войска? – спросила единственная среди журналистов женщина, молодая, с нервным худым лицом.

Николай понимал тайный смысл вопроса: одолевают черные слухи не только мещан.

– Преимущественно из селян. Рабочих мало. По пути наступления к регулярным частям присоединялись партизанские отряды, организованные подпольными ревкомками. Отряды эти сливались с армией.

– Как осуществлялось наступление? – рыжебородый в дохе будто сушняку подбросил в костерок.

– Наступление на Украину велось по двум направлениям: Киев и Харьков. На путях к Киеву мы не встречали особого упорного сопротивления. Более или менее крупные боевые столкновения происходили в Городне, Седневе, Чернигове, Бахмаче, Нежине, Краснове, Дымерке, Богдановне и Семиполках.

– В иных из этих мест бои были упорные и напряженные, – не утерпел Шафранский. – Бывало, немецкие гарнизоны помогали петлюровцам.

– И что в таких случаях?

– Немецкие части обезоруживались и отправлялись на родину. Петлюровцы целыми куренями переходили на нашу сторону. Не принимали их, так как бойцы относятся с презрением к перебежчикам. Распускали по домам.

– О боях за Киев несколько слов, – подали голос.

– Бои за Киев велись в районе Броваров. Сопротивление оказали сечевые стрельцы. Сечевики самые стойкие части в войсках Директории. От Броваров пути к Киеву были свободны. В феврале мы вступили в город.

Последние слова Николай говорил уже на ходу, направляясь в боковую дверь, откуда

делал жесты дежурный телефонист.

Фронт звал.

Богунцы и таращанцы, отдохнувшие, добыв в последних боях – как награду – свои наименования, выступили в поход. Мало удавалось поспать самому комбригу. Комендантская жизнь оказалась колготной, сутолочной, ночью даже не распоряжался собой. Очутившись в своем штабном вагоне, за десять суток Николай впервые заснул как убитый.

Среди перегона в вагон влезли таращанцы. В салоне стало тесно. Один Боженко занял пол-лавки в своем романовском кожухе.

Докладывал Данилюк. Прикрепив в простенке карту, разрисованную цветными карандашами, он раскрывал общую стратегическую обстановку на Правобережной Украине, касаясь своей и чужой сторон. Сведения его самые свежие – вернулся из штаба дивизии. Николай, оторвавшись от дел фронта, теперь слышал многое впервые; события меняются каждый час как на фронте, так и в тылу. Вести добрые: петлюровские войска, не принимая боя, бегут на Фастов, Житомир, Винницу, Умань. Сколачиваются группировки противника в районе Житомир – Бердичев, где верховодит атаман Коновалец, тысяч за 10 сечевиков, под Уманью атаман Волошенко собрал 15 тысяч; на левом фланге, в районе Коростеня, сосредоточено 6 полков. Сам Петлюра с Директорией прижились в Виннице.

Данилюк, копаясь в бумагах, продолжал:

– Армия Петлюры в полном разложении. И, как видим, раздроблена на отдельные отряды. В лучшем состоянии у него два полка пехоты с сильной артиллерией, один полк конницы и четыре бронированных поезда в районе Житомир – Коростень. Перед нашей бригадой на Фастов – Каватин откатывается до 12 тысяч деморализованных синезупанников. Но угроза – вот.

Энергичным жестом он провел тупым концом карандаша по западной границе от Одессы до Сарн, Ровно.

По имеющимся сведениям, галицийское правительство Голубовского прекратило войну с поляками, начинает переброску освобожденных полков для поддержания Директории. Фактически Директория распалась, образовалась военная диктатура Петлюры с Грековым. В Галиции до 200 тысяч войск – «галицийская армия» так называемая. Хорошо вооружены и обучены. Неизвестно, сколько выставит Польша. Зато в Одессе, по последним данным, тысяч до 20 всяких там французов, англичан, итальянцев. Французские колониальные войска составляют сенегальцы. Из Константинополя прибыл на днях транспорт с греческими войсками. Численность не установлена.

– Чем располагаем на сегодня мы? – поставил вопрос Данилюк. – В киевскую группу входят, как известно, 1-я и 2-я украинские дивизии, Особая кавбригада Крючковского, четыре полка, Отдельная стрелковая бригада Маслова, три полка. Харьковскую группу составляют 26 отрядов Григорьева, два полка Махно и бригада Такенджанца. Есть, разумеется, и резервы у фронта, но о них на совещании велели помалкивать.

– Не густо, – вздохнул Боженко, выразив мнение всех присутствующих.

Николай говорил мало. Поставил ближайшую задачу полкам – овладеть Фастовом, крупным железнодорожным узлом; вся дивизия развивает в дальнейшем наступление на Казатин, Бердичев, Житомир, Винницу и Коростень.

– Фронт слишком широк, – он указал кивком на карту. – Используйте каждый час, пока противник бежит, не оказывает сопротивления. Гнать, гнать и гнать!

20 февраля бригада без боя вошла в Фастов. Петлюровцы уходили на Казатин; за ними неотступно следовали конники Баляса и Божоры, сопровождаемые бронепоездом. На другой день в Фастов нагрянуло начальство – начдив Локатош и военкомдив Панафидин. Пришлось на сутки задержать движение. Под смотр попали Богунский полк и батальон таращанцев. Богунцами Локатош остался доволен; батальон таращанцев нашел плохо одетым, без шинелей и сапог.

– Вид красноармейцев великолепный, настроение бодрое, строй и дисциплина вполне

заслуживают звания регулярных частей, – заявил он. – За образцовый революционный вид частей, дисциплину, порядок и специальную подготовку командиру бригады выражаю особую коммунистическую признательность революционера.

Вид у самого Локатоша был неважный. Земля слухами полнится. Шепнул Петренко: вновь назначенный командующий Киевского направления Мацилецкий недоволен, мол, действиями Локатоша, дал ему разгон. Николай, смущенный доверительной беседой, попробовал отшутиться:

– Если обо мне, слухам не верю. Прошел слух, коня моего увели. А я езжу все на нем.

Петренко издавна формирует при дивизии кавалерийскую бригаду. Со своими помощниками он неотступно следует за наступающими войсками в надежде поживиться чем-нибудь из трофеев. Люди подбираются, а с лошадьми беда. Выпавив никчемную байку о своем коне, Николай понял, что поступил бестактно.

– Извини, Сергей Иванович. А Локатош в самом деле показался странным, подавленным.

Может быть, тот разговор и забылся бы. Именно Петренко напомнил его дней через пять-шесть. Части дивизии уже овладели железнодорожным узлом Казатин и городом Бердичевом; Богунский полк подступал к Житомиру. На станции Казатин в штабной вагон ввалился, как и тогда, в Фастове, Петренко, а с ним и давний друг – Коцар. Как ни был Николай утомлен – явился от богунцев, – с мальчишеской резвостью кинулся на Коцара. Тискали друг друга, ломали, толкая сбившихся вокруг штабистов. Возбуждение остудил Петренко; окидывая хитрым взглядом своего спутника, говорил:

– Вчера подписано постановление Реввоенсовета. Начдивом 1-й советской назначен товарищ Щорс, Исакович исполняет обязанности военкома дивизии. Подъедет он позже.

Вести не столько обрадовали Николая, сколько ошеломили.

– Назначен и новый начальник штаба. Кассэр, Сергей Васильевич. Из «бывших». Уже у Казатина со всем штабным хозяйством, – продолжая выкладывать новости, Петренко вдруг напомнил: – Так что, Николай Александрович, коня своего все-таки ты лишишься... Уведу. На машине начдиву положено. А за коня мотоциклет взамен.

– Подумаю. После распутицы. Просохнут дороги...

Ночью с бронелетучкой прибыли вагоны со штабом дивизии. К утру Николай сочинил свой первый приказ:

Войскам 1-й Советской Украинской дивизии

г. Казатин 11 марта 1919 г.

№ 64

§ 1

Я с 8 марта вступил в командование 1-й Советской Украинской дивизией.

Основание: постановление Реввоенсовета группы войск Киевского направления от 5 сего марта за № 356.

§ 2

Товарищи красные командиры и красноармейцы! Я обращаюсь к вам с товарищеским приветом и в то же время прошу твердо помнить, что вся наша общая работа в дивизии против врагов революции и народа тогда лишь будет продуктивна и крепка, когда будет основываться не только на взаимном доверии друг к другу, но и на активном участии всех товарищей красных командиров и красноармейцев. Каждый товарищ должен проникнуться той мыслью, что только при той сплоченной, тесной централизации и сознательной товарищеской дисциплине мы сильны и нам никакие силы неприятеля не страшны.

Товарищи красноармейцы, твердо помните, что в рядах революционных красных войск

находятся лучшие сыны рабочих и крестьян, которые в борьбе за осуществление идей коммунизма отдают свою жизнь.

Товарищи красноармейцы, я более чем уверен, я убежден в том, что общими силами, участием всех сознательных товарищей мы создадим твердую, мощную, сознательную товарищескую дисциплину – мы дети семьи трудовой, «мы армии народной коммуны, мы желаем, мы можем, мы умеем и мы создадим».

Да здравствует власть Советов на Украине и во всем мире!

Да здравствует Красная Армия со своей мощной, сознательной товарищеской дисциплиной!

Начальник 1-й Советской Украинской дивизии Щорс.

Начальник штаба Кассэр.

Осматривал начдив полки на походе. Дивизия, выдвинувшись на линию Махновка – Зогулинцы, перешла в наступление на Винницу – ставку Петлюры. Войска тащились вдоль железнодорожной насыпи; за бронепоездом катили летучки с боепитанием и продовольствием. Грунтовые, лесные дороги с каждым часом дурнели, речушки, низкие места набухали от талой воды. Колеса вязли по ступицу. Выручал, как и всегда, конь.

– Нет, не дожидаться Петренко от меня коня, – обернувшись в седле, говорил Николай Никите. – Пропаду без него. А мотоциклетов своих ворох, в Каватине захватили.

У богунцев не задерживался. Назначил Квятека в Богунский полк; в помощники ему оставил Данилюка – уступил настырному. Недолго побыл и у Боженко: комсостав тарашанцев помнил в лицо вплоть до отделенных. Мало чего мог сказать о 3-м и 4-м полках. Памятуя о своих переживаниях, про себя называл их по старинке – новгородсеверцы и нежинцы. Добьется восстановления и им наименования: представит после первых же удачных боев ходатайство Реввоенсовету фронта. Поближе узнал обоих комполков – Тимофея Черняка, новгородсеверца, и Гергуля, нежинца. Впечатление от смотра удручающее: бойцы разуты, раздеты, плохо вооружены. Приток пополнения радовал. В Богунском полку 2400 штыков; в Тарашанском – 3100; у новгородсеверцев – 1986; у нежинцев – 1721. Есть пятый пехотный полк – 22-й: 1100 штыков. В глаза даже не видал. Стоит он где-то в Бруславе, доформировывается. У Петренко один полк уже в седле – около 900 сабель. Петлюровцы, отступая, много чего оставляют после себя – лошадей, седла. К маю комбриг надеется полностью укомплектовать бригаду. Около 600 бойцов в батареях.

Внушительное хозяйство. Людей надо не только вести в бой, их надо кормить, одевать...

Винница неожиданно обрела стратегическое значение. Помимо того, что там нашла приют Директория, основав политический центр Волыни, Подолии, город держал в руках узел железных дорог, уводивших на юг, в Одессу, и на запад, в Галицию. Петлюра, заламывая пальцы, считал часы, когда потекут по тем дорогам эшелоны с войсками. Галиция начала помалу отзываться; Одесса помалкивает. Ни куют, ни мелют новые союзники; грузы поступают, а вместо солдат пока обещания. А держаться все труднее и труднее.

В военном отношении особое значение Винница приобретает в штабах как на той, так и на этой стороне. Едва представившись, начальник штаба дивизии Кассэр налег локтями на карту. Винница, Винница! Николай, не перебивая, следил за вялыми движениями белых припухлых кистей рук. Их дивизия, Особая кавалерийская и Отдельная стрелковая бригады не разбили бердичевско-житомирскую группу атамана Коновальца, а отодвинули. Тем самым выдался правый фланг фронта далеко вперед. А в Виннице сосредоточилась южная группа петлюровцев под общим руководством атамана Волошенко. Она и преградила дорогу от Умани на запад 2-й советской дивизии.

– Пока Запорожский корпус у атамана Волошенко существует, Винница будет нам, правому крылу, угрожать. Сохраняется угроза и Киеву. Захват Винницы разорвет Петлюре связи с союзниками на юге и с Галицией. Мало того, устранил опасность захода нам в тыл,

во фланг. Уяснили задачу, товарищ начдив?

Есть же вот такие люди, оторванные от всего на свете, живут только тем, что лежит у них под руками. Кассэр – тот человек; кроме карт и директив, ничего не знает. А может, первое впечатление обманчиво? Наверяд ли он хотел его обидеть вопросом своим. Что ж, не будет с ним резок.

– Вполне, товарищ начальник штаба дивизии. Эту задачу Богунский и Таращанский полки уже выполняют. Сегодня утром они были в двадцати верстах от Винницы. Задержал взорванный железнодорожный мост через Южный Буг. Я срочно отправляюсь туда.

Видал, как руки заостенелого штабиста застывали у швов солдатских шаровар. Кстати, и рубаха на нем простая; белый подворотничок, подшитый безукоризненно, только и освежает. «Надо бы одеть попримечнее, – подумал он. – Генштабист ведь...»

– Сергей Васильевич, займитесь тылами. Черт ногу сломает... Ей-богу. Отзовусь из Винницы.

Винница была взята 18 марта. Стиснутые богунцами и таращанцами со всех сторон, не ожидавшие в такую распутицу наступления, петлюровцы не успели эвакуировать город. Комполка Квятек с конниками Божоры первый влетел на вокзал. Синежупанники, набитые в теплушки, так и остались на путях; успел укатить на соседнюю станцию, в Жмеринку, только штабной состав.

Петлюра, потеряв вторую свою столицу, оказался в тяжелом положении. Войска его были разрублены, будто шашкой, на две неравные доли. Успевшая отойти винницкая группа под командой атамана Волошенко попала под удар 2-й Украинской советской дивизии в районе Вапнярки. Таращанский полк, не останавливаясь в Виннице, захватил Жмеринку.

Всю Подолию охватили крестьянские восстания. Убежавшая в Проскуров Директория вынуждена была срочно перебраться в Каменец-Подольский; там тоже она не нашла покоя – восстали мобилизованные Петлюрой крестьяне. В городах и селах восставшие устанавливали Советскую власть. Революционные выступления проникли и в Бессарабию – против румынских бояр.

Поздно вечером в Винницу прикатил штабной поезд. Со штабом прибыл и Исакович. Навалившиеся приказы, тревожные телеграфные разговоры не давали выкроить у ночи и полчаса – посидеть мирной компанией, как это случалось в Унече. Своя победа здесь, под Винницей, вызвавшая радостное чувство, глушилась бедой со стороны – неладно под Коростенем. Срочно требуют помощи, войск. Исакович, явившись из Киева, знал больше, нежели то доносили бумажные ленты.

– Киев в опасности, – объявил он, едва успев поздороваться. – Выручай, Николай Александрович. Сечевики Коновальца жмут на Бородянку. Полета верст от Киева. Резервов у Мацилецкого нет.

– Ты раздевайся, на ногах, гляжу, не стоишь. – Николай принял его шинель, повесил на крюк. – Богунцы грузятся в вагоны. В двадцать три ноль-ноль отправляется первый эшелон. Завтра погрузку начнут нежинцы. Порожняка не хватает. Проходи к столу, отогреем тебя...

Ужин собрали тут же у Кассэра, в оперативном салоне. Николай сразу заметил обнову на начальнике штаба: суконная офицерская гимнастерка, совершенно новая, темно-синие галифе с хромовыми леями. Отбывая тогда из Казатина, шепнул своим снабженцам, чтобы позаботились о начштадиве. Определенно и в лице его что-то изменилось – ожило, стало сосредоточенно-энергичным. Слушая военкома, тот делал пометки в блокнот; косился на карту, сдвинутую на край стола.

Оказывается, покуда они тут разделялись с самим «головным атаманом», сечевики Коновальца делали то же самое над ними под Коростенем. Петлюра все-таки дождался помощи. Боярская Румыния развернула по Днестру две дивизии; панская Польша, обеспокоенная победой большевиков, двинула свои войска на Ковель, Пинск и Сарны, навстречу отступающим сечевикам. Подняв голову, Петлюра вздумал взять реванш; для контрудара он выбрал удачный район – Коростень. Железнодорожный узел, откуда идут ветки на Киев, Москву, Одессу, в Галицию. Место самое уязвимое – стык фронтов,

Западного и Украинского. Захват Коростеня выводит его войска прямо на Киев, а это значит – нам в тыл. К тому же у нас нет там сил. Два полка 17-й дивизии, соседей, Западного фронта, да два нашего, Украинского, – 11-й и 20-й пограничные 3-й пограндивизии.

– Как это нет сил! – возмутился Николай. – Куда смотрит штаб Мацилецкого? Кто этот Дубовый, начальник штаба у него?

– Симпатичный парень, – сказал Исакович, желая не вносить смуту. – Великан с бородой. Загляденье. Тоже «царичанин».

– Без сомнения, просчет штаба армии налицо, – поддержал начдива Кассэр, подтягивая ближе карту. – Ему-то виднее всех должно быть... Вот она, дыра, в самом стыке фронтов. Шагай по коростеньской ветке, как по плацу. Тем более выступления Польши ждали с часу на час.

Теперь уже Николай свернул этот разговор, ни к чему, кроме заглазной ругани, не приведший бы.

– Давайте-ка к своим делам непосредственным поближе. Пока время терпит. Боюсь, к утру сам Антонов не то еще потребует от нас при такой обстановке...

Самое уязвимое место в дивизии – снабжение. Великие муки Николай испытывал и раньше, но тогда был полк, нынче – четыре. Кавалерию Петренко и 22-й полк не брал. Болтались они где-то в тылах, на самообслуживании. Руки до них не доходили. Понимал трудности, нехватку, в то же время видел нерадивость людей, поставленных при этом деле, халатность, бездушие. Наследие Локатош оставил несладкое. Не винил его – не сидел сложа руки. Помнит, как тот выбивал где-то в верхах деньги, обмундирование; рассылал тотчас полкам. Уже через неделю, докопавшись до корня зла, сам он навалился на снабженцев. Кое-кого пришлось сместить, иного встряхнуть за ворот. Забрал у богунцев Гольдштейна – этот уж исполнительный.

– Ворох бумаг! Вот... жалоб... – Николай хмуро поглядывал на молчавших военкома и начштаба. – Одолевают ходоки. Красноармейцы и командиры. С декабря жалованья не получают! Владимир Николаевич, помогай. Завалят нас с начальником штаба жалобами, оперативными делами некогда будет заниматься. Изгонять халатность из снабженцев всеми силами, вплоть до трибунала.

– Я поддерживаю, – согласился Исакович.

В приказ войскам дивизии о делах оперативных включили обширный пункт по хозяйственной части об упорядочении снабжения военнослужащих всеми видами довольствия.

Судьба Киева висела на волоске. Из Коростеня атаман Коновалец все силы бросил вдоль железной дороги. За бронепоездами двигались эшелоны сечевиков. Богунцы успели добраться до станции Бородянка – пятьдесят верст от Киева; под обстрелом петлюровских бронепоездов выскакивали из вагонов, ротами вступали в бой. Совместно с наспех сколоченной дружиной железнодорожников, поддерживаемые огнем бронепоездов, штыками опрокинули передовые курени петлюровской армии. Наутро подкатили из Винницы нежинцы, из Киева отряды рабочих. Отступая, сечевики пытались взорвать железнодорожный мост через реку Тетерев. Смельчаки богунцы из третьего батальона Гавриченко, перебежав мост, оборвали уже шипящие бикфордовы шнуры и разбросали пироксилиновые шашки.

У моста, срезанный в ногу из пулемета, упал Квятек. Залитого кровью, вытащила его из огня Соня Алтухова, сестра милосердия. В командование полком вступил Данилюк.

Бои под Коростенем затянулись. Весенняя ростепель, невылазная грязь, прочно укрепленные позиции и два бронепоезда, раскатывающие по пяти выходящим веткам, затрудняли наступление. Зато к Киеву поставлен прочный заслон.

В последние дни марта петлюровцы повели наступление из Житомира на Бердичев. Бельмом в глазу торчал у Петлюры Бердичев. 2-я Украинская советская дивизия, заняв у Проскурова городки Литин и Летичев, северо-западнее Винницы, совместно с войсками

бердичевского боевого участка выходила на тылы куреней атамана Коновальца. Это и толкало Петлюру к захвату города. Как и Коростень, Бердичев имел стратегическое значение на подступах к Киеву.

Не меньше значил город и для советского командования. Узел дорог и опорный пункт прикрывали фланг и тыл дивизии Щорса; лишись его, враг рассекает фронт – 2-я дивизия в районе Вапнярки оказалась бы в окружении. Поэтому сюда спешно стянули полки кавбригады Крючковского и пехоту Маслова. Сил тех явно не хватало.

Николай, получив приказание возглавить боевой участок, срочно прибыл с одним батальоном таращанцев в Бердичев. Его глазам предстала страшная картина. Гнутая линия обороны проходит сразу за городом. Полки самовольно оставляют позиции и атакуют свои теплушки. Распаренный, шинель по пояс в грязи, с наганом в руке, он метался как одержимый, силой загоняя в окопы разнузданную пехоту. Поработали тут крепко петлюровские лазутчики, нагнали страху, нагородили обещаний. Под местечком Райки в штыки встретил с таращанцами передовой курень из корпуса атамана Оскилко. Подымал бойцов из окопов, подбадривая, призывал за собой в атаку. Город переходил из рук в руки. Отдавали и тут же брали обратно. За белый день не успевал расходиться над головой едучий черный дым, пушечная пальба рвала ушные перепонки...

Киев обил все провода, требуя переброски из Винницы остальных полков, Таращанского и новгородсеверцев. Терпел покуда можно. Сперва запросил Боженко; за ним вслед прибыл и 3-й полк Тимофея Черняка.

Напор сечевиков на Бердичев не ослабевал. Петлюра бросал свежие пополнения, прибывающие из Галиции. Кроме оружия, он действовал и словом – в воззвании, обращенном к советским войскам, лживо писал, что Киев окружен, борьба напрасна, и советовал разойтись по домам. Ему-де «не хочется убивать своих людей».

Укладываясь спать, Николай вдруг вспомнил:

– Василий Назарович, а что писали запорожские казаки султану?

– То ж турку. И матюком можно было тогда пугнуть... Ты первый зараз на дыбы встанешь.

– Без матюков. Слог верный взять.

В исподнем кинулись к столу. Вспоминая врезавшиеся в память места, нахохотались до слез. К ним прибились разбуженные в соседнем купе комиссары – Исакович и Коцар. Утром машинистка размножила под копирку письмо – ответ таращанцев и богунцев пану гетману Петлюре.

«Мы, таращанцы, богунцы и другие украинцы, казаки, красноармейцы, получили твое похабное воззвание.

Как встарь запорожцы турецкому султану, так и мы тебе отвечаем.

Был у нас гетман Скоропадский, сидел на немецких штыках, згинул, проклятый.

Новый пан гетман объявился – Петлюра. Продал галицийских бедных селян польским панам, заключил с панам-помещиками мир. Продал Украину французским, греческим, румынским щукам, пошел с ними против нас – трудовых бедняков Украины.

Продал мать-родину, продал бедный народ. Скажи, Иуда, за сколько грошей продал ты Украину?

Сколько платишь своим наймитам за то, чтоб песьим языком мутили селянство, подымали его против власти трудовой бедноты?

Скажи, предатель!! Только знай: не пановать панам больше на Украине!

Мы, сыны ее, бедные труженики, голову сложим, а ее защитим, чтобы расцвела на ее вольной земле рожь, на свободе сжата была вольным крестьянством на свою пользу, а не жадным грабителям, кровососам, кулакам, помещикам.

Да, мы братья русским рабочим и крестьянству, как и братья всем, кто борется за освобождение трудящихся.

Твои же братья – польские шляхтичи, украинские живоглоты – кулаки, царские генералы, французские буржуи.

И сам ты брехлив и блудлив, как польские шляхтичи, – мол, всех перебьет.

Не говори гоп, пока не перескочишь! Лужа для тебя готова, новый пан гетман буржуйской, французской да польской милостью.

Не доносить тебе штанов до этого лета. Мы тебе хорошо бока намяли под Коростенем, Бердичевом и Проскуровом. Уже союзники твои оставили Одессу...

Освобожденная Венгрия протягивает к нам братские руки, и руки ограбленных панамы крестьян Польши, Галиции тянутся к горлу твоему, Иуда!

Прочь от нас, проклятый, подавись, собака!

Именем крестьян, казаков Украины командиры

Щорс, Боженко, Квятек и др.».

Выдохлись, как видно, петлюровцы. В канун пасхи, 5 апреля, атаман Оскилко начал отчаянные попытки прорваться к окруженцам в Коростене. На рассвете под колокольный звон сечевики бросились в атаку у села Могильно. Богунцы встретили их свинцом и штыками. Поубавив спеси, сами перешли в наступление. Вместе с нежинцами 10 апреля ворвались в Коростень.

Затухали атаки и под Бердичевом. Нажимал, до десяти раз на дню наваливался. Нынче таращанцы и новгородсеверцы оставили у города окопы и двинулись за отступающим противником. Николай, грязный, утомленный до крайности, но с облегченным чувством, вернулся в штаб. И тут ждали хорошие вести: взяты Одесса, Проскуров, Староконстантинов. Подписав распоряжение войскам дивизии и подчиненным полкам Особой и Отдельной бригад о движении на Житомир, Новгород-Волынский и Шепетовку, прошел в санитарный вагон, к Квятеку.

– Вспомнил вот, – сказал, будто оправдываясь, – отправляют тебя в Киев... Выздоровливай да вертайся.

По вспыхнувшему лицу Сони и взгляду самого раненого понял, что разлучать этих двух людей нежелательно. Первые же слова, произнесенные сестрой милосердия, подтвердили догадку.

– Николай Александрович, рана заживает... Врач не видит уже нужды в эвакуации.

– Коль врач, я бессилен перед медициной.

Ночь Николай провел дурно. И напарился в бане, и в чистой постели. Рад за Квятека. Рад и за Соню. Мыслями сам был в Унече, Новозыбкове. Мало выпадало времени вспоминать о Фруме, а еще меньше – писать. Утром, сев за бумагу, почувствовал, что вместо тех слов, не сказанных еще меж ними, получается донесение по начальству с налетом яканья. Переписывать некогда – начштаба уже стоит за спиной, – да и марасть строчки неудобно...

Войска шли на запад. Подступавшее лето брало свое. Давно улеглись речки в берега, запылились проселки, лиственные деревья зашелестели новыми нарядами. В полдень лес манил с раскаленного шляха в духовитую прохладу. Но нет опаснее места среди бела дня, чем лес. Петлюровцы, отступая, откалывались от куреней, сбивались ватагами в лесных чащобах, глухомани. Ночами выходили на большие дороги, заглядывали в села.

К середине мая 1-я Украинская советская армия встала на рубеже Радовель, Городницы, Плужное, Лановцы, Волочиск и далее по реке Збруч через Гусятин, Жванец; потом по Днестру – Старая Ушица, Могилев-Подольский. Войска сосредоточивались на боевых участках: Коростеньском, Корецком, Шепетовско-Ровненском, Гусятин-Волочиском и Бессарабском. На начдива Щорса возлагалось руководство центральными участками – Корецким и Шепетовско-Ровненским.

Используя короткую майскую передышку, Николай занялся переформированием. Согласно приказу командарма создал три трехполковые бригады – 1-я Богунская, 2-я Таращанская и 3-я Новгород-Северская. Возглавили бригады повоевавшие уже командиры – Константинов, Боженко, Шкуть. В эти дни он осуществил давнюю свою мечту – открыл школу краскомов. Нехватка командиров давала о себе знать.росло число полков, батальонов, рот, команд; бои особенно уносят взводных и отделенных.

Автомобиль ходко шел по проселку, оставляя за собой хвост желтой пыли. Николай из седла пересел в машину. Только это заставило его оглядеться и удивиться: распутица позади, в силу входило лето. С исчезновением весенней слякоти ослабли нудное противное покашливание, ночные потения. Днями пекло плечи и голову; не искал тени, не прятался под крапками. Радовало солнце, бездонная свежая синь, по-летнему белые легкие облака. Понимал: истинная радость в другом. Благополучно складываются обстоятельства на фронте. Таращанцы и новгородсеверцы опрокинули петлюровцев в реку Горынь; бегут сечевики на Ровно и Дубно. Считанные версты остались, когда войска дойдут до старой русско-австрийской границы.

С облегченным чувством возвратился Николай в Житомир – в штаб дивизии. Конец похода. Ткнул бойцы штык в землю, вытрут рукавом пот... Сам, не теряя времени, этой же осенью сядет на студенческую скамью. В штабе ждали невеселые вести. За спиной у Петлюры – прочная стена. Антанта! На Дону, у Ростова, захлебнулось наступление Красной Армии; подымает голову генерал Деникин... Да, рано штык в землю. Неумный нрав, скрытая страсть его уже искали в себе физические силы, чтобы как можно энергичнее и полнее использовать ожидаемую передышку. А будет ли она? Польский корпус генерала Галлера стоит наготове за Стырью...

Видел, войска устали, идут на последнем дыхании. Сохранить наступательный порыв во что бы то ни стало. Тылы, тылы... Резервы. Петлюровцы сдаются в плен. Густо плят по проселочным дорогам. Целыми куренями, с оружием, обозами. Принимает. Формирует маршевые батальоны. Разбавляет ими свои старые полки, только что развернутые в бригады. Обует, оденет, накормит... А как распознать волосатую душу селянина, вчерашнего врага? Петлюровская пропаганда ржавчиной покрыла все его нутро. Приказом не пробьешься. Слово нужно, сердечное, теплое, к каждому в отдельности. А где те, кто мог бы донести это слово?

Никита Коцар с Исаковичем недавно вернулись из Киева, где проходил I съезд политработников Украины. Забыв об усталости, Николай напряженно слушал, стараясь вникнуть в смысл тех новшеств, какие предлагает съезд в повседневной работе среди красноармейцев. Строительство Красной Армии может проходить нормально тогда, когда внутри самой армии будут созданы крепкие, жизненные комячейки. Только они могут спаять красноармейские ряды. Комячейки, по существу, – боевые органы партии, активные органы Советской власти. Повседневная работа их сводится к повышению среди красноармейцев понимания необходимости дисциплины и порядка, необходимости поднятия авторитета командного состава.

– Как это все мыслится? – спросил Николай, поправляя фитиль в лампе.

– Поднимать культурный уровень красноармейцев, – ответил Никита. – Создавать школы грамотности, кружки, клубы, читалки, библиотеки.

Поворошив свои записки, добавил Исакович:

– Культурно-просветительная работа в армии должна проходить под руководством единого органа...

– Имеется в виду политотдел дивизии?

– Да.

– Директивы это? Рекомендации?

– Покуда выступление Подвойского.

Разговор для Николая тотчас обрел практическое значение. Со дня существования 1-й Украинской дивизии в ней не было центрального политоргана, который руководил бы всей политической и просветительной работой в частях. Велась политработа в полках, батальонах, главным образом агитационного характера; в каждой роте самостоятельно проводились «душеспасительные» беседы, без общей системы, без надлежащего руководства. Знает по Богунскому полку: говорунов с лихвой, и каждый дудит в свою дуду, кто во что горазд.

Понимал, недостаток политработников не позволит организовать скоро центральный

политический орган в дивизии. Но малый аппарат ведь можно. По глазам видит, такие же мысли обуревают и политкомиссаров. Даст высказаться, не будет опережать. Кто первый из них? По всему, меж собой они уже обговаривали, наверняка есть и предложения. Ждал от Исаковича – начал Коцар.

– Николай Александрович, мы тут в общем-то обмолвились... Пока суд да дело, придет приказ, подошлют штаты...

Привык к смущающемуся взгляду Никиты. Нет, так и разбирает уколоть усмешкой. Одолев соблазн, Николай обращается к Исаковичу:

– Есть и виды какие, Владимир Николаевич?

– Двух могу назвать смело. Редактора дивизионки, Залевского. И вот Коцара.

На другой день политотдел дивизии был создан. Заведующим подива назначен Залевский, отозванный из дивизионной газеты «Красная правда»; Коцар возглавил пока единственный отдел информации. Работа закипела. Учитывались находившиеся в частях политработники, распределялись прибывающие; прежде чем отправить в часть, новичков инструктировали, давали советы и указания. Приходилось первое время действовать самостоятельно – никаких инструкций из политуправления фронта и армии не поступало.

Вскоре в подиве появился третий сотрудник. Допоздна Николай задержался в штабе. Весть сообщил начподив Залевский.

– Николай Александрович, у вас гости...

По тому, как тот недоговаривает, догадался. Не проявили любопытства и штабные, обсевшие просторный круглый стол, заваленный картами. Сделали вид, что это их не касается. Шел через двор, поправляя под ремнем гимнастерку. Знал: где-то в дороге, и все же...

– Вот приехала... – Фрума встретила в горенке.

– И хорошо сделала. Наверяд ли выполнил бы я обещание...

– Я поняла это из письма.

За ужином Николай хвалился делами на фронте, сетовал на нехватку командного и политического состава; с увлечением, как мальчишка, говорил о своем сокровенном: открывает школу краскомов. Приготовлено помещение – бывшее епархиальное училище, – подобраны работники, лекторы, строевые командиры.

– Думаю, через неделю приступим к занятиям. Курсанты не собрались. Лучших хлопцев забрали из батальонов. Богунцы выделили до сотни. Столько ждем и тарашанцев. Чую, батька Боженко носом крутит, придерживает геройских парней, не хочет расставаться. Не верит, что возвратятся они к нему.

Утром, когда Николай собирался в штаб, Фрума спросила:

– В качестве кого мне представляться?

– Как кого... Жены. Этого мало?

– Нет, не мало...

Во взгляде ее было такое, от чего он оставил дверную ручку.

– Конечно, сидеть без дела, чувствовать себя чужой среди моего окружения... Подив задыхается без людей. Залевский да Коцар. Пойдешь секретарем к ним. Издадим приказ. Поговорю с Исаковичем.

Он привлек ее за хрупкие плечи.

Завертели Николая тыловые будни. Подив один забирал уйму времени. На третий день своего существования провели съезд политкомов. Собрали всех, кого достали конноарочные и телеграфные провода; кое-кто явился даже из наступающих частей, с Горыни. Спешно создавались комячейки в полках. Удачнее сложилось в Богунской бригаде, стоявшей резервом в окрестностях Житомира. Торжественно открыли клуб в одном из красивых зданий на городской площади. Клуб предназначался в первую очередь для курсантов; политотдельцы тотчас взялись за устройство библиотеки, читальни. Все свободные помещения приспособляли под культурно-просветительные кружки. Встал

вопрос об учителях. Дошло дело до приказа войскам об укомплектовании школ грамотности в частях дивизии преподавательским составом. Учителя должны набираться из среды красноармейцев. Добровольцы. В случае невозможности брать профессионалов через местные биржи труда. Установили и жалованье, временно, впредь до получения ставок из центра.

Там, где стояли войска, инструкторы-политотделы укрепляли Советскую власть – создавали комячейки; местным коммунистам помогали при сельисполкомах открывать народные дома, избы-читальни, делились литературой. Инструкторов, обосновавшихся в селах, начали называть крестработниками. Победное шествие дивизии каждый день прибавляло забот; крестработники пробирались в самые глухие и отдаленные села и посадки, куда никогда не проникал светлый лучик. Не только читать – газет селяне не видят.

Начподив, измотавшийся, приставал с ножом к горлу. Газет! Газет! Брошюр! Новых революционных пьес, песен. Исакович с усмешкой разводил руками:

– Сам газетчик, знаешь возможности типографии...

– Ничего я не знаю! – кипятился Залевский, ища взглядом поддержки у начдива. – Сколько освобождаем сел!.. Невежество, темнота. Хоть бы дивизионку нашу! Люди печатного слова не видали сроду.

– А бумага?

– Вагон-типографию оставил нам Симон Петлюра, – пояснил Николай. – Сегодня-завтра подгонят. Разжились и бумагой. Тысяч до тридцати увеличим тираж газеты. Выход ежедневный. Рассчитывай и на брошюры, воззвания, листовки. Пьес не обещаю.

– Писать их еще надо, революционные, – поддержал Исакович.

Школе краскомов Николай отдавал всего себя. Не поспешил на лучших людей в дивизии. Взоры всех остановились на Фатееве, бывшем начштадиве, а ныне помогающем Кассэру. Толковый начальник. Видный, бравый, подтянутый; старогвардейская гусарская выправка будет образцом для курсантов. В помощники ему выделили Кирпаноса, молодого, боевого командира. Ломали голову над комиссаром. Свободных политкомов нет. Обещает все политуправление армии. Исакович, обив телеграфные аппараты и телефоны, связывающие с Бердичевом (штабом армии), махнул с досадой рукой.

Николай склонен был ослабить на время политотдел – перекинуть Коцара или Залевского, – не поворачивался язык. Политком сам пришел к такому выводу:

– Кроме некого, Залевского или Никиту...

Выбор пал на Залевского; Коцар возглавит подив.

– Чур, Николай Александрович, – не скрывая огорчения на бритом худом лице, попросил Исакович. – Не подгоняй. Откроем школу и без комиссара. Народу там достаточно. Срамота: Коцар один останется в подиве... Смогаюсь в Бердичев, выколочу хоть парочку подходящих людей.

Подолгу засиживались над составлением учебных программ, боевой и политической. К этому делу привлекались как штабисты, так и политкомы. Предметы ни у кого не вызвали возражений. Николай, помня программу ускоренного курса Виленского военного училища, предложил четыре предмета: стрельба, фортификация, топография, тактика.

– Конечно, и политзанятия, – глянул он предупредительно на Исаковича, сделавшего было свой излюбленный жест – сжал кулак. – Политическим занятиям и культпросвету отводим все вечера.

– Коль собираемся выпускать взводных и ротных командиров, я полагаю, курс обучения рассчитывать четырехмесячный? – уточнил начальник штаба Кассэр.

– Дай-то бог, Сергей Васильевич, – Николай поправил повлажневшие от духоты волосы. – Планируйте. В сентябре где-то сделаем первый выпуск.

Подобрали преподавателей. Усадив в легковой автомобиль, Николай возил их за город – наметили подходящие полигоны для стрельбы, строевой и тактической подготовки. Хлопот доставили и снабженцы. Гонял по каждой малости – мыло, полотенца, простыни, матрацы, белье. Со всех богатых домов свезли кровати, столы, тумбочки, зеркала, даже фикусы и

герани в кадках. Перешивали новехонькое обмундирование, подгоняя на курсантах. Сам прикидывал Николай на бумаге выкройки «разговоров», петлиц и нарукавных нашивок; Фрума вечерами активно помогала ему: никак швея. Гордостью его было новшество – пилотки. Сбитые к правому уху, они лихо сидели на ребячьих подстриженных головах.

Просматривая списки, присланные из полков, Николай наткнулся на знакомую фамилию: Воробьев, Сергей Максимович. Вызвал в штаб. Да, сновский; дворы их напротив. Этот младший. Дружил-то сам с Никитой, одним из средних братьев. Как и все Воробьи, Сергей рыжий крепыш с насупленным взглядом. Чай распивать недосуг; пожелав успехов в учебе, отпустил засмущавшегося парня.

Передышка оборвалась. 1-я Украинская дивизия, обновленная, увеличенная вполовину, в начале июня встала по старой русско-австрийской границе.

Весенними боями была освобождена от петлюровцев почти вся Правобережная Украина. Оставался крошечный клочок в районе города Каменец-Подольского, где нашла приют в вагонах Директория. В народе ходила злая насмешка: «В вагоне Директория, а под вагоном территория».

Не такими мирными, как виделись издали, оказались синие гребни Карпат.

Выступил польский корпус генерала Галлера. Формировался он во Франции, со времен мировой войны, из пленных поляков; в нем до 50 тысяч штыков. Солдаты хорошо обучены, одеты, обуты.

Поднял голову и Петлюра...

Штабной вестовой застал в губкоме. Член Волынского губернского комитета партии, Николай, помимо военных и политических, разрешал вороха вопросов хозяйственных. В разгаре весна; с окончанием сева навалились заботы иные. Отнимали много времени комиссии по наделу земли; приходилось выезжать и в села, помогать местным властям налаживать новую жизнь.

Записка от Кассэра. Всего десяток слов. У Николая они вызвали больше недоумение, нежели тревогу. На рассвете петлюровцы прорвали фронт у Проскурова. Почему у Проскурова? Откуда у «головного атамана» свежие войска? Не удивил бы прорыв на реке Стыри. Генерал Галлер готов к активным действиям. Есть чем ему ударить. Но Петлюра... Разбитый, выброшенный за Збруч вместе со своей Директорией. Послал записку председателю губкома; переняв его взгляд, покинул зал заседаний.

В штабе многолюдно. Кассэр успел собрать уже комсостав Богунской бригады; по его мнению, формированию ее пришел конец. Перебирая телеграфную ленту, Николай еще не был настроен выводить из резерва все три полка богунцев. 1-й – ладно, но два других еще слабые. У сел Ямполь, Лановцы петлюровцы теснят Нежинский полк; отступает из-под Кременца Особая кавбригада.

– Дыру ту можно заткнуть и одним полком, Сергей Васильевич, – тыча в карту карандашом, Николай мучительно морщит лоб. – Пока не вижу причин срывать всю бригаду. Другое меня мучает... Что случилось? Почему отступают нежинцы? Как они отступают?!

– Николай Александрович, мы не знаем, что делается на Стыри... Молчит Боженко, молчит Черняк...

Стучать долго не пришлось. Одно тревожнее другого пробивались в Житомир сообщения. Причин для тревог оказалось более чем достаточно. Северо-западнее Проскурова, в районе Шумск – Ямполь – Теофиполь, крупные силы Петлюры взломали фронт. Сечевики и запорожцы, соединяясь с кулацкими бандами в горыньских лесах, продвигаются на Изяслав, Шепетовку, Староконстантинов. Неожиданный удар не только создал серьезную угрозу Проскурову – петлюровцы вышли в тыл Таращанской и Новгород-Северской бригадам, находившимся у Дубно и Ровно.

К вечеру через штаб армии стало известно о наступлении легионов генерала Галлера. В первый же день пали Сарны и Давид-Городок. Продвигаясь по железной дороге, легионеры угрожают станции Житковичи – важному узлу, связывающему войска Западного фронта с

Гомелем, Киевом и Москвой. Командующий 1-й Украинской армией отдал приказ начальнику 3-й пограничной дивизии приостановить белополяков на правом берегу реки Стыри, помочь отступающим частям соседнего фронта. Еще сложнее задачу поставил Дубовый дивизии Щорса: ликвидировать прорыв петлюровцев. Для этой цели он распорядился передвинуть в эшелонах 1-й Богунский полк через Бердичев в Шепетовку. Находящийся в Житомире бронепоезд «Богунец» должен следовать совместно с полком.

Всю ночь колдовали с начальником штаба у карты. С каждым часом прояснялся план Петлюры. Главный удар наносит на Проскуров; в случае успеха захватывает железнодорожные магистрали в глубь Украины. Тем самым он получает возможность перебрасывать свои тылы – галицийские части.

– Чуешь, Сергей Васильевич, куда клонит Петлюра? – энергичным жестом Николай наносит на карте жирную стрелку синим карандашом. – Проскуров! Ворота на Украину. Ближайшая дорога к Киеву. Вот для чего стоят те две дивизии галичан за Збручем. Генерал Галлер, захватив Львов и поживившись за счет галицийской армии, на том, кажется, успокоился. Понятно, откуда у Симона Петлюры прыть...

Вошел Исакович. Политком провожал эшелоны с богунцами на Шепетовку; задержался у пушкарей в бронепоезде. Обговаривали с начдивом утром вместе двинуть автомобилем вслед за полком. Зашел узнать, нет ли изменений. Николай, устало щурясь, взглядом подтвердил: «Утром отбываем».

Кассэр недоверчиво взглянул поверх очков.

– Риск, Николай Александрович...

– Риск. Тоже используем внезапность. И тоже ударим в тыл. Таращанцы совместно с 5-м кавполком наваливаются на тылы прорвавшихся сечевиков. Богунцы встретят их на реке Случи. Зажмем в тиски.

– Да... Но оголять участок Боженко... Чревато. Весьма чревато.

– Выбирать нам из всех зол наименьшее, Сергей Васильевич, – сказал Исакович, поняв замысел начдива. – Лучше отступить на Стыри, чем оставить Проскуров. По-моему, самого Боженко и сделать исполнителем этой операции.

– Готовь, Сергей Васильевич, приказ. Утром я отбываю в войска.

Николай, поднявшись, с хрустом распрямил плечи.

Завязались бои на реке Случи. Петлюра, усилив запорожцев галицийскими частями, 6 июня овладел Проскуровом. Богунская и Таращанская бригады встали заслоном, напрягая силы, чтобы не допустить углубления противника в свой тыл. Все попытки петлюровцев утопить богунцев в Случи были тщетны.

В разгар боев на участок 1-й Украинской армии прибыл наркомвоен Украины Подвойский. В сопровождении Дубового и Щорса он объехал весь фронт. О главном, что привело его сюда, кроме официального инспектирования, нарком делиться не торопился. Высказался по возвращении в штаб армии, в Бердичев. Перед этим отправил докладную записку предсовнаркома РСФСР, в Реввоенсовет республики и Советскому правительству Украины. Ободренное вниманием высокого начальства армейское командование навалилось было с просьбами, приукрашивая на все лады свою нужду, нехватки. Нужны свежие части! Обмундирование! Командный и политический состав!

– Все вижу, товарищи... Беды ваши все записал. Помогать будем. По мере возможности, конечно. Но сейчас я приехал к вам... – Подвойский внимательно вглядывался в лица командиров, – ...за помощью. Да, да, не ослышались. Петлюра, галичане и даже легионеры генерала Галлера все вместе не стоят одного Деникина. Полная катастрофа в Донбассе. Донская и Кавказская армии белых подошли к Царицыну на Волге. Сию минуту части Добровольческой армии рвутся в Таврию и Крым. Под угрозой Правобережье Украины. Словом, Южный фронт задыхается. Ждет помощи от нас.

Переждав нудное молчание, наркомвоен продолжал уже другим тоном:

– Я объехал фронт вашей армии. Всесторонне оценил положение, изучил действующие

части. С заместителем командарма Дубовым и начдивом Щорсом проанализировали тактическое и стратегическое положение. Я решительно предлагаю теперь же снять на этом фронте дивизию Щорса и передать ее на Южфронт. Это единственно боевая дивизия. В нее входят лучшие в боевом отношении и наиболее слаженные полки.

На вскинутую руку начальника штаба армии Купреянова он поспешил отозваться:

– Понимаю, дивизия втянута в бои. Богунцы взяли обратно Старокопачев. Не сомневаюсь, завтра-послезавтра они восстановят положение Проскуров – Волочиск. И сразу же дивизия может начать переброску.

Штабист все же подал голос:

– По крайней мере, еще два условия необходимы... Сократить участок фронта армии. Раз. И нужна замена. Какие-то части.

– Много не обещаю. Нами сформированы два интернациональных полка, особого назначения и караульный. Еще дивизион легкой артиллерии. Взвод тяжелой. Что касается участка, район Сарн постараемся передать Западной армии.

Детальными по переброске Подвойский делился после совещания. Сидели в тесной беседке, в вишневом саду за обеденным столом. Оглядывал исподволь кряжистое небольшое тело начдива; кивал подбадривающе, встречаясь с его усталым взглядом.

– В Киеве получите командсостав и красноармейцев из двух бригад 4-й дивизии. Бойцы в бане помойт, получат обмундирование, – сулил он. – Станет дивизия на Южфронт спаянной и технически снаряженной, мощной, с полным комплектом штыков, увеличенным комплектом пулеметов, артиллерии, подрывными саперными батальонами, авиагруппами...

– Николай Ильич, вы будто молодую сватаете, – посмеялся Дубовый, могучий, бородатый здоровяк. – Жених у нас не из строптивых. Половину из обещанного дадите в приданое, и то ладно.

– Зачем половину... Укомплектуем полностью. Я уж в Кремль доложил.

Разговор коснулся политработы. Наркомвоен поделился своими наблюдениями, вынесенными из поездки по фронту, из встреч с населением, пленными. Петлюровцы, против прошлого, изменили свое отношение к селянам. Не грабят, не убивают. За все конфискованное платят сполна. Не случайно.

– И для нас в том таится немалая опасность, – предупредил Подвойский. – Ветер-то дует с той стороны... Антанта знает, чем взять. Петлюровские проповедники развивают бурную антисоветскую агитацию, агитируют против коммун, чрезвычайных комиссий, в защиту церкви от комиссаров, ведут пропаганду против русских. Красноармейцам они внушают, что кровь льют напрасно – враг-то у них общий... И кажется, агитация та имеет успех, вызывает нездоровые настроения в наших войсках. Нужны контрмеры. Засыпать окопы врага листовками, вскрыть его подлинное лицо, хитрые, лживые намерения.

К середине лета закончилась реорганизация военных сил Украины. РВС республики расформировал Украинский фронт. 1-я и 3-я Украинские армии были слиты в 12-ю армию; 2-я переформирована в 14-ю и передана в распоряжение Южного фронта. Командующим 12-й армией назначен Семенов, бывший генерал царской армии, добровольно перешедший на службу в Красную Армию. В 12-ю вошла и 1-я Украинская советская дивизия.

Дивизия Щорса так и не была переброшена на Южный фронт. Борьба за Проскуров затянулась. Вывести части из боев было трудно; к тому же не хотелось расставаться с ней и командованию.

Положение с каждым днем становилось все более угрожающим. С фронта – Галлер, за спиной – Петлюра. Полками, даже батальонами приходилось рвать дивизию. От Дубно до Винницы богунцы и таращанцы составляли самую ударную силу. Разбросанность на лесной неудобной местности, без средств связи требовала от Николая огромного напряжения. Мотался из края в край, не зная ни сна, ни отдыха; из седла вскакивал на бронепоезд или в машину; сломя голову мчался на мотоцикле. Поднимая боевой дух, вел бойцов в штыковую.

Рядом истекала кровью 44-я стрелковая дивизия, малочисленная, слабая в боевом отношении, сведенная из остатков 1-й Украинской армии; в командование ею вступил последний командарм, Иван Дубовый...

На рассвете растолкал Гонцеровский, адъютант. Весть мгновенно отогнала остатки сна. Нежинцы открыли фронт, приближаются в эшелоне к Житомиру. Николай лихорадочно обдумывал предстоящие свои действия. Остановить! Выявить зачинщиков. Расстрелять тут же, на глазах у разложившегося полка... Знал: устали Нежинцы, ропщут. Устали и тарашанцы, богунцы, все; всем нужен отдых. Но такого... бросить самовольно окопы, захватить силой состав... Не ожидал: нож в спину. Попустили командиры. По их недогляду свили гнездо в полку бандиты, анархисты; не исключено, работа петлюровских лазутчиков.

Мятежный эшелон вышел с последнего разезда. Не успел. Хотел именно там встретить, не на виду у горожан. Фатеев поднял в ружье своих курсантов; одна рота погрузилась уже в теплушки.

– Остановить на стрелке, за семафором, – бросил он растерявшемуся дежурному по вокзалу. Взглянув на Фатеева, тихо сказал: – Оставайся с курсантами тут. На крайний случай...

Коцар, поняв смысл слов начдива, решительно подступил.

– Куда-а-а?! До двух десятков одних пулеметов! Изрешетят...

– Этого и я не хочу, Никита... Встретим штыком – быть большой крови.

Паровоз устало отдувался у семафора. Николай, зажав в кулаке на груди ремешок полевой сумки, неторопливо шел вдоль вагонов по насыпи. Пожалуй, это единственный жест, который выдавал его внутреннее состояние. Ощущал лопатками прилипшую гимнастерку, выгоревшую добела. Глядел безучастливо, равнодушно; не видел ничего перед собой в двух шагах, зато ловил уголком глаза за лесочком золотые купола церкви, сиявшие на утреннем солнце. За спиной набрякала тишина.

– Выходи! Построй-иться!

В висках настойчиво билась кровь. Какие-то секунды боролся с желанием крикнуть громче. Сыпанули из ближних теплушек; взбивая песок, повалили с тесной насыпи. Ломаный, расхлябанный строй.

– Оружие на землю!

Бесшумно ложились на чахлый полынок винтовки, наганы, гранаты, шашки...

В августе над Киевом сгустились тучи. Украинские войска вели борьбу одновременно на двух фронтах: на западе – против генерала Галлера и петлюровцев, на востоке – против деникинцев. Противник, имея перевес в силах и вооружении, развивал наступление на Винницу, Киев, Житомир, Николаев и Одессу. Деникинские войска стремились отрезать основные силы 12-й армии в южной части Правобережья.

1-я и 44-я дивизии отходили, оставляя шаг за шагом землю, недавно отнятую, политую уже своей кровью. Отступление крушило дух войск, разлагало их; утомленные донельзя, голодные, оборванные, самые стойкие продолжали отбиваться из последних сил. 31 июля Николай Щорс докладывал в РВС армии: «У меня на фронте дела скверны. Части окончательно деморализованы и не могут выдержать натиска противника, я вынужден отходить, взрывая по дороге все мосты и уничтожая дороги и забирая по пути все мужское население от 18 до 46-летнего возраста. Если я сейчас не отдам такого приказа, то завтра части будут продолжать бежать таким же порядком, и тогда уже никто и ничто их не остановит. Полки крайне устали».

Таяли полки. Путь отступления отмечался свеженасыпанными могилами. Убывали из строя и соратники, с кем Николай начинал, к кому успел привязаться. Одна за другой пришли тяжелые вести: в Ровно предательски убит комбриг Тимофей Черняк. Не успел прийти в себя – еще хлестче – Боженко. Комбрига внезапно свернула болезнь. Отравление... Лежал в Житомире, четверо суток боролся его крепкий организм – рвался все к своей «тараше». Скончался. Похоронили на городском кладбище с воинскими почестями. Наутро оставили город...

Незадолго до сдачи Житомира и Бердичева опять состоялся у Щорса разговор с командармом Семеновым.

Щорс: У аппарата начдив 1-й, начдив 44-й и военком 44-й. Создавшееся положение на фронте обеих дивизий не дает возможности исполнить ваш последний оперативный приказ. Части окончательно измотаны, босые и голые, до настоящего времени не снабжены, продолжают отходить. Связь с Шепетовкой отсутствует, судьба ее неизвестна. Только свежие части могут спасти положение. Просим указать стратегический отход обеих дивизий...

Командарм: Какие резервы имеются в 1-й Украинской дивизии?

Щорс: Кроме разоруженного Нежинского полка, который сейчас не боеспособен, я ничего не имею.

Командарм: Во имя революции надо просить бригаду задержать противника от быстрого продвижения вперед в тот самый момент, когда все войска республики начинают наступление на важнейшем фронте. Судьба сражения генерального решается не здесь. Надо собрать невероятное усилие и задержать врага. Какие силы наступают против 2-й и 3-й бригад?

Щорс: Поляки наступают исключительно конницей. Стоящие у них на высоте галлеровские войска, располагаются, начиная от Сарн и кончая Дубно. А с Дубно и правее к Збаражу – польско-галицийские.

Командарм: Местность, на которой вы действуете, самая неудобная для конницы... Повторяю, каждый день, выигранный нами, для нас дорог...

Щорс: Все меры приняты, но надежды очень мало, почти нет. Просим указать линию стратегического отхода обеих дивизий, ибо здесь сейчас скопление хозяйственных частей полков и бригад дивизий...

Командарм: Все лишние тяжести направлять на Мозырь – Гомель – Брянск, не забывая Киевского узла. В этом же направлении прикрывать железную дорогу должны части, действующие теперь в Сарнах. Остальные же части должны иметь направление на Киев. Иметь в виду, что Коростень имеет громадное значение для разгрузки Киева, а потому необходимы сверхчеловеческие силы, чтобы не дать этот узел противнику...

Щорс: Товарищ Семенов, дабы поднять боеспособность и уничтожить деморализацию, страх в частях, необходимо соединить обе дивизии в одну, из которых выйдет мощная крупная боевая единица. Дивизия четырехбригадного состава, при наличии двух полков кавалерии. Имея в виду наличие тех реальных работников, как политических, так и технических, мы с полной уверенностью можем сказать, что дело облегчится и мы сумеем ценою нечеловеческих сил создать сильную, мощную боевую единицу, с одним мощным штабом и одним мощным снабжением. При наличии свежих сил в виде пополнения с уверенностью скажу, что я, Щорс, выведу весь тот сумбур, который получился. Мы пришли к такому заключению и уверены, что иного исхода быть не может, и вы с этим согласитесь.

Командарм: Сообщите намеченных начальников и какие части сводятся в бригады.

Щорс: Сегодня к 12 часам, если вы дадите согласие, проект будет вам представлен. Как вы, в принципе согласны с этим?

Командарм: Я вполне согласен.

В тот же день 19 августа 1919-го войскам 12-й армии был объявлен приказ о слиянии 44-й стрелковой и 1-й Украинской дивизий. Начальником вновь сведенной – 44-й дивизии назначен Щорс, его помощником – Дубовый, военкомом – Бужко-Жук, комбригом-1 – Волков, комбригом-2 – Васич, комбригом-3 – Антонюк, комбригом-4 – Божков. Своим приказом начштадивом Николай утвердил Кассэра; в школе краскомов оставил Фатева. Школе и дивизионной военгазете местом расположения наметил Клинцы.

Истомленные боями, обескровленные, войска 44-й дивизии встали под Коростенем, преградив дорогу на Киев обезумевшему от крови и успехов врагу...

День 30 августа выдался солнечный, ясный. Незадолго упали обильные дожди, прибив знойную дорожную пыль, освежив сосновые перелески.

В полдень Николай выехал на позицию. На заднее сиденье автомобиля с ним сели помощник Дубовый и инспектор поарма Танхил-Танхилевич; рядом с шофером уместился хозяин машины – комбриг кавалерийской Петренко.

Коростень – крупный железнодорожный узел, стягивающий всю Украину. На десятиверстке пестрые ветки напоминают растопыренные пальцы. Глянув на планшет, лежавший на коленях, Николай об этом и подумал. Карта свежая, необтрепанная; исчеркал ее ночью чернильным карандашом. Три пальца уже отрублены: Сарны, Новоград-Волыньск и Житомир. Подступили петлюровские курени стеной. За спиной две ветки – на Киев и Мозырь. Единственная ниточка, связывающая с Советской Россией. Ради той ниточки тысячи бойцов вкопались по пояс в жесткую, иссушенную за лето землю.

Сутки, час выстоять – великое дело!

Бесперебойно, денно и ночью из Киева идут составы на Мозырь. Теплушки набиты ранеными, военным и городским имуществом. Успеть бы эвакуировать. Знал: Киев защищать нечем. Жидкая цепочка правого фланга 60-й дивизии Крапивянского да сбитые на скорую руку части пехоты, конницы и моряков под Фастовом. Выдвинуться он не может: у самого более полутыщи верст участок! На четыре-то бригады, измотанных, обескровленных. Добро, обул людей; в окопах уже бойцы получали 637 НКН. Помогать будет тут, под Коростенем.

Стратегическое положение Коростеньского узла с каждым часом обретает значение. Последний клочок Советской Украины, единственный плацдарм Красной Армии. Деникинцы прут на Чернигов; не нынче-завтра они войдут в Киев. Рвутся в столицу со стороны Белой Церкви и петлюровцы. Эти могут оказаться там и сегодня. Через день-два жди, скопом навалятся на Коростень. Вот едет, оглядит на месте укрепления. Верст с десятков всего от станции. Опаснейший участок. Нарочно поставил богунцев. А в резерве пусто, все, что имел, уложил в окопы. Держит роту курсантов на последний час. Поведет сам...

Позавчера обрадовал разговор со штабом армии. Южной группе 12-й армии – три дивизии, 45-я, 47-я и 58-я, – оказавшейся отрезанной где-то в районе Умани, командарм Семенов по радио шифром отдал приказ пробиваться на север, к ним. Соединиться бы. Пол-армии! Из-за одного этого стоит держать Коростень. Но радость одолевают сомнения. Получен ли окруженцами тот приказ? Связи со штабом Якира совсем нет. Что, как не знают? Будут ломить левее, восточнее Киева. Тревогой своей не делился даже с Дубовым. По лицу замечает: гложет и его. Хмуро уставился в сцепленные руки, не принимает участия и в беззаботном разговоре гостя, политотдельца, с Петренко.

На околице села Могильное встретил Квятек с комиссаром Довгалевским. После поправки он вернулся в свой полк; угодил в самое горячее, когда оставляли Житомир. Данилюка пришлось передвигать на 2-й Богунский полк.

– Принимай пополнение, Казимир Францевич. Обмундированы, с оружием.

Здоровался Николай с шутливой веселостью, а взглядом тревожным выспрашивал давнего побратима: «Как тут? Терпят богунцы?» Квятек кивал: «Можется». Довгалевский, худой, с диковатыми глазами студент, принял шутку начдива за чистую монету.

– Не откажемся от пополнения. Да такого! Перед каждым пеньком готовы шапку ломать, лишь бы умел стрелять.

Хохотнул в ответ один политотделец, разглаживая голубые, помятые в дороге бриджи.

Зашли в крайний двор. В саманной хате под соломенной нахохленной крышей обдало приятной прохладой. У стола хлопотала Соня Алтухова. Она уже не скрывала своего положения хозяйки. И опять, как некогда в вагоне, Николай ощутил что-то похожее на зависть. Не разлучаются. Все время вместе. Тотчас оказался мыслями в Новозыбкове... Отправил Фруме разрешение на въезд в расположение дивизии. Томительно ожидание. Через сутки-двое прибудет...

– За борщ спасибо. Недавно от стола. – Желая смягчить упавшее настроение хозяйки,

он сжалился: – Испить бы... Не откажемся.

Осушив вспотевшую крынку холодного молока, Петренко укатил в село Ушомир – в кавбригаду. Договорились, оттуда подгонит автомобиль за ними. Квятек раскинул было на столе карту.

– погоди, – Николай, подымаясь с табуретки, надел фуражку. – В окопы. По дороге введешь в обстановку.

Богунская бригада перекрыла житомирскую ветку. Батальоны первого полка окопались сразу за огородами села Могильное. Южнее укрепились другие два полка богунцев; окопы их, переваливая железнодорожную насыпь, уходили к селу Белошицы. Именно этот участок вызывает у Николая тревогу. Бросил сюда все, вплоть до комендантских и хозяйственных команд. Конницу Петренко сосредоточил в селе Ушомир, в глубине обороны дивизии, на случай кинуть в подмогу тарашанцам и новгородсеверцам, заседлавшим железные дороги на Новоград-Волынский и Сарны.

– Мирно, слышу, живете тут с петлюровцами, – сказал Танхил-Танхилевич, полдня нудившийся возле малоразговорчивого начдива.

– Со вчерашнего что-то утихло. – Квятек виновато покосился на щеголеватого одетого политотдельца. – Постреливают... Я приказал не отвечать, не тратить даром патроны.

Николай, переняв взгляд командира полка, одобрительно кивнул; не убавляя шага, обращался к нему:

– Завтра тут будет жарко. Задача твоя... не только выстоять. Измотать здесь и отбросить. Якиру пробиваться на Житомир... Ударим навстречу.

Позиция первого батальона выгодная; на возвышении, скрытые подходы – сельские садики и огороды. Бойцы ловко приспособили для сообщения канавы и загаты. Николай, всматриваясь, вспомнил:

– Окопы-то наши. В апреле стояли...

– Они самые, – подтвердил комбат Кощеев. – И дальше до самых Белошиц угодили... Роты едва не каждая вселились в свои.

В тихом предвечернем небе послышался треск. Аэроплан. Тянет со стороны Киева. Темнел стрекозой.

– Командарм Семенов, – сказал политотделец, защищаясь от солнца.

Резкий звук мотора и пулеметная очередь заставили опять вскинуть бинокли – хорош командарм! Аэроплан, упав едва не до земли, поливал свинцом железнодорожный разъезд – виднелись невдалеке тополя и водокачка. На требовательный взгляд начдива Квятек упавшим голосом произнес:

– Тылы наши... Боепитание. Подорвет, гад...

Снизу поднялась ружейная пальба. Аэроплан, взмыв, отогнул к селу; переваливаясь с крыла на крыло, уходил вдоль житомирской ветки.

– К Петлюре подался, Деника... На вареники.

Слова Лихуты, командира 2-го батальона, встретившего начальство у прудка, внесли оживление. Танхил-Танхилевич несколько не смутился своей промашки; ведая больше окопных, он посомневался:

– У Деникина с Петлюрой разные идеологии. У каждого своя, так сказать, чашка и ложка.

– В таком деле... разбить нас... Не побрезгуют они и из одной чашки.

Окопы второго батальона извивались по гребню вымоины, заросшей терновником и буркунами. Подходы тоже скрытые. Не везде вымоина – сворачивает куда-то вбок. Шестая рота на голом месте как на ладони. Насквозь просматривается.

– Углубить ходы сообщения.

– Товарищ начдив, кремень земля-то. Лопата не лезет...

Николай взглядом оборвал словоохотливого комбата.

– Врываться, как смеркнет. Завтра уже не будет времени...

Сделав знак Квятеку подойти, тихо спросил:

– Вижу нежинцев... Как они?

– Бойцы чего?.. Перемешались с богунцами, не различить. Дурь в наших головах, командирских... – Не выдержал усмешку Щорса: – Правильно ты поступил... Расформировал нежинцев, раскидал по бригадам.

На стыке второго и третьего батальонов ждал их комбат Ковбаса с ротными. Доклад его оборвала пулеметная очередь. Пришлось лечь. Николай, устраиваясь локтями на сурчине, прислонил к глазам бинокль. Петлюровский пулеметчик у железнодорожной будки, на каком-то сарае. Метко кладет очереди. Не оборачиваясь, приказал кинуть пару снарядов. Видал, второй взрыв в щепы разнес сарай. Ожила винтовочная перестрелка. Вдруг бинокль выпал из рук, голова поникла...

– Щорса-а убило-о! – раздался истошный голос из ближнего окопа.

44-я дивизия выстояла под Коростенем. Гибель начдива вызвала у бойцов ненависть, прибавила сил и упорства. Наутро, едва взошло солнце, после жестокой артподготовки богунцы с остервенением ворвались со штыками наперевес во вражеские окопы. В плен почти не брали, мстя за смерть своего командира. В бурьянах, в вытоптаных несжатых хлебах, на склонах балок густо виднелись убитые. Вместе с галицийскими стрельцами, сечевиками валялись и в простой селянской одежде, с торбами за плечами...

В этот тяжкий час Красная Армия, обливаясь кровью, отступала по всему Южному фронту. За лето войска Деникина, поддерживаемые Антантой, захватили весь юг, от предгорий Кавказа до Бессарабии. Пали Царицын, Харьков, Николаев, Одесса. Добровольческая армия, подпираемая с флангов киевской группой войск генерала Драгомирова, Донской и Кавказской армиями, тараном устремилась из Донбасса на Москву.

30 августа пал Киев. Захватили петлюровцы. На другой день в город вступили деникинцы. После недолгих переговоров Симон Петлюра вынужден был уступить «свою» столицу генералу Драгомирову.

Бои под Коростенем ожесточились. Именно сюда пробивались из окружения 45-я, 47-я и 58-я дивизии под общим командованием молодого начдива Ионы Якира. Жара, пылица, безводье. Преследуемые деникинской конницей, бронепоездами и аэропланами, они только 18 сентября вышли к Житомиру, соединившись с частями 44-й...

Желая облегчить положение под Черниговом, вновь назначенный командующий 12-й армией Меженинов нанес удар на Киев. Дивизия Федько, форсировав реку Ирпень, ворвалась в Фастов; с утра 14 октября Богунская бригада завязала бои за Святошино. Пехоте помогала Днепровская флотилия. Деникинцы были выбиты из Киева. Генерал Драгомиров срочно снял войска с черниговского участка. Трое суток дрались богунцы; перед превосходящими силами они были вынуждены оставить Киев. Но враг под Черниговом был остановлен.

Красная Армия по всему фронту перешла в наступление...

ЭПИЛОГ

Имя Николая Щорса широко известно в нашей стране. Герой гражданской войны, начальник прославленной 1-й Украинской советской дивизии, преобразованной позже в 44-ю стрелковую дивизию. О боевых делах его, о тех событиях, в каких он принимал участие, уже много сказано. Историки-исследователи достаточно глубоко изучили боевой путь частей, возглавляемых им. Образ Щорса многократно воплощен в художественной литературе, в живописи, скульптуре, кино, в прикладном искусстве.

1918–1919-й годы были самыми сложными во всей истории гражданской войны на Украине. В том и заслуга Николая Щорса, что он, коммунист, сумел не только разобраться во всех сложностях, но и найти свое место в тех событиях. Боевой путь украинских повстанческих частей и составляет его биографию. Легендарное время породило легендарное имя.

В истории нашей партии имя Н. А. Щорса значится среди военачальников. За короткое время, за год службы в Красной Армии, от командира полка Щорс поднялся до начальника дивизии. Вот высказывания о нем его соратников, товарищей по оружию, которые сражались с ним бок о бок за светлые идеалы трудового народа, за власть Советов.

«Это было во время «нейтральной зоны» в начале сентября 1918 года. К начальнику штаба повстанческих отрядов тов. Петренко, в село Юриновку, пришел человек среднего роста, одет в солдатскую гимнастерку и брюки, с мягкой шляпой на голове. Это был Щорс. Он был назначен в распоряжение тов. Петренко зерновским штабом Всеукраинского ревкома.

При первой такой встрече с тов. Щорсом мне бросилось в глаза, что этот скромный, тихий и малоподвижный человек был полон кипучей энергией, которая переливалась через край. Позднее, встречаясь с ним не раз при разных обстоятельствах, я убедился, что Щорс рожден для партизанской войны. Смелый, находчивый, умеющий влиять на окружающих, он был выдающимся организатором. Став во главе одного из первых партизанских полков, тов. Щорс смог создать из него могучую боевую единицу.

Талантливый военачальник, смелый солдат, стойкий революционер, он, безусловно, мог бы стать выдающимся военным работником регулярной армии.

С. Бубнов».

«Перед селом развернутым строем в серых потрепанных шинелях, кто в лаптях, кто в опорках, мало кто в сапогах, выстроились богунцы. Навстречу нам суховатый, подобранный, четкой выправки командир. Его шаг сдержанный и как бы пружинит. В этом чувствуются большая энергия и дисциплинированность. Взгляд открытый, прямой, ясный и твердый. Твердое пожатие руки. Четкая речь. Необыкновенный человек...

Таким запомнили командира 1-го Богунского полка тов. Щорса.

В Щорсе чувствуется серьезная военная подготовка. Но очень молодой. Несмотря на аккуратную бороду, ему далеко до 30.

В. Антонов-Овсеенко».

«Прямота и ясность мысли и действия являлись особой чертой Николая Александровича. В жизни он был очень скромным... Преданность делу революции, наличие твердого характера, неугасимая энергия были теми качествами, которые сплачивали вокруг него преданных делу революции людей», – вспоминает бывший первый адъютант Богунского полка, впоследствии один из политработников 1-й Украинской советской дивизии, Н. Ю. Коцар.

«Это был очень выдержанный, революционно настроенный товарищ, – пишет о Н. А. Щорсе бывший начальник штаба 1-й Украинской советской дивизии С. И. Петриковский (Петренко). – Он был сравнительно небольшого роста и хорошо сложен. Особенное впечатление производили его глубокие стальные глаза... В Николае Щорсе была какая-то внутренняя страстность, революционное напряжение идейного борца, беззаветно преданного делу трудящихся, делу коммунизма. Он не знал страха, показывал пример личной храбрости... Замечательный друг и товарищ».

Бывший командир роты, богунец В. И. Ковшер делится воспоминаниями о событиях, которые происходили весной и летом 1919 года. «Когда мы штурмовали Коростень, Щорс громил врага в районе Махновка – Бердичев и прибыл в Коростень на следующий день. Весь участок дивизии слишком велик, а комдиву нужно быть всюду.

На станционной платформе Щорс... подпоясанный и с маузером на правом боку, в высоких сапогах, темно-защитного сукна брюках-галифе и такого же цвета, с чуть-чуть выдвинутым вперед козырьком фуражке, с прикрепленными к ее околышку шоферскими очками, поднялся на импровизированную трибуну, состоявшую, кажется, из багажной тележки...

Помню, какое ласковое, доброе лицо было у Николая Александровича Щорса, когда он осматривал взятый нами бронепоезд «Ганзя», когда он разговаривал с бойцами и командирами. Он жал бойцам руки, расспрашивал о подробностях боя...

Цепь оседает назад. Смотрю, со стороны пасеки несется с красным флажком трехколесный мотоцикл. Под частым пулеметным и ружейным огнем он подъезжает прямо к цепи. Из него с «лыюисом» за спиной выскакивает человек... Вижу слегка бледное (как и всегда), серьезное... лицо. Это комдив... Он пробегает вдоль цепи, бросает нам несколько бодрых слов, и мы решительно переходим в наступление».

Таким был Николай Щорс.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. А. ЩОРСА (1895–1919)

1895, 25 мая – родился в поселке Сновск Городнянского уезда Черниговской губернии. Отец – Александр Николаевич Щорс, мать – Александра Михайловна Щорс (Табельчук).

1909 – оканчивает церковноприходскую школу в Сновске.

1910 – поступает в Киевскую военно-фельдшерскую школу.

1914, июль – окончил военно-фельдшерскую школу, получил звание фельдшера и права вольноопределяющегося 2-го разряда, направлен в Виленский военный округ;

август – назначен фельдшером в 3-й отдельный мортирный дивизион.

1915, октябрь – вступил в службу в 227-й пехотный запасной батальон.

1916, январь – командирован в Виленское военное училище, эвакуированное в Полтаву;

май – по окончании ускоренного четырехмесячного курса произведен в прапорщики, назначен в 142-й пехотный запасной полк;

сентябрь – отправлен в действующую армию Румынского фронта. После нескольких передвижений по запасным частям прибыл в октябре в 335-й Анапский пехотный полк младшим офицером роты.

1917, март – убыл для прохождения курса учебной траншейной команды при штабе 9-й армии;

апрель – произведен в подпоручики;

май – заболел туберкулезом и был эвакуирован в Симферополь;

декабрь – снят с военной службы и вернулся в родной по селок Сновск.

1918, март – выбран командиром Семеновского краснопартизанского отряда;

апрель – Семеновский отряд вышел на ст. Унеча на территорию Советской России;

сентябрь – сформирован Богунский полк 1-й Украинской повстанческой дивизии;

ноябрь – начало освобождения Украины.

1919, февраль – освобождение Киева. Комендант г. Киева;

март – вступает в командование 1-й Украинской советской дивизией;

август – переформирование 1-й Украинской в 44-ю дивизию. Защита Коростеньского узла;

30 августа – гибель начдива Щорса.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

«Директивы главного командования Красной Армии (1917–1920)». Сб. док. М., Воениздат, 1969.

«Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922)». Тт. 1–2. М., 1971.

«Сорок четвертая Киевская дивизия». (История походов и боевых действий 44-й Киевской стрелковой дивизии 1918–1920 гг.). Киев, 1923.

«История гражданской войны в СССР». Тт. 3–4. М., 1957.

«История гражданской войны на Украине». Тт. 1–4. Киев, 1970.

В. Васильчиков, Начдив Щорс (Боевой путь). Очерк. М., 1957.

«История Украинской ССР». Тт. 1–2. Киев, 1969.

Иллюстрации

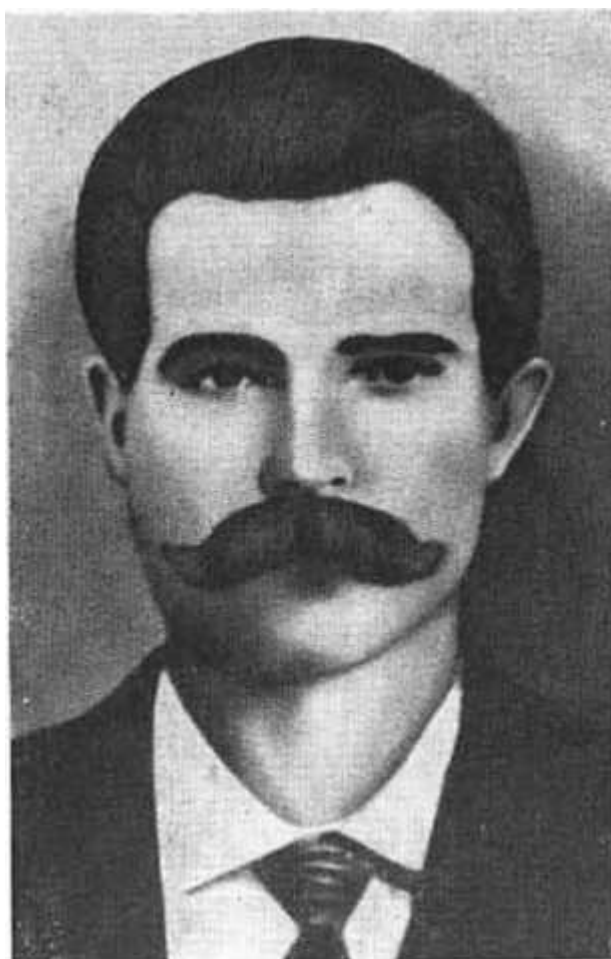
Пос. Сновск (ныне г. Щорс) – родина Н. А. Щорса.

Дом, в котором родился Н. А. Щорс.

Александра Михайловна, мать Н. А. Щорса.

Александр Николаевич, отец Н. А. Щорса.

- 2 -

Николай Щорса

Личность и подпись рубли с
на маневрового истребителя
Николай Александровича
Щорса удостоверена.
Н. Шорса 13622

- 3 -

Служба *МФМ*
 Должность *сынъ манев-*
рового машиниста
 Фамилия *Щорса*
 Имя *Николай*
 Отчество *Александровичъ*
 Подпись владѣльца
 (или отѣтка о его неграмотности).

Настоящее удостоверение личности, вы-
 данное *7* дня *Анваря* мѣсяца
 19*10* года, дѣйствительно по *7*
Анваря мѣсяца 19*15* г.

НАЧАЛЬНИКЪ ДЕЛО
 БАХМАЧЪ Д.Р. Ж.А. *[Signature]*

Удостоверение личности Н. А. Щорса. 1910 г.

Полтавцев И. К., председатель стачечного комитета Сновского ж.-д. депо в 1905 г.

Васильченко А. П., член стачечного комитета Сновского ж-д депо в 1905 г.

Николай Александрович Щорс, воспитанник Киевской военно-фельдшерской школы.
1910 г.

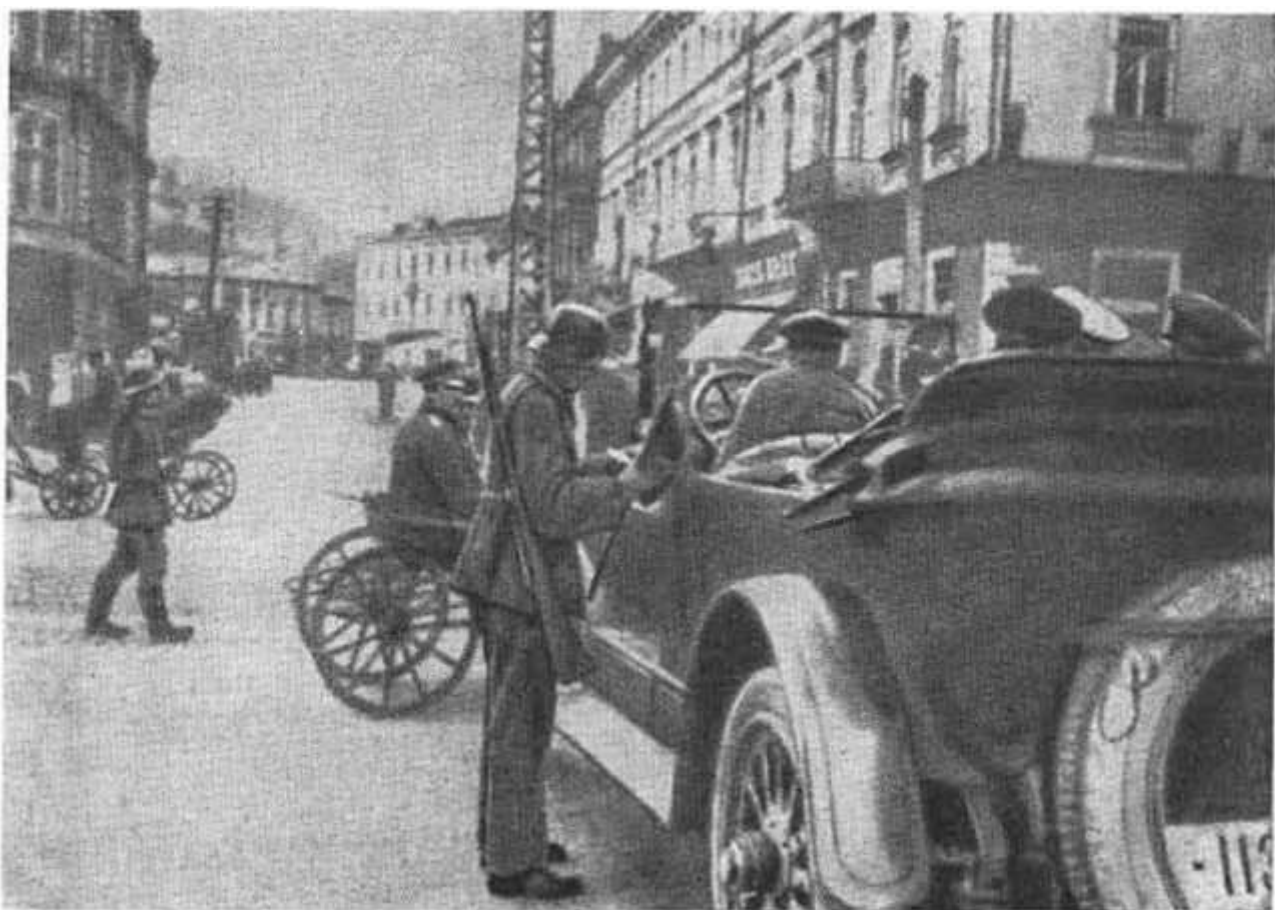
Табельчук К. М., дядя Н. А. Щорса.

Шид А. А.

Николай Александрович Щорс, вольноопределяющийся, военный фельдшер. 1915 г.

Киев, оккупированный кайзеровскими войсками. Лето 1918 г.

Плющ Д. В., друг детства Н. А. Щорса.

Николай Александрович Щорс после окончания КВФШ. 1914 г.

Михайловский М. И., председатель Сновского Совета в 1919 г.

Лугинец П. П., один из организаторов Семеновского краснопартизанского отряда в 1918 г.

Никитенко И., командир батареи Богунского полка.

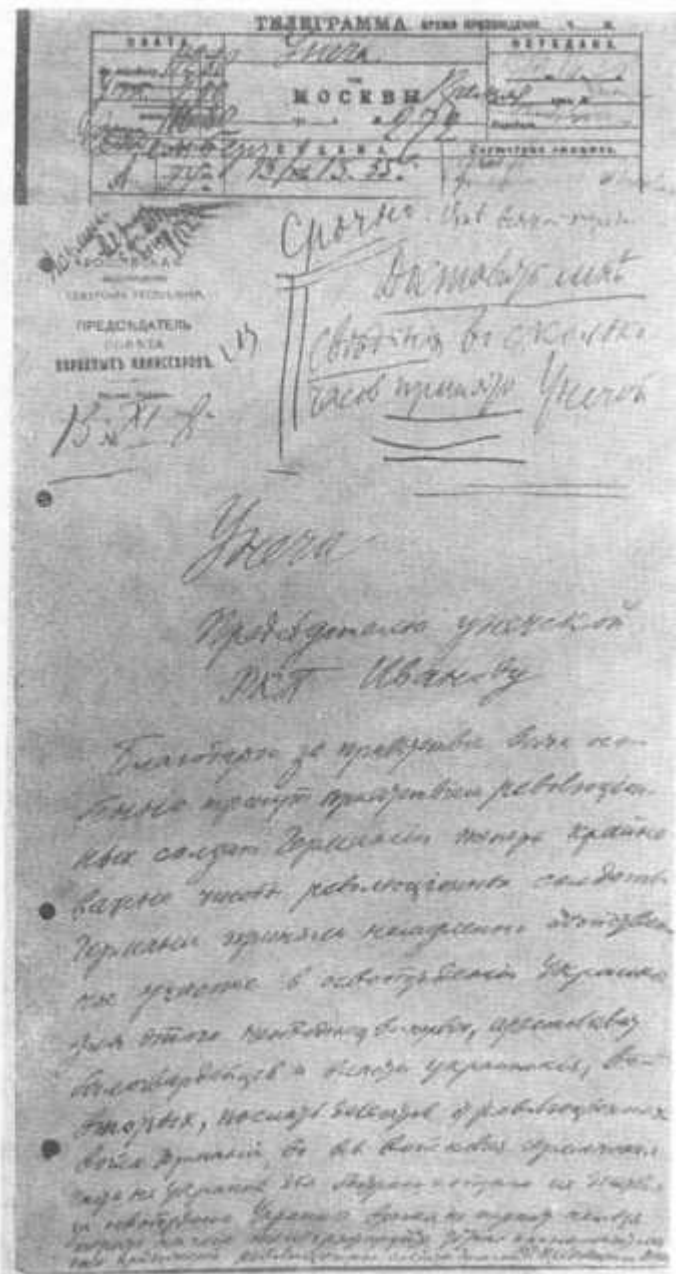
Черняк Т. В., командир Новгород-Северской бригады.

Квятек К. Ш., командир 1-го Богунского полка в 1919 г.

Боженко В. Н., командир Таращанской бригады в 1919 г.

Телеграмма В. И. Ленина председателю Унечской РКП Иванову Н. И. 1918 г.

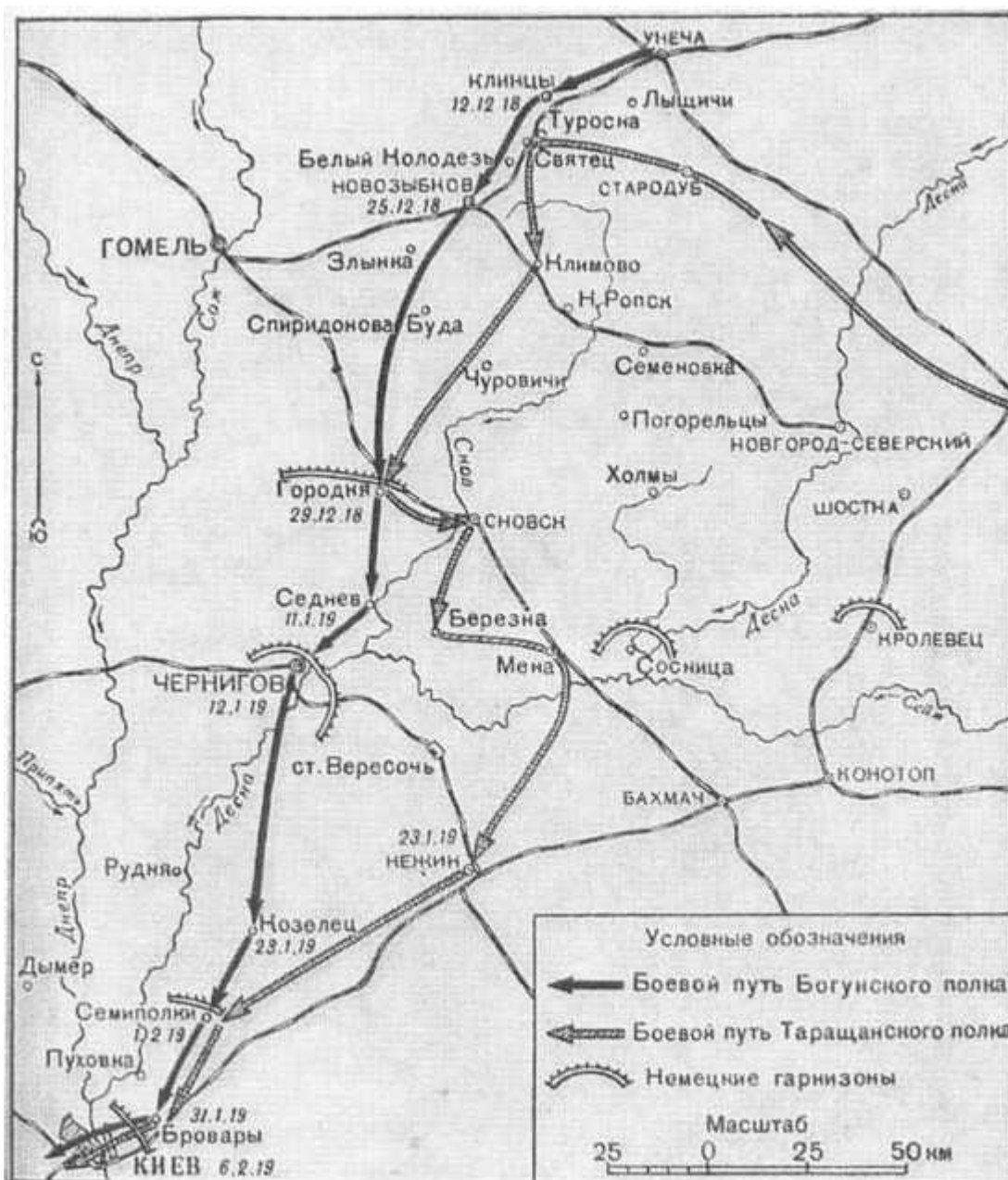
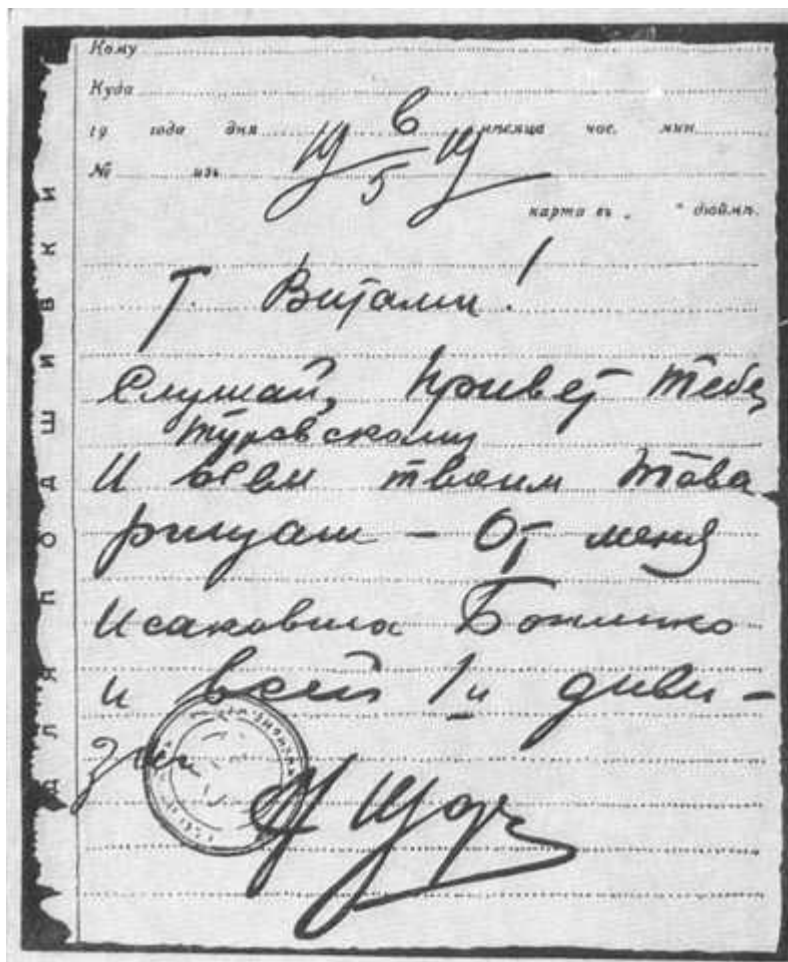

Схема боевого пути Богунского и Таращанского полков на Киев. Ноябрь 1918 г. – февраль 1919 г.

Записка Н. Щорса В. Примакову. 1919 г.

Примаков В. Н. 1919 г.

Коцар Н. Ю., богунец, один из организаторов политотдела 1-й Украинской Советской дивизии.

Освобождение Киева. Февраль 1919 г.

Почетно-революционное Красное знамя I-му Богунскому полку за боевые подвиги от ЦИК Советской Украины в 1919 г.

Антонов-Овсеенко В. А. 1919 г.

Бубнов А. С. и Ворошилов К. Е. 1921 г.

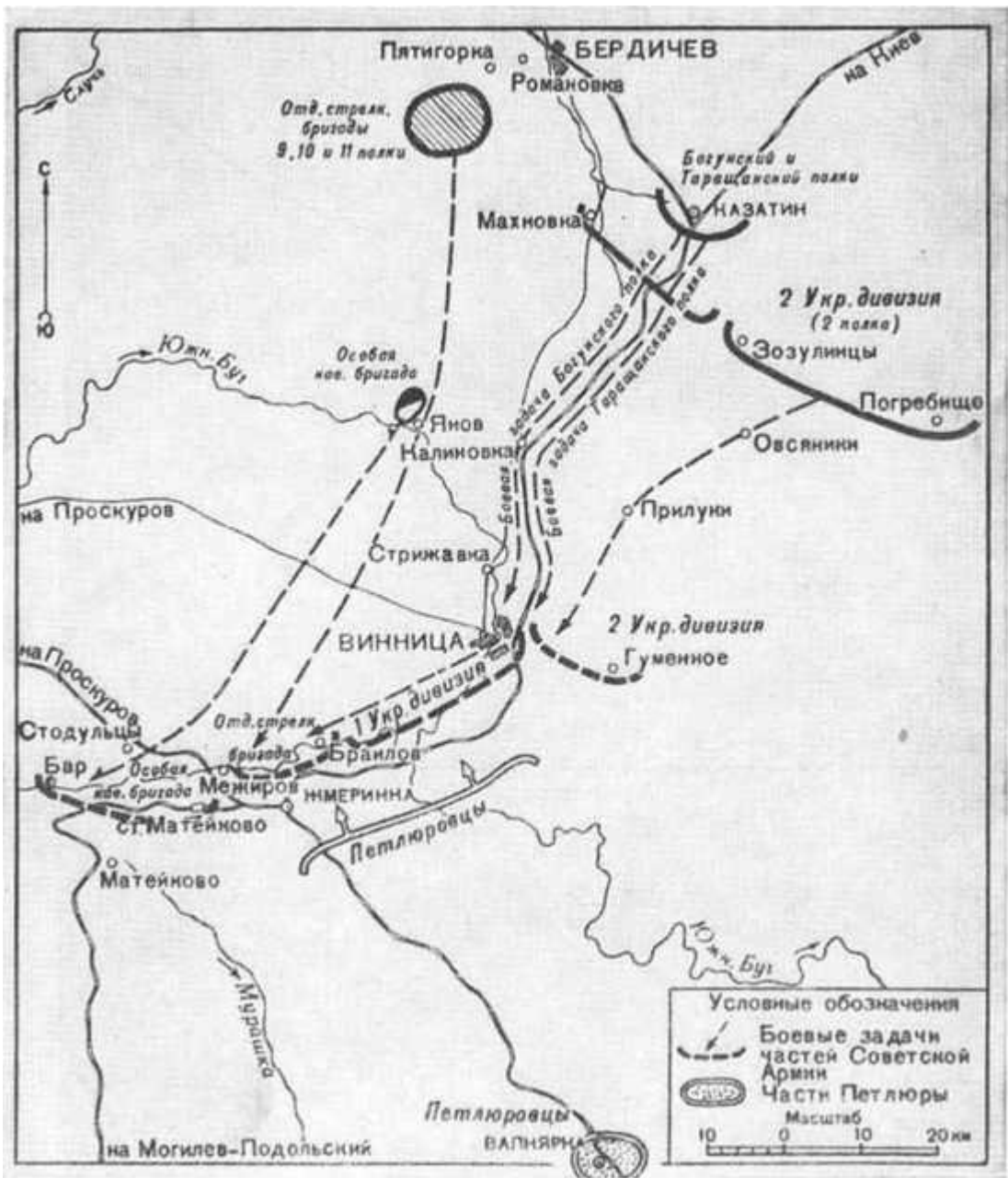

Схема взятия Винницы в 1919 г.

Исакович В. Н., политком 1-й Украинской Советской дивизии.

Кассэр С. В., начальник штаба 1-й Украинской Советской дивизии.

Хайкина (Ростова) Ф. Е.

Петренко – Петриковський С. І., командир кавбригади 1-ї Української Соєтської дивізії в 1919 г.

Алтухова Соня, медсестра Богунского полка.

Ребенок М. Е., ординарец Н. А. Щорса в Семеновском отряде в 1918 г., а потом боец Богунского полка.

Бронепоезд «Коммунист». 1919 г.

Лента – подарок за храбрость Н. А. Щорсу от красноармейцев восьмой роты 1-го Богунского полка в день освобождения Чернигова 12 января 1919 г.

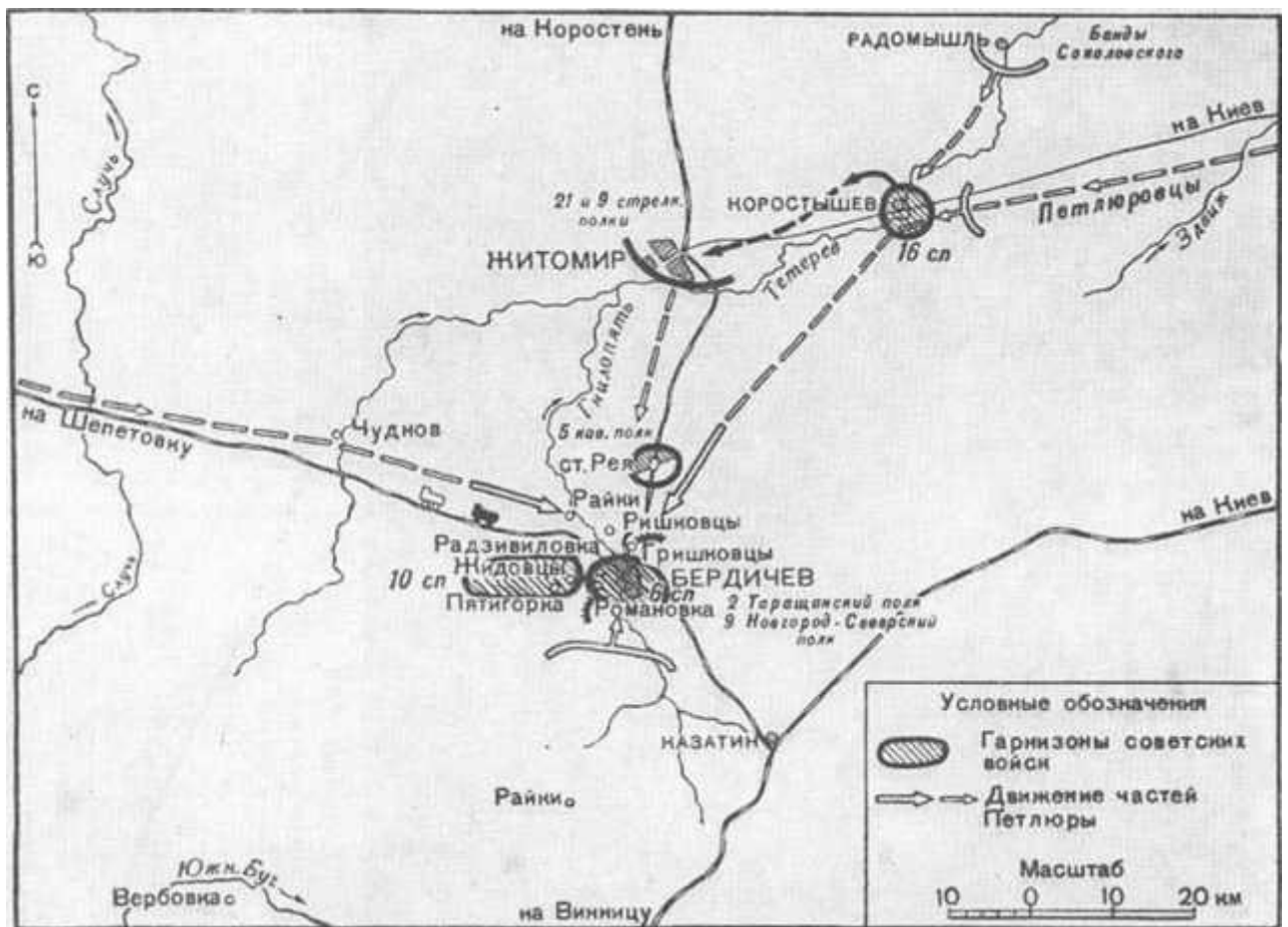
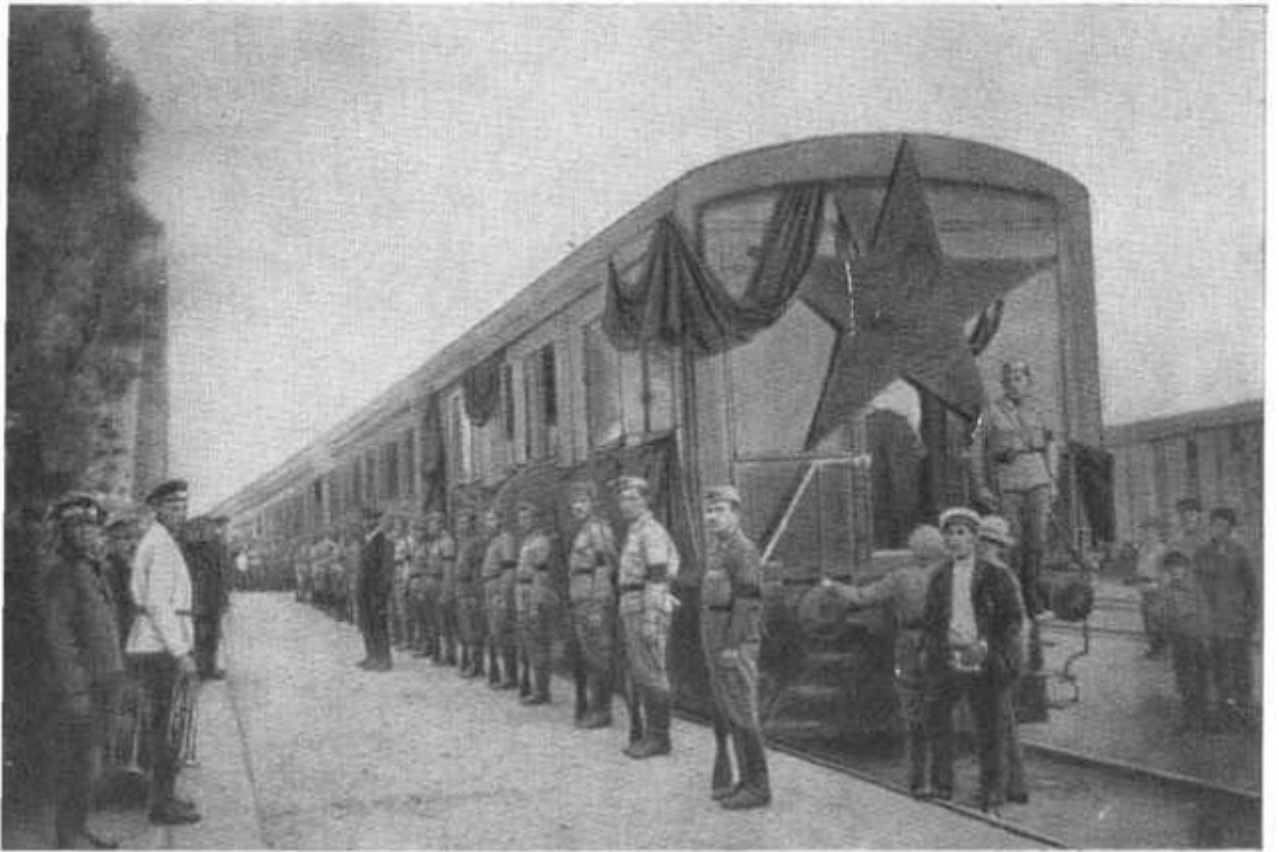
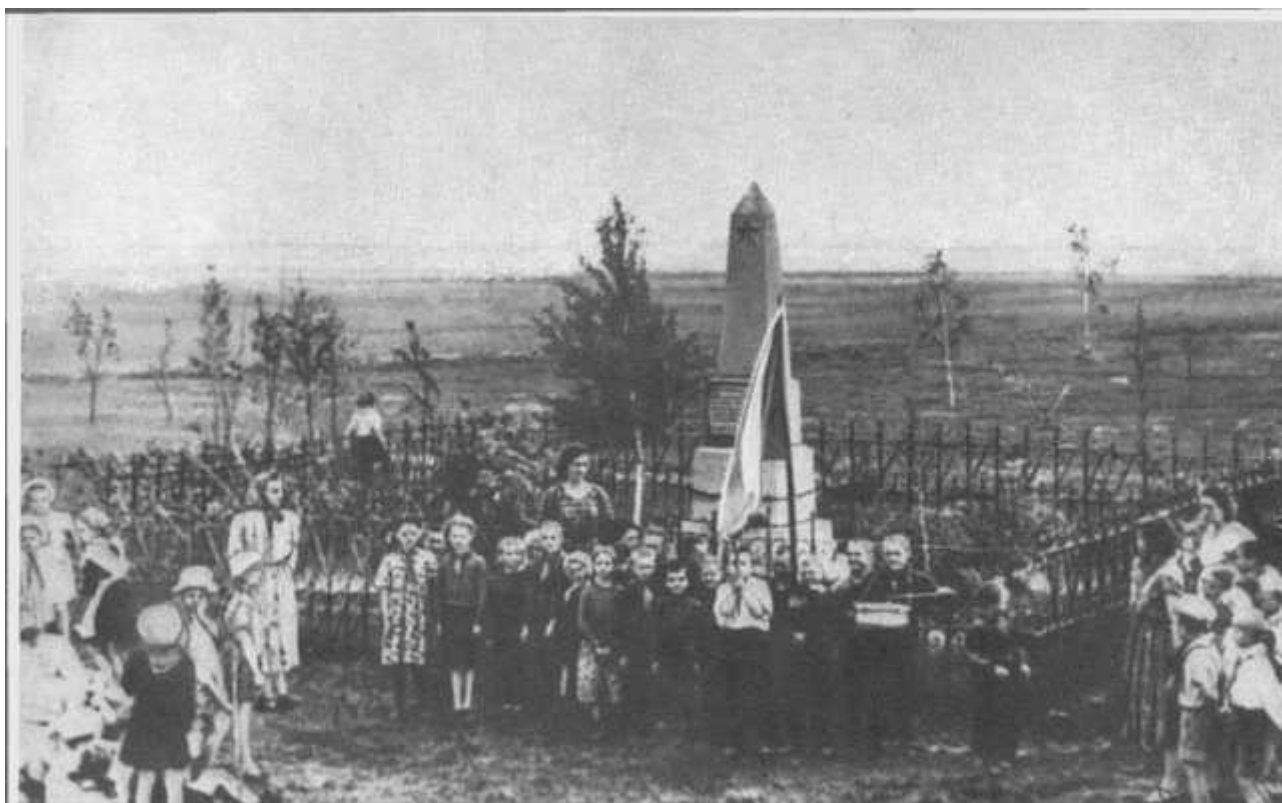

Схема боев под Бердичевом в 1919 г.

Траурный поезд Н. А. Щорса. 1919 г.

Место гибели Н. А. Щорса.